

Лиза Джейн Смит Начало

Дневники Стефана – 1

Перед вами захватывающая предыстория событий, описанных в книгах серии "Дневники вампира". Рассказ о любовном треугольнике, жажде крови и о тех, кто мог бы жить вечно... На дворе 1864 год, в Америке полыхает пламя Гражданской войны. Но Стефана Сальваторе ждет свое, совсем иное сражение. Семья подталкивает его к женитьбе на девушке, которую он совсем не любит. Мучаясь сомнениями, Стефан встречается загадочную незнакомку по имени Катерина. У нее красивые глаза и завораживающая улыбка, она уверена в себе и очаровательна, но скрывает одну страшную тайну: Катерина — вампир.

1

День, который изменил всю мою жизнь, начался как любой другой. Это был августовский день 1864 года, столь гнетуще жаркий, что даже мухи не роились вокруг амбара. Не было слышно и визга детей прислуги, обычно затевавших буйные игры в перерывах между домашними делами. Воздух застыл неподвижно, и было ясно, что долгожданной грозы не предвидится. Я собирался провести этот день в прохладном лесу на окраине поместья Веритас, моего родового гнезда, катаясь верхом на своей лошади Мезанотт. Положив в ранец книгу, я хотел просто сбежать. Именно так я тем летом проводил большую часть времени. Мне было семнадцать, я был неутомим, но не готов ни к тому, чтобы пойти на войну вместе со своим братом, ни к тому, чтобы учиться у отца управлению поместьем. Каждый день я проживал в надежде, что несколько часов уединения помогут мне наконец понять, кто я такой и кем хочу стать. Мое обучение в Юношеской академии завершилось весной, и отец заставил меня отложить поступление в университет до окончания войны. С тех пор я будто бы застрял, что называется, между землей и небом — уже не мальчишка, но еще не мужчина — и совершенно не знал, что с собой делать.

Хуже всего было то, что мне не с кем было поговорить. Дамон, мой брат, сражался в армии генерала Грума на юге, в Атланте, большинство друзей детства либо были уже помолвлены и собирались жениться, либо тоже воевали, отец же проводил все время в своем

кабинете.

— Жаркий будет денек! — прокричал из дальней части конюшни наш надсмотрщик Роберт, наблюдая, как двое мальчишек-конюхов пытаются взнуздать одну из тех лошадей, что отец на прошлой неделе купил на аукционе.

— Точно, — пробурчал я.

В этом и заключалась проблема: я мечтал о собеседнике, но ни один из имеющихся меня не удовлетворял. Я отчаянно желал найти кого-то, кто понял бы меня, с кем можно было бы обсуждать не только погоду, но и настоящие вещи, вроде книг или жизни. Роберт, один из лучших поверенных моего отца, был далеко неглупым, но настолько шумным и бесцеремонным, что уже после десятиминутного разговора с ним я чувствовал себя опустошенным.

— Слыхали новости? — спросил Роберт, не давая мне приблизиться к лошадям. Я тяжело вздохнул и покачал головой.

— Не читаю газет. Что поделявает генерал Грум? — спросил я, хотя разговоры о войне всегда меня угнетали.

Роберт закрыл ладонью глаза от солнца и отрицательно покачал головой:

— Я не о войне. Нападения на животных. Только и разговоров, что о пяти пропавших курах Гриффина. Они нашлись, и у всех разорваны шеи.

Я застыл, сделав полшага, волосы на затылке встали дыбом. Все лето с соседних плантаций до нас доходили слухи о странных нападениях на домашний скот. Как правило, речь шла об очень мелких животных, в основном курах и гусях, а в последние несколько недель кто-то — возможно, и сам Роберт после четырех или пяти порций виски — стал распускать слухи, что в этих нападениях виновна нечистая сила. Я не верил слухам, но они служили еще одним напоминанием о том, что мир был уже не тем, в котором я вырос. Все менялось, хотел я этого или нет. Их могла зарезать бродячая собака, — я нетерпеливо взмахнул рукой, повторяя слова, подслушанные в разговоре отца с Робертом на прошлой неделе. Подул легкий ветерок, и лошади стали нервно перебирать ногами.

— В таком случае я надеюсь, что ни одна из этих бродячих собак не встретится вам, когда вы как обычно отправитесь на одинокую верховую прогулку, — с этими словами Роберт зашагал к пастбищу.

Я вошел в прохладную темную конюшню. Размеренный ритм дыхания лошадей и их фырканье моментально успокоили меня. Я снял со стены щетку и прошелся ею по гладкой угольно-черной шкурке Мезанотт. Лошадь благодарно заржала.

В эту минуту дверь конюшни со скрипом отворилась, и вошел отец. Будучи высоким мужчиной, отец излучал такую силу и держался столь внушительно, что мог с легкостью запугать любого, кто вставал на его пути. Его лицо, изборожденное морщинами, только добавляло властности всему облику. Несмотря на жару, отец был одет в строгий утренний костюм.

— Стефан? — позвал он, осматривая конюшню. Прожив в Веритас много лет, отец заходил сюда всего несколько раз, предпочитая, чтобы ему подавали экипаж прямо к крыльцу.

Я выбрался из стойла. Отец прошел в заднюю часть конюшни. Он оглядел меня, и я внезапно смутился из-за того, что он видит меня потным и облепленным грязью.

— Для этого существуют конюхи, сынок.

— Знаю, — ответил я, чувствуя, что невольно разочаровал его.

— Чтобы развлекаться с лошадьми, существуют определенные время и место. Но наступает момент, когда мальчику следует бросить забавы и стать мужчиной, — отец больно ткнул Мезанотт в бок. Она захрапела и попятилась.

Я сильно сжал челюсти, ожидая бесконечного рассказа о том, как в моем возрасте он перебрался из Италии в Виргинию, имея только то, что было на нем надето. Как он не сдавался, и как ему в конце концов удалось, начав с крошечного клочка земли площадью в один акр, создать двухсотакровое поместье, которое теперь называется Веритас. Отец назвал

его так, потому что в переводе с латыни это слово означает «истина», а он уверен в том, что пока человек жаждет истины и борется с обманом, ему больше ничего в этой жизни не нужно...

Отец прислонился к дверям конюшни.

— Розалин Картрайт только что отпраздновала шестнадцатилетие. И она ищет себе мужа.

— Розалин Картрайт? — переспросил я. Когда нам было по двенадцать, Розалин уехала из Ричмонда в частную школу для девочек из высшего общества, и с тех пор я ее не видел. Она запомнилась мне невзрачной, с бесцветными волосами и бесцветными глазами и, кажется, всегда одетой в коричневое платье. Она никогда не была веселой и солнечной, как Клементина Хейверфорд, или кокетливой и энергичной, как Амелия Хок, или умненькой и озорной, как Сара Бреннан. Она была просто тенью на заднем плане, довольствуясь второстепенными ролями во всех наших школьных играх и даже не пытаясь пробиться в лидеры.

— Да, Розалин Картрайт. — Отец подарил мне одну из своих редких улыбок. Уголки его губ при этом едва поднимались вверх, и всем, кто плохо его знал, казалось, что он насмехается. — Мы поговорили с ее отцом, и ваш союз кажется нам идеальным. Ты всегда ей нравился, Стефан.

— Не знаю, подходим ли мы друг другу, — пробормотал я, чувствуя, как холодные стены конюшни окружают меня, подступая все ближе. Конечно же, они поговорили. Мистер Картрайт был владельцем городского банка, и такой альянс сделал бы возможным дальнейший рост нашего поместья. И если уж они поговорили, можно считать, что Розалин и я уже практически муж и жена.

— Конечно же, ты не знаешь, мальчик! — хохотнул отец, шлепнув меня по спине. Он был в замечательном настроении, в то время как мое становилось все хуже с каждым произнесенным словом. Я зажмурил глаза, надеясь, что происходящее — всего лишь дурной сон. — Ни один мальчик в твоем возрасте не знает, что для него действительно хорошо. Поэтому ты должен доверять мне. На следующей неделе я устраиваю обед в вашу честь. А ты пока навести ее, чтобы познакомиться поближе. Наделай комплиментов. Влюби ее в себя, — закончив, отец взял меня за руку и впечатал в мою ладонь маленькую коробочку.

А я?! Что, если я не желал, чтобы Розалин влюблялась в меня? Я хотел сказать это, но промолчал. Вместо этого я затолкал коробочку в задний карман, даже не взглянув на ее содержимое, и снова занялся Мезанотт, расчесывая ее так интенсивно, что она пятилась и негодуяще фыркала.

— Я рад, что мы поговорили, сынок, — сказал отец.

Я ждал, что он заметит мое молчание и поймет, как глупо требовать, чтобы я женился на девушке, которую не видел много лет.

— Отец! — воскликнул я с надеждой, будто подсказывая ему, что нужно освободить меня от уготованной мне участи.

— Думаю, октябрь — подходящий месяц для свадьбы, — проговорил он вместо ответа. Дверь за ним с грохотом закрылась.

Злые слезы жгли мне глаза. Я вспоминал детство, когда нас с Розалин усаживали рядом на субботних барбекю и церковных встречах. Но подобное вынужденное общение ничего не меняло, и, как только Розалин и я достаточно выросли, чтобы самим выбирать себе товарищей по играм, наши дорожки разошлись. Наши взаимоотношения, казалось, навсегда останутся такими, как были десять лет назад: полное равнодушие друг к другу, общение лишь по необходимости, в угоду родителям. До настоящего времени, мрачно подумал я, понимая, что отныне мы связаны навечно.

2

На следующий день я уже сидел на жестком бархатном стуле с низкой спинкой в

гостиной Картрайтов. Каждый раз, когда, пытаюсь устроиться поудобнее, я ерзал на твердом сиденье, я чувствовал на себе пристальные взгляды миссис Картрайт, Розалин и их служанки, как будто я был портретом в музее или персонажем спектакля, разыгрываемого в гостиной. Да и вся комната напоминала мне декорации к пьесе, она едва ли годилась для того, чтобы расслабиться или хотя бы пообщаться. Первые пятнадцать минут моего визита мы напряженно говорили о погоде, о недавно открывшемся в городе новом магазине и о войне.

Потом воцарилась тишина, прерываемая лишь щелканьем вязальных спиц служанки. Я снова взглянул на Розалин, пытаюсь найти в ее облике что-нибудь, достойное комплимента. У нее было приятное лицо с ямочкой на подбородке, мочки ее ушей были маленькие и удивительно симметричные. А те полсантиметра лодыжки, которые выглядывали из-под подола платья, свидетельствовали о тонкой кости.

Внезапно я почувствовал резкую боль в ноге. Я вскрикнул и посмотрел вниз. Крошечная, медного цвета собака размером с крысу вонзила острые зубы мне в щиколотку.

— О, это Пенни. Пенни просто здороваётся, не так ли? — проворковала Розалин, поднимая на руки крохотную собачонку. Та уставилась на меня, продолжая скалиться. Я, как мог, отодвинулся на стуле.

— Она, ммм, очень милая, — пробормотал я, не понимая, какой смысл держать такую маленькую собаку. Предполагается, что собаки — это компаньоны, которые могут сопровождать вас, допустим, на охоте, а не сочетающаяся с мебелью деталь интерьера.

— Милая, не правда ли? — Розалин восторженно подняла глаза. — Она — мой лучший друг, и я должна сказать, что боюсь выпускать ее из дому из-за всех этих ужасных слухов о гибели животных!

— Сказать по правде, Стефан, мы так напуганы! — подхватила миссис Картрайт, проводя руками по корсажу темно-синего платья. — Мне не нравится этот мир, где нам, женщинам, страшно даже выйти на улицу.

— Надеюсь, что бы это ни было, оно не нападет на нас. Иногда мне даже в светлое время суток страшно ступить за порог, — пожаловалась Розалин, крепко прижимая к груди Пенни. Собачонка взвизгнула и соскочила с ее коленей. — Я умру, если с Пенни что-нибудь случится!

— Уверен, что все обойдется. В конце концов, нападения случаются на фермах, а не в городе, — сказал я, чтобы ее успокоить, правда, скорее из вежливости.

— Стефан? — визгливый голос миссис Картрайт напомнил мне, как она с наигранным возмущением отчитывала нас с Дамоном за перешептывания в церкви. Лицо ее сморщилось в гримасу, словно она только что съела лимон. — Не кажется ли вам, что Розалин сегодня особенно хороша?

— О, да, — солгал я.

На Розалин было унылое коричневое платье, сливавшееся с ее бесцветными волосами. Распущенные локоны спадали на костлявые плечи. Одежда Розалин резко контрастировала с убранством гостиной, обставленной дубовой мебелью и гобеленовыми стульями, сияющий деревянный пол которой устилали темные восточные ковры. Из дальнего угла с портрета над мраморным камином на меня неотрывно и строго смотрело угловатое лицо мистера Картрайта. В отличие от своей жены, краснолицей дамы с избыточным весом, мистер Картрайт был мертвенно-бледным и худым и выглядел даже немного устрашающе. Он напоминал стервятника, одного из тех, что мы видели прошлым летом над полем боя. По сравнению со своими родителями Розалин была просто красавицей.

Щеки Розалин запылали. Я снова заерзал на стуле, вспомнив о коробочке в заднем кармане. Прошлой ночью, не в силах уснуть, я, наконец, взглянул на кольцо и сразу его узнал. Изумруд, окруженный бриллиантами, творение искуснейших мастеров Венеции; его носила моя мать до самого дня своей смерти.

— Итак, Стефан, как насчет розового? — Вопрос Розалин вернул меня к реальности.

— Что, простите? — растерянно переспросил я.

Миссис Картрайт раздраженно посмотрела на меня.

— Розовый, для званого обеда на следующей неделе. Так мило со стороны вашего отца устроить этот обед, — сказала Розалин, смущенно уставившись в пол.

— Думаю, розовый будет смотреться восхитительно. Вы будете прекрасны, что бы ни надели, — проговорил я ненатуральным голосом, словно актер, читающий сценарий с листа. Миссис Картрайт одобрительно заулыбалась. Собачонка подбежала к ней, подпрыгнула и улеглась на подушку рядом с хозяйкой. Миссис Картрайт стала ее поглаживать.

Внезапно комната наполнилась жаром и влагой. У меня закружилась голова от приторных, не сочетающихся между собой ароматов духов миссис Картрайт и Розалин. Я украдкой взглянул на антикварные часы в углу. Я пробыл здесь всего пятьдесят пять минут, но они показались мне пятьюдесятью пятью годами.

Я поднялся на подкашивающиеся ноги.

— Было очень приятно навестить вас, миссис и мисс Картрайт, но мне бы не хотелось отнимать у вас остаток дня.

— Благодарю вас, — не вставая, резко кивнула миссис Картрайт. — Мейзи вас проводит, — сказала она, указав подбородком на дремавшую над вязаньем служанку.

Выбравшись из дома, я вздохнул с облегчением. Прохладный воздух остудил мою разгоряченную кожу. Я отпустил кучера и был рад этому, надеясь, что голова прояснится, пока я буду идти две мили до дома. Солнце уже садилось за горизонт, и в воздухе повис тяжелый запах жасмина и жимолости. Взобравшись на холм, я посмотрел на Веритас. Вдоль дороги, ведущей к парадному входу, цвели лилии в больших клумбах. Белые колонны веранды отсвечивали оранжевым в лучах заходящего солнца, вдали сверкала зеркальная поверхность пруда, и слышно было, как возле помещений для прислуги играют дети. Здесь был мой дом, и я любил его.

Но я не мог даже в мыслях разделить его с Розалин. Засунув руки в карманы, я со злостью пнул камень, валявшийся на повороте дороге.

Подойдя к началу подъездной аллеи, я остановился. У въезда в поместье стояла незнакомая карета. У нас редко бывали посетители, и я с любопытством наблюдал, как седовласый кучер спрыгнул со своего места и распахнул дверцу. Наружу ступила прекрасная бледная женщина с каскадом темных вьющихся волос. На ней было развевающееся белое платье, перехваченное на тонкой талии лентой персикового цвета. Персиковая шляпка в тон венчала голову незнакомки, скрывая ее глаза.

Будто почувствовав, что я ее рассматриваю, женщина обернулась. Я задохнулся от неожиданности. Она была более чем прекрасной, она была неземной. Даже на расстоянии двадцати шагов я видел, как мерцали ее глаза, как изгибались в нежной улыбке губы. Ее тонкие пальцы коснулись ожерелья с камеей на шее, и я невольно повторил этот жест, представляя, что это ее маленькая рука касается моей кожи.

Она снова обернулась, и из экипажа, расправляя юбки, вышла еще одна женщина, должно быть, служанка.

— Привет! — окликнула меня незнакомка.

— Привет, — ответил я хрипло, с каждым вдохом ощущая головокружительную смесь запахов лимона и имбиря.

— Меня зовут Катерина Пирс. А вас? — игриво спросила она. Это прозвучало так, будто она знала, что от ее красоты у меня пропал дар речи. Я не знал, обидеться ли мне или, наоборот, поблагодарить ее за инициативу.

— Катерина, — медленно проговорил я, запоминая.

Отец, помнится, рассказывал мне историю, услышанную от неблизкого знакомого из Атланты. Семья его соседей погибла при пожаре во время осады города генералом Шерманом, выжила только шестнадцатилетняя девушка, у которой теперь не осталось родных. Отец сразу же предложил поселить девушку у нас в домике для гостей. Вся история звучала загадочно и романтично, и по глазам отца я видел, насколько его захватила идея стать благодетелем юной сироты.

— Да, — сказала она, и в ее глазах заплясали чертики. — А вы...

— Стефан, — быстро ответил я. — Стефан Сальваторе, сын Джузеппе. Мне очень жаль, что вашу семью постигла такая трагедия.

— Благодарю вас, — сказала она, и ее глаза сразу потемнели и подернулись грустью. — И благодарю вас с вашим батюшкой за то, что приютили меня и мою служанку Эмили. Не знаю, что бы мы без вас делали.

— Да, конечно, — я вдруг почувствовал себя ее покровителем. — Вы будете жить в домике для гостей. Позвольте, я покажу.

— Мы справимся сами. Спасибо, Стефан Сальваторе. — Катерина последовала за кучером, который понес ее большой сундук к маленькому домику, стоявшему отдельно от главной усадьбы. Затем она обернулась и посмотрела на меня. — Или мне следует называть Вас Стефан-Спаситель? — Она подмигнула и развернулась на каблучках.

Я наблюдал, как она идет навстречу закату, и служанка следует за ней по пятам. Я сразу понял, что моя жизнь уже никогда не будет такой, как прежде.

3

21 августа 1864 года

Я не могу ее думать о ней. Не могу даже написать ее имя, ее смею. Она прекрасна, восхитительна и одинока. Когда с Розалин, я сын "Джузеппе, один из мальчиков семьи Сальваторе, вполне взаимозаменяемый с Дамоном, Картрайтов совершенно устроило бы, окажись на моем месте Дамон. Но Дамон точно не согласился бы, и только поэтому женихом стал я, как всегда не решаясь никому ответить отказом.

Но когда я вижу ее, ее гибкую фигурку, ее алые губы, ее глаза, мерцающие, волнующие и грустные одновременно... я наконец-то снова становлюсь самим собой, Стефаном Сальваторе. Я должен быть сильным. Я должен относиться к ней как к сестре. Я должен полюбить ту женщину, которая станет мо ей женой.

Но боюсь, что уже слишком поздно...

Настало время выполнять свои обязательства и нанести второй визит. Розалин Сальваторе, произносил я про себя, направляясь к своей будущей невесте, словно пробуя эти слова на вкус. Я представлял себе, как живу с Розалин в домике для гостей (или, возможно, отец в качестве свадебного подарка построит нам небольшой особнячок), как целыми днями работаю, погружившись в расходно-приходную книгу в душном отцовском кабинете, а Розалин тем временем заботится о наших детях. Я пытался пробудить в себе душевный трепет, но все, что я чувствовал, был холодный ужас, растекающийся по моим венам. Я прошелся по главной аллее поместья и тоскливо поглядел на домик для гостей. Я не видел Катерину со вчерашнего дня, с тех самых пор, как она приехала. Отец посылал Альфреда пригласить ее к ужину, но она отказалась. Весь вечер я провел у окна, не сводя глаз с ее жилища, но не смог заметить даже мерцания свечи. Если бы я не знал, что она и Эмили въехали в этот дом, я бы считал, что он необитаем. Наконец я отправился спать, раздумывая о том, что сейчас делает Катерина, и не нуждается ли она в утешении.

С трудом оторвав взгляд от задернутых штор на втором этаже, я поплелся по подъездной аллее, фунтовая дорога под ногами была твердой и потрескавшейся; хороший ливень явно не помешал бы. Безветренный воздух казался неживым. Вокруг не было ни единой души, но, пока я шел, меня не покидало неприятное чувство, что я не один, и от этого волосы на затылке вставали дыбом. Неожиданно в голове всплыли предупреждения Роберта насчет моих одиноких прогулок.

— Эй! — громко крикнул я и обернулся. И вздрогнул: всего в нескольких футах от меня, прислонившись к статуе ангела, одной из тех, что окаймляли аллею, стояла Катерина. На ней была белая шляпка, защищавшая ее нежную кожу цвета слоновой кости, и белое платье в крошечных розовых бутончиках. Не смотря на жару, ее светлая кожа выглядела

прохладной, как пруд декабрьским утром.

Она улыбнулась мне, показав крепкие, идеально белые зубы:

— Я надеялась на экскурсию по окрестностям, но, кажется, вы уже ангажированы.

При слове «ангажированы» сердце мое заколотилось, а футляр с кольцом в заднем кармане стал тяжелым, как тавро для скота. Я промямлил, заикаясь:

— Я не... Я имею в виду, что могу остаться.

— Ерунда, — Катерина тряхнула головой, — я и так занимаю ваше с отцом жилье, я не могу отнимать у вас еще и время. — Подняв темную бровь, она посмотрела на меня.

Никогда прежде мне не приходилось разговаривать с девушкой настолько простой и уверенной в себе. Я почувствовал внезапное всепоглощающее желание выхватить кольцо из кармана и, встав на одно колено, предложить его Катерине. Но затем я вспомнил об отце и не шелохнулся.

— Можно мне хотя бы немного пройтись с вами? — спросила Катерина, размахивая взад-вперед зонтиком от солнца.

Мы вместе пошли по дороге. Я смотрел по сторонам, гадая, почему она так спокойно разгуливает наедине с мужчиной. Вероятно, дело в том, что она сирота и совсем одна в этом мире. Но, независимо от причины, я был рад этому.

Подул легкий ветерок, и я вновь ощутил лимонно-имбирный запах Катерины, чувствуя, что мог бы умереть от счастья прямо здесь, возле нее. Само ее присутствие служило напоминанием о том, что в этом мире существуют красота и любовь, пусть даже я никогда не смогу обладать ими.

— Пожалуй, я буду звать вас Молчаливый Стефан, — сказала Катерина, когда мы проходили | сквозь дубовую рощу, отделявшую деревню Мисик-Фоллз от отдаленных поместий и плантаций.

— Простите... — Я испугался, что наскучил Катерине так же, как наскучила мне Розалин. — Это потому, что мы в Мистик-Фоллз не очень-то привыкли к приезжим. Сложно говорить с человеком, который не в курсе всех местных дел. Я не хотел бы, чтобы вы скучали. Полагаю, после Атланты наша деревня может показаться вам слишком тихой, — сказал я и тут же ужаснулся своим словам. В Атланте погибли ее родители, а я смею утверждать, что из-за переезда в наши края она лишилась интересной и захватывающей жизни. — Я не имею в виду, что вам было так уж весело в Атланте и не хотелось сбежать оттуда...

Катерина улыбнулась.

— Спасибо, Стефан. Это очень мило, — ее тон говорил о том, что мне не стоит углубляться в эту тему.

Какое-то время мы шли молча. Я нарочно шагал неторопливо, подстраиваясь под Катерину. Затем, случайно или намеренно, ее пальцы слегка задели мою руку.

— Хочу, чтобы вы знали, — сказала она, — я вовсе не считаю вас скучным.

Все мое тело вспыхнуло, как в огне. Я пристально вглядывался в дорогу, делая вид, что пытаюсь определить наилучший маршрут, хотя на самом деле старался скрыть румянец. Кольцо в кармане, казалось, становилось все тяжелее и тяжелее.

Я обернулся, чтобы сказать Катерине... сам не знаю что. Но ее не оказалось рядом.

— Катерина! — позвал я, прикрывая ладонью глаза от солнца. Я ожидал, что ее мелодичный смех вот-вот раздастся откуда-нибудь их придорожных кустов, но все, что я слышал, было это моего собственного голоса. Катерина исчезла.

4

В тот день я так и не пошел к Картрайтам. Обшарив все кусты, я опрометью бросился назад, в поместье, приходя в ужас при мысли, что Катерину мог утащить в лес кто-то неведомый; возможно даже, то самое существо, которое держало в страхе все окрестные плантации.

Однако, примчавшись домой, я обнаружил ее на веранде. Держа в руке стакан лимонада, Катерина раскачивалась на качелях и болтала со своей служанкой. Ее кожа была бледной, а взгляд — спокойным и умиротворенным, будто бы она никогда в жизни не бегала. Как ей удалось добраться сюда так быстро? Я собрался было подойти и спросить, но передумал. Не хотелось бы выглядеть сумасшедшим, который излагает свои безумные мысли.

В этот миг Катерина взглянула на меня и, прикрывая рукой глаза от солнца, спросила с деланным удивлением:

— Вернулись так скоро?

Я молча кивнул, а она соскользнула с качелей и скрылась в гостевом домике.

Воспоминания о ее улыбающемся лице преследовали меня и на следующий день, когда я все же заставил себя нанести визит Розалин. Было даже хуже, чем в первый раз. Миссис Картрайт сидела на кушетке прямо возле меня, и, стоило мне пошевелиться, ее глаза начинали сиять надеждой, что я сию секунду достану кольцо. Я с трудом выдавил из себя несколько вопросов: как себя чувствует оценившаяся в июне Пенни, как поживают ее щенки, как продвигаются дела у Онории Фелл, городской портнихи, которая шьет Розалин розовое платье. Но как бы я ни старался обмануть себя, на самом деле я хотел только одного: извинившись, уйти и провести остаток дня с Катериной.

В конце концов я что-то пробормотал о том, что не хотелось бы возвращаться одному в темноте. Если верить Роберту, произошло еще три нападения на животных, включая лошадь Джорджа Брауэра, убитую прямо возле аптеки. Я чувствовал себя почти виноватым, когда миссис Картрайт провожала меня прямо до экипажа, как если бы мне предстояло пойти на войну, а не проехать три мили до дома.

Добравшись до поместья, я с упавшим сердцем обнаружил отсутствие Катерины. Я уже собрался было развернуться и пойти в конюшню расчесать Мезанотт, но тут услышал сердитые голоса, доносившиеся из открытых окон кухни главной усадьбы.

— Мой сын не посмеет ослушаться меня! Ты вернешься и займешь свое место в строю! — Это говорил отец, и его итальянский акцент был очень заметен, как всегда, когда он бывал сильно расстроен.

— Мое место здесь. Армия не для меня. Что плохого в том, что я поступаю так, как сам считаю нужным? — отвечал второй голос, уверенный, гордый и в то же время рассерженный.

Дамон.

Когда я вошел в кухню и увидел брата, сердце мое забилось сильнее. Дамон был мне самым близким другом, человеком, которого я почитал больше всех на свете, даже больше, чем отца, хотя никогда не решился бы признаться в этом вслух. Я не видел его с прошлого года, с тех пор, как он вступил в армию генерала Грума. Он, казалось, стал выше, волосы его потемнели, а кожа на шее загорела и покрылась веснушками.

Я крепко обнял его, радуясь, что вовремя вернулся. Брат с отцом никогда не ладили, и их ссоры порой доходили до драки.

— Братишка! — Он похлопал меня по спине и тут же высвободился из моих объятий.

— Мы не закончили, Дамон, — предупредил отец, отправляясь в свой кабинет.

Дамон повернулся ко мне.

— Вижу, отец не изменился, такой же, как всегда.

— Не такой уж он плохой, — мне всегда было неловко плохо говорить об отце, даже сейчас, когда я злился на него из-за вынужденной помолвки с Розалин. — Ты только что вернулся? — спросил я, меняя тему разговора.

Дамон улыбнулся. Вокруг его глаз появились тоненькие морщинки, незаметные для тех, кто знал его хуже, чем я.

— Час назад. Не мог же я пропустить объявление о помолвке своего младшего брата, не правда ли? — спросил он с легким сарказмом в голосе. — Отец рассказал мне. Кажется, на тебя возложена обязанность продолжить род Сальваторе. Только подумай, на бал

Основателей ты придешь уже женатым!

Я обмер. Я и забыл о бале. Он был главным событием года, и отец вместе с шерифом Форбсом и мэром Локвудом готовили его месяцами. Частично бал устраивался с целью благотворительности на военные нужды, частично для того чтобы люди имели возможность насладиться последним вздохом уходящего лета, а в основном — для того чтобы лидеры города могли потешить свое тщеславие. В любом случае, бал Основателей всегда был одной из моих любимых городских традиций. Сейчас же я ожидал его с ужасом.

Дамон, вероятно, почувствовал мое состояние, потому что принялся копаться в своем брезентовом рюкзаке, грязном и, кажется, испачканном в крови. Наконец, он извлек большой, бесформенный кожаный мяч, намного большего размера и более продолговатый, чем бейсбольный.

— Сыграем? — сказал он, перебрасывая мяч с одной ладони на другую.

— Что это? — спросил я.

Футбольный мяч. Мы с ребятами играем, когда выпадает свободная минутка между боями. Тебе это пойдет на пользу. Хотя не будешь таким бледным. Мы же не хотим, чтобы ты раскис, — он так похоже симитировал голос отца, что я не мог не рассмеяться.

Дамон вышел на улицу; я последовал за ним, стягивая на ходу льняной пиджак. Солнечный свет вдруг стал теплее, трава — мягче, все вокруг показалось лучше, чем еще минуту назад.

— Лови! — крикнул Дамон, застав меня врасплох. Я успел поднять руки и поймать мяч на уровне груди.

— А мне можно поиграть? — вдруг спросил женский голос.

Катерина. Одета в скромное летнее платье-рубашку сиреневого цвета, с волосами, забранными в пучок на затылке. Я заметил, как идеально подходит к ее темным глазам блестящее голубое ожерелье с камеей, покоящееся во впадинке на шее, и представил себе, как, охватив пальцами нежные ладони, целую ее белое горло.

Я заставил себя оторвать от нее взгляд.

— Катерина, это мой брат Дамон. Дамон, познакомься с Катериной Пирс. Она гостит у нас, — напряженно проговорил я, глядя то на него, то на нее и пытаясь оценить реакцию Дамона.

Глаза Катерины смеялись, как будто ее невероятно забавляла моя церемонность. Дамон реагировал так же.

— Дамон, должна вам сказать, что вы такой же душка, как ваш брат, — сказала Катерина с преувеличенным южным акцентом. Несмотря на то, что это была расхожая фраза, которую могла бы произнести любая местная девчонка в разговоре с мужчиной, в устах Катерины она прозвучала слегка издевательски.

— Это мы еще посмотрим. — Дамон улыбнулся. — Ну как, братишка, позволим девушке сыграть?

— Я не знаю. А какие правила? — спросил я, вдруг почувствовав себя неуверенно.

— Да кому они нужны, эти правила? — сказала Катерина, широко улыбнувшись и мимоходом обнажив свои крепкие, идеально белые зубы. — Думаю, я все равно играю жестче.

В один прыжок она выхватила у меня мяч. Как и накануне, ее руки были холодны как лед, несмотря на жару. От ее прикосновения я ощутил во всем теле небывалый прилив энергии.

— Проигравший чистит моих лошадей! — прокричала она, и ветер разметал ее волосы.

Дамон посмотрел, как она бежит, затем сказал мне:

— Вот девушка, которая хочет, чтобы ее догоняли.

С этими словами Дамон оттолкнулся от земли и побежал. Его мощное тело неслось вниз по склону прямо к пруду.

Через секунду я тоже побежал, чувствуя, как свистит в ушах ветер. «Я догону вас!» — вопил я. Я выкрикивал эту фразу много раз, когда мне было восемь, и я играл с девочками

своего возраста, но сейчас я чувствовал, что ставки в этой игре высоки, как никогда прежде в моей жизни.

5

На следующее утро, едва проснувшись, я услышал от слуг Розалин ошеломляющую новость: на ее драгоценную собачку Пенни напали. Миссис Картрайт срочно вызвала меня к своей дочери, которую никак не могли успокоить. Я попытался утешить ее, но рыдания Розалин не утихали.

Все это время миссис Картрайт бросала на меня неодобрительные взгляды, как будто я должен был лучше стараться, успокаивая Розалин.

— У тебя же есть я, — хрипло повторял я одно и то же, только чтобы ее утешить. В ответ на мои слова Розалин обнимала меня, так горько плача на моем плече, что ее слезы оставляли на жилете влажную отметину. Я старался искренне сочувствовать ей, но меня раздражали эти капризы. К тому же я не вел себя подобным образом даже тогда, когда умерла моя мама. Отец не позволил.

Ты должен быть сильным, бойцом, говорил он на похоронах. И я был. Я не заплакал, когда через неделю после маминой смерти наша няня Корделия по рассеянности стала напевать французскую колыбельную, которую часто пела мама. И когда отец снял мамин портрет, всегда висевший в гостиной. И даже когда пришлось умертвить Артемис, любимую мамину лошадь.

— Ты видел собаку? — спросил Дамон вечером, когда мы шли в город, чтобы выпить в таверне. Сейчас, когда до званого обеда, где я должен был публично попросить руки Розалин, оставались считанные дни, мы собирались отметить мой предстоящий брак стаканчиком виски. По крайней мере так это назвал Дамон; при этом он тянул гласные, копируя протяжное произношение равнинных жителей Чарльстона, и смешно шевелил бровями. Я заставил себя улыбнуться, показывая, что оценил шутку, но, начав говорить, понял, что не могу скрыть своего смятения по поводу женитьбы на Розалин. Нет, она не была совсем уж плохой, просто... просто она не была Катериной.

Я снова подумал о Пенни.

— Да. У нее разорвано горло, но, кем бы ни был этот зверь, он не добрался до ее внутренностей. Странно, правда? — рассказывал я, торопясь, чтобы поспеть за братом. Армия сделала его сильнее и быстрее.

— Станные времена, братишка, — сказал Дамон. — А может, это янки? — поддразнил он, ухмыляясь.

Проходя по брусчатым улицам, я заметил объявления, прикрепленные к большинству дверей: награда в сто долларов тому, кто поймает убийцу домашних животных. Я смотрел на них и думал: вот бы мне изловить этого зверя, получить вознаграждение и купить билет на поезд до Бостона, или до Нью-Йорка, или до любого другого города, где меня не найдут, и где никто никогда не слышал о Розалин Картрайт. Я улыбнулся про себя; так мог бы поступить Дамон — вот уж кто никогда не заботился о последствиях и о чувствах других людей. Я уже собрался было показать ему объявление и спросить, как бы он распорядился сотней долларов, и тут увидел, что кто-то отчаянно машет нам от аптеки.

— Так вы и есть братья Сальваторе? — спросил голос откуда-то сверху. Я прищурился в сумерках и увидел Перл, аптекаршу, стоящую возле своего заведения вместе с дочерью Анной. Как и многие горожане, Перл и Анна были жертвами войны. Муж Перл погиб прошлой весной при осаде Висксбурга. После этого она нашла дом в Мистик-Фоллз и открыла аптеку, где постоянно толпился народ. По крайней мере Джонатан Гилберт находился там почти всегда; проходя мимо, я слышал, как он, жалуясь на недуги, покупал то или иное лекарство. По городу ходили слухи, что он равнодушен к хозяйке.

— Перл, помните моего брата Дамона? — спросил я, когда мы перешли через площадь, чтобы поздороваться.

Перл улыбнулась и кивнула. Ее лицо было абсолютно гладким, и местные девчонки даже придумали специальную игру, кто точнее определит ее возраст. Ее дочь была всего на пару лет младше меня, следовательно, Перл не могла быть такой уж молодой.

— Вы двое действительно красавцы, — удовлетворенно проговорила она. Анна была вылитая мать; когда они вот так стояли рядом, их можно было принять за сестер.

— Анна, вы хорошеете с каждым годом. Вам уже можно ходить на танцы? — спросил Дамон, подмигивая. Я улыбнулся. Конечно, Дамон способен очаровать обеих, и мать, и дочь.

— Почти, — ответила Анна, и ее глаза засверкали от предвкушения. Пятнадцатилетние девочки уже достаточно взрослые для того, чтобы присутствовать на званых обедах и слышать, как оркестр начинает играть вальс. Закрыв аптеку железным ключом, Перл посмотрела на нас.

— Дамон, могу я попросить вас об одолжении? Сделайте так, чтобы завтра вечером Катерина пришла на обед. Она милая девушка, а вы ведь знаете, как люди обычно относятся к чужакам. Мы были с ней знакомы в Атланте.

— Обещаю, — торжественно сказал Дамон.

Я замер. Дамон будет завтра сопровождать Катерину? Я не знал, что она собирается прийти на этот обед, и не представлял себе, как я смогу попросить руки Розалин в ее присутствии. Но какой у меня был выбор? Сказать отцу, чтобы не приглашал Катерину? Не делать предложения?

— Ну, мальчики, развлекитесь сегодня, — сказала Перл, возвращая меня к реальности.

— Подождите! — воскликнул я, моментально позабыв об обеде.

Перл обернулась, лицо ее было удивленным.

— Уже темно, а нападения участились. Позвольте, леди, проводить вас домой.

Перл покачала головой.

— Мы с Анной сильные женщины, не пропадем. Кроме того, — она вспыхнула румянцем и посмотрела по сторонам, будто бы боясь, что ее подслушивают, — я уверена, что Джонатан Гилберт пожелает составить нам компанию. В любом случае, спасибо за заботу.

Дамон повел бровями и присвистнул.

— Ты знаешь, как я отношусь к сильным женщинам, — прошептал он.

— Дамон, веди себя подобающе, — сказал я, ткнув его кулаком в плечо. В конце концов, он уже не на войне, а в Мистик-Фоллз, где люди любят подслушивать, а еще больше — болтать. Как он мог так быстро забыть об этом?

— Конечно, тетушка Стефан! — поддел меня Дамон, повышая голос и шепелявя.

Я против воли засмеялся и для полного удовольствия снова ткнул его кулаком, теперь уже в руку. Удар получился несильным, но я остался доволен, выплеснув раздражение по поводу того, что брат будет сопровождать Катерину.

Он от души шлепнул меня в ответ, и дружеская потасовка захватила бы нас полностью, если бы Дамон уже не открывал дверь в таверну Мистик-Фоллз. Привлекательная рыжеволосая барменша немедленно и с энтузиазмом приветствовала нас из-за стойки. Было понятно, что Дамон чувствовал себя здесь как дома.

Мы с трудом пробрались вглубь заведения. В зале пахло опилками и потом, и повсюду были люди в униформе, одни с перебинтованной головой, другие с рукой на перевязи, третьи ковыляли к барной стойке на костылях. Я узнал Генри, темнокожего солдата, который практически жил в таверне, в одиночестве потягивая виски в дальнем углу. Роберт рассказывал мне о нем: он никогда ни с кем не разговаривал, и никто никогда не видел его при свете дня. Его даже подозревали в этих нападениях, но не мог же он находиться одновременно в таверне и где-нибудь еще?

Я отвел взгляд от Генри, чтобы рассмотреть весь зал. В одном углу тесная компания стариков попивала виски за игрой в карты, а в другом углу, напротив, расположилось несколько женщин. Судя по румянам на их щеках и накрашенным ногтям, это были не те женщины, с которыми стоило бы проводить время подругам нашего детства Клементин

Хэйверфорд и Амелии Хок. Когда мы проходили мимо, одна из них коснулась моей руки своими накрашенными ногтями.

— Ну как, хорошо здесь? — Дамон с довольной улыбкой отодвинул стол от стены.

— Наверное, — я уселся на твердую деревянную лавку, продолжая изучать обстановку. Сидя в таверне, я ощущал себя вовлеченным в тайное сообщество мужчин и понимал, что это еще одна сторона жизни, которую мне не суждено как следует узнать, ведь предполагается, что женатый человек проводит вечера у себя дома.

— Пойду возьму нам выпить, — сказал Дамон и направился к бару. Я наблюдал, как, водрузив локти на стойку, он непринужденно болтал с барменшей, а она запрокидывала голову и хохотала, будто он сказал ей что-то чрезвычайно смешное. Скорее всего, и вправду сказал. Вот почему в него влюблялись все женщины.

— И каково оно, чувствовать себя женатым мужчиной?

Я оглянулся и увидел позади себя доктора Джейнса. В свои семьдесят с лишним он пребывал на грани маразма и любил громко и подробно рассказывать всем, кто соглашался слушать, что своим долголетием он обязан исключительно нежной любви к виски.

— Еще не женатым, доктор, — я натянуто улыбнулся, мечтая, чтобы Дамон поскорее вернулся.

— Но ведь будешь, мой мальчик. Мистер Картрайт уже которую неделю только об этом и твердит в своем банке. Чистая, юная Розалин. Хороший улов! — громко подытожил доктор Джейнс. Я посмотрел по сторонам в надежде, что нас никто не слышит.

Появившийся в эту минуту Дамон аккуратно поставил на стол наши напитки.

— Спасибо, — сказал я, одним махом выпив виски. Доктор Джейнс ушел.

— Жажда, да? — посочувствовал Дамон, отпивая маленький глоток.

Я пожал плечами. В былые времена у меня не было секретов от брата. Но сейчас я чувствовал, что говорить о Розалин опасно. Что бы я ни говорил и что бы ни чувствовал, я все равно должен буду жениться на ней. И если кто-нибудь услышит от меня хоть намек на сожаление, разговорам не будет конца.

Передо мной вдруг появилась новая порция виски. Я поднял глаза и увидел у нашего столика хорошенькую барменшу, ту, с которой Дамон беседовал у стойки.

— Судя по вашему виду, это необходимо. Похоже, у вас был тяжелый день, — барменша подмигнула зеленым глазом и поставила запотевший стакан на грубо сколоченный стол.

— Спасибо, — поблагодарил я, сделав маленький глоток.

— Всегда пожалуйста, — ответила барменша, и ее юбка с кринолином колыхнулась на бедрах. Я наблюдал за ней, пока она возвращалась к стойке. Любая из женщин в таверне, даже из тех, с потерянной репутацией, была интереснее, чем Розалин. Но кого бы я ни рассматривал, в моей голове царил единственный образ — лицо Катерины.

— Ты понравился Элис, — заметил Дамон.

Я печально покачал головой.

— Ты же знаешь, мне нельзя засматриваться. Еще до конца лета я стану женатым мужчиной. Ты по крайней мере волен поступать как хочется, — я думал всего лишь поделиться наблюдением, но мои слова прозвучали, как обвинение.

— Все так, — задумчиво сказал Дамон, — но известно ли тебе, что ты вовсе не обязан делать все, что велит отец?

— Это не так просто. — Я сжал челюсти.

Дамон не мог понять меня: он был настолько необузданным и неуправляемым, что отец доверил мне, младшему сыну, будущее Веритас, и теперь я задыхался под грузом ответственности.

В этой мысли промелькнула тень предательства, будто бы Дамон был виновен в том, что на мои плечи свалилась такая тяжесть. Я потряс головой, стараясь избавиться от этих дум, и отхлебнул еще виски.

— Это очень просто, — сказал Дамон, от которого не укрылся мой приступ

раздражения. — Возьми и скажи ему, что не любишь Розалин. Что ты должен найти свое место в этом мире и не можешь слепо следовать чужим советам. Вот чему меня **научила** армия: ты должен верить в то, что делаешь. Иначе какой в этом смысл?

Я покачал головой.

— Я не такой, как ты. Я доверяю отцу. И знаю, что он хочет только добра. Мне просто нужно... немного больше времени, — наконец сказал я. Это было правдой. Возможно, со временем я смог бы полюбить Розалин, но сама мысль о том, что всего лишь через один короткий год я буду женатым человеком и отцом, наполняла меня ужасом. — Но все будет хорошо, — закончил я не допускающим возражений тоном. Иначе и быть не может. — Что ты думаешь о нашей новой постоялице? — спросил я, меняя тему разговора.

Дамон улыбнулся.

— Катерина, — проговорил он, растягивая имя по слогам, как бы пробуя его на вкус. — Эту девушку непросто понять, согласен?

— Полагаю, что да, — сказал я. К счастью, Дамон не подозревает о том, что Катерина снится мне по ночам, а днем я часто стою у дверей гостевого дома в надежде услышать, как она пересмеивается со своей служанкой. Однажды я даже решил понюхать широкую спину ее лошади, чтобы выяснить, сохранился ли на ней запах имбиря и лимона. Запах улетучился, но в ту минуту, в конюшне, окруженный лошадьми, я осознал, каким неуравновешенным я становлюсь.

— В Мистик-Фоллз таких нет. Как думаешь, есть у нее где-нибудь солдатик?

— Нет! — Я опять почувствовал раздражение. — Она в трауре по родителям. Не думаю, что она вообще кого-то ищет.

— Конечно, — Дамон виновато сдвинул брови. — Я не имел в виду ничего такого. Но, если ей нужно выплакаться, я буду счастлив предложить свою жилетку.

Я напряженно пожал плечами. Да, разговор начал именно я, но мне больше не хотелось слышать, что по этому поводу думает Дамон. Сказать по правде, Катерина была так прекрасна, что я почти мечтал о том, чтобы в Чарльстоне, в Ричмонде или в Атланте однажды нашлись какие-нибудь ее дальние родственники и пригласили ее к себе жить. Не видя Катерины, я, возможно, как-нибудь заставил бы себя полюбить Розалин.

Дамон все смотрел на меня, и я понимал, каким, должно быть, несчастным и жалким я выглядел в эту минуту.

— Выше нос, братишка, — сказал он. — Ночь только начинается, виски за мой счет.

Но во всей Виргинии не хватило бы виски, чтобы заставить меня полюбить Розалин... или забыть Катерину.

6

Погода не изменилась, и в день званого обеда воздух оставался горячим и влажным. Я подслушал, как слуги на кухне судачили о том, что странная безветренная погода стояла из-за происков нечистой силы, убивавшей животных. Но разговоры о злых духах не помешали людям съехаться со всего графства в Гранж-Холл, чтобы выразить поддержку Конфедерации. Кареты подъезжали одна за другой и, не притормаживая, давали задний ход, чтобы убраться с дороги, освобождая путь другим экипажам.

— Стефан Сальваторе! — услышал я, выходя вслед за отцом из экипажа. Ступив на землю, я увидел Эллен Эмерсон с дочерью Дейзи, прогуливающимися рука об руку в сопровождении двух служанок. Сотни фонарей освещали каменные ступени, ведущие к белым деревянным дверям, кареты выстроились вдоль изогнутой подъездной аллеи. Изнутри доносились звуки вальса.

— Миссис Эмерсон. Дейзи, — я склонился в глубоком поклоне. Дейзи ненавидела меня с самого детства, с тех пор, как Дамон подговорил меня столкнуть ее в Ивовый ручей.

— Это же великолепные леди Эмерсон! — воскликнул отец, галантно кланяясь. — Благодарю вас обеих за то, что пришли на этот скромный ужин. Так приятно увидеть всех

горожан вместе. Сегодня мы должны держаться друг друга, как никогда прежде, — сказал отец, глядя в глаза Эллен Эмерсон.

— Стефан, — повторила Дейзи, с нетерпеливым кивком беря меня под руку.

— Дейзи, вы хорошеете с каждым днем. Сможете ли вы простить джентльмена за грехи его молодости?

Она посмотрела на меня с ненавистью. Я вздохнул про себя. В Мистик-Фоллз не было ни тайн, ни загадок. Все знали всех. Если мы с Розалин поженимся, наши дети будут танцевать с детьми Дейзи. У них будет один и тот же круг общения, одни и те же шутки, одни и те же споры. И этот замкнутый круг будет бесконечным.

— Эллен, удостоите ли вы меня чести показать вам внутреннее убранство? — спросил отец, желая поскорее убедиться в том, что зал украшен точно в соответствии с его подробными инструкциями. Эллен кивнула, и мы с Дейзи остались одни под бдительным присмотром служанки Эмерсонов.

— Я слышала, что Дамон вернулся. Как он? — спросила Дейзи, наконец-то соизволив заговорить со мной.

— Мисс Эмерсон, нам бы лучше пройти внутрь и поискать вашу маму, — вмешалась служанка и за руку потащила Дейзи сквозь двойные двери Гранж-Холла.

— Я с нетерпением жду встречи с Дамоном, обязательно передайте это ему! — прокричала Дейзи через плечо.

Вздохнув, я вошел в зал. Гранж-Холл, большой дом, расположенный между нашим поместьем и городом, когда-то использовался для встреч местных землевладельцев, но сейчас временно служил оружейным складом. Стены зала были увиты плющом и глицинией, в глубине висели знамена Конфедерации. С установленной в углу сцены оркестр играл бойкую версию «Славного Голубого флага»¹, и по меньшей мере пятьдесят пар уже кружились в танце со стаканами пунша в руках. Отец явно не пожалел денег, и было понятно, что это не просто обед в честь Конфедерации.

Я снова вздохнул и пошел за пуншем.

Не пройдя и пяти шагов, я почувствовал, как чья-то рука хлопнула меня по спине. Я обернулся, готовый выдать новую натянутую улыбку и принять очередные неуклюжие поздравления, которые уже текли ручьем. Что толку устраивать торжественный обед, чтобы объявить о помолвке, если о ней и так все знают, с горечью думал я.

Я обернулся и, увидев прямо перед собой мистера Картрайта, сразу постарался придать своему лицу взволнованное выражение.

— Стефан, мой мальчик! Вы сегодня герой дня! — сказал мистер Картрайт, предлагая мне стакан виски.

— Благодарю вас, сэр, за оказанную честь стать спутником вашей дочери, — заученно ответил я, делая самый крохотный глоток из всех возможных. После вечера, проведенного с Дамоном в таверне, я проснулся с жестокой головной болью и весь день провел в постели с холодным компрессом на лбу, в то время как на Дамона виски, казалось, не оказало никакого действия. Я слышал, как он гонялся за Катериной по лабиринту на заднем дворе, и их смех, как кинжалом, пронзал мне мозг.

— К вашему удовольствию. Знаю, что это выгодная сделка: минимальный риск и большие возможности для развития.

— Спасибо, сэр. Мне жаль, что так случилось с собакой.

Мистер Картрайт покачал головой.

Не говорите этого моей жене и Розалин, но я всегда ненавидел эту пакость. Не хочу сказать, что, раз ее убили, так ей и надо, но все придают этому слишком большое значение. Все эти толки о демонах, которые мы слышим в этом чертовом городе... Шепчутся о том, что город проклят. А такие разговоры приводят к тому; что люди боятся рисковать.

¹ «Славный Голубой флаг» — популярная песня времен Гражданской войны в США.

Нервничают, когда вкладывают деньги в банк, — мистер Картрайт говорил так громко, что на нас стали оглядываться. Я нервно улыбался.

Краем глаза я видел, как хозяйничает отец, рассаживая людей за длинным столом в центре зала. Я заметил, что стол был сервирован тончайшим маминым фарфором с изображением геральдической лилии.

— Стефан, — сказал отец, хлопая меня по плечу, — ты готов? Ты взял все, что нужно?

— Да. — Я коснулся кольца в нагрудном кармане и, последовав за отцом, занял место во главе стола. Розалин стояла рядом с матерью и напряженно улыбалась своим родителям. Ее глаза, все еще красные от рыданий по бедняжке Пенни, казались еще краснее из-за ее платья — розового платья с оборками, которое, к тому же, было ей велико.

Как только все наши соседи расселись за столом, я понял, что два места слева от меня все еще пустуют.

— Где твой брат? — спросил отец, понизив голос.

Я посмотрел на двери. Оркестр еще играл, и в атмосфере чувствовалось ожидание. Наконец, двери с шумом распахнулись, и вошли Дамон и Катерина. Вместе.

Это нечестно, в ярости думал я. Дамону можно вести себя по-мальчишески, можно продолжать флиртовать и пьянствовать, как ни в чем не бывало. Я же всегда поступал правильно и ответственно, а сейчас чувствовал себя так, будто меня за это наказывают, заставляя стать мужчиной.

Такая вспышка злости удивила даже меня самого. Охваченный чувством вины, я попытался взять себя в руки, одним глотком осушив бокал вина. В конце концов, нельзя же было ожидать, что Катерина придет на обед одна! А Дамон просто проявил галантность, как примерный старший брат. Кроме того, у них не было будущего. Браки, по крайней мере в нашем кругу, могли быть одобрены только как слияние двух семей. А что, кроме красоты, могла предложить Катерина, будучи сиротой? Отец ни за что не позволил бы мне жениться на ней, а значит, не позволит и Дамону. И даже такой человек, как Дамон, никогда не пойдет на то, чтобы жениться на ком-нибудь без одобрения отца. Я прав?

Однако я никак не мог отвести взгляд от руки Дамона, обвивающей тонкую талию Катерины. На этот раз девушка надела зеленое муслиновое платье с пышным кринолином, тихо шелестевшее, пока они с Дамоном шли к двум пустовавшим местам в центре стола. На ее шее сверкало голубое ожерелье. Устраиваясь на своем месте рядом со мной, Катерина подмигнула и слегка задела меня бедром, отчего я неловко заерзал.

— Дамон, — отец коротко кивнул, когда тот уселся слева от него.

— Итак, вы полагаете, что к зиме армия дойдет до Джорджии? — громко спросил я у Ионы Палмера, только потому, что не рискнул заговорить с Катериной. Услышав ее музыкальный голос, я могу растерять всю свою решимость и не сделать предложение Розалин.

— Меня не волнует Джорджия. Меня волнует то, как объединить силы правопорядка и решить все проблемы здесь, в Мистик-Фоллз. Мы не станем более терпеть эти нападения, — громогласно заявил Иона, городской ветеринар, тренировавший местный отряд добровольцев, и ударил кулаком по столу с такой силой, что задребезжал фарфор.

Как раз в эту минуту в зал вошли многочисленные слуги, неся блюда из фазана. Я взял было серебряную вилку, но лишь разбросал дичь по тарелке; аппетит начисто отсутствовал. Вокруг меня текли обычные для таких обедов разговоры: о войне, о том, что мы можем сделать для наших солдат, о предстоящих обедах, барбекю и церковных собраниях. Катерина через стол сосредоточенно кивала Онории Фелл, и я вдруг почувствовал, что завидую этой седеющей завитой матроне. Она могла делать то, чего я сам отчаянно желал: разговаривать с Катериной один на один.

— Ты готов, сын? — Отец ткнул меня локтем в бок, и я заметил, что все уже доели. Налили еще вина, и оркестр, сделавший перерыв на время трапезы, снова заиграл в углу. Настал момент, которого все ждали: все знали, что будет объявлено о помолвке, а значит, за этим последует празднование и танцы. Так всегда происходило на подобных торжествах в

Мистик-Фоллз. Но никогда прежде я не был в центре внимания. Словно по сигналу, Онория наклонилась в мою сторону, а Дамон ободряюще улыбнулся. Чувствуя, как к желудку подступает тошнота, я глубоко вдохнул и постучал ножом по хрустальному бокалу. В зале немедленно воцарилась тишина, и даже слуги остановились на полпути и уставились на меня.

Я встал, сделал большой глоток вина для храбрости и прочистил горло.

— Я... э... — начал я низким, напряженным голосом, который и сам не узнал. — Я хочу сделать объявление. — Уголкем глаза я увидел, как отец хватается за бокал с шампанским, готовый вскочить и произнести тост. Я взглянул на Катерину. Она смотрела на меня, глаза в глаза. Я отвел взгляд и так сильно сжал бокал, что он чуть не лопнул. — Розалин, я прошу вашей руки. Вы окажете мне честь быть вашим мужем? — поспешно проговорил я, роясь в кармане в поисках кольца. Наконец я извлек коробочку и встал на колени перед Розалин, пристально глядя в ее водянистые голубые глаза.

— Это вам, — хрипло сказал я, со щелчком открывая крышку и протягивая ей кольцо.

Розалин завизжала, и в зале послышались жидкие аплодисменты. Кто-то похлопал меня по спине, я обернулся и увидел ухмыляющегося Дамона. Катерина вежливо аплодировала с непонятым выражением лица.

— Вот. — Я взял тонкую белую руку Розалин и надел кольцо ей на палец. Оно было велико, и изумруд скособочился к мизинцу. Розалин выглядела ребенком, примеряющим мамины украшения. Но ее, казалось, совсем не беспокоило, что кольцо не подходит. Напротив, она вытянула руку, любуясь, как бриллианты отражают свет от свечей на столе. Вокруг нас сразу же началась толкотня из-за женщин, воркующих над кольцом.

— Это надо отпраздновать! — прокричал отец на другом конце стола. — Сигары всем! Стефан, сынок, иди сюда! Ты сделал меня счастливым отцом!

Я кивнул и на трясущихся ногах направился к нему. Всю свою жизнь я стремился заслужить одобрение отца, и в том, что сейчас происходило, мне виделась ирония судьбы: сделав его счастливейшим из людей, я почувствовал себя мертвым.

— Катерина, вы потанцуете со мной? — расслышал я голос Дамона сквозь грохот отодвигаемых стульев и звон посуды. И замер в ожидании ответа.

Катерина подняла глаза, бросив хитрый взгляд в мою сторону. Она долго смотрела на меня. Дикое желание сорвать кольцо с пальца Розалин и украсить им бледную руку Катерины почти победило меня. Но отец увлек меня за собой, и, прежде чем я смог опомниться, Дамон схватил Катерину за руку и повел ее танцевать.

7

Вся следующая неделя прошла как в тумане.

Я разрывался между примерками в магазине миссис Фелл, визитами в душную гостиную Картрайтов и походами в таверну с Дамоном. Я старался забыть Катерину, закрывал ставни, чтобы не было соблазна поглядеть через лужайку на домик для гостей. Я заставлял себя улыбаться и приветствовал Дамона с Катериной взмахом руки, наблюдая, как они исследуют близлежащие сады.

Однажды я забрался на чердак и долго смотрел на портрет матери. Я пытался понять, какой совет дала бы мне она.

Любовь — это терпение; я помню, как она повторяла это с певучим французским акцентом, когда мы читали Библию. Эта мысль успокоила меня. Возможно, любовь еще могла прийти к нам с Розалин.

И я попытался полюбить Розалин или хотя бы начать испытывать к ней привязанность. Я знал, что за ее незаметностью и волосами грязно-белого цвета я должен суметь разглядеть милую девушку, которая станет преданной женой и матерью. И наши последние встречи вовсе не были ужасными. Розалин пребывала в приподнятом настроении. У нее была новая собака, холеная черная тварь по имени Шейди, которую она повсюду таскала за собой, чтобы

нового щенка не постигла участь бедняжки Пенни. В какой-то момент, когда Розалин, глядя на меня снизу вверх с немим обожанием, спрашивала, какие цветы, сирень или гардении, я предпочел бы видеть на нашей свадьбе, я уже почти любил ее. Возможно, этого будет достаточно.

Отец, не теряя времени даром, уже организовывал следующий прием — барбекю в нашем поместье. Он пригласил всех соседей в радиусе двадцати миль. Я узнавал в лицо лишь немногих из тех молодых людей, хорошеньких девушек и солдат Конфедерации, которые, ведя себя по-хозяйски, слонялись по лабиринту. Когда я был младше, я любил приемы в Веритас: нам с друзьями всегда удавалось сбегать на замерзший пруд, поиграть в прятки на болоте, верхом съездить к мосту или, подзадоривая друг друга, понырять в холодные глубины Ивового ручья. Но сейчас я мечтал только о том, чтобы все поскорее разъехались, и я смог бы остаться один в своей комнате.

— Стефан, выпьете со мной виски? — позвал меня Роберт из импровизированного бара, установленного в галерее. Судя по его кривой ухмылке, он был уже изрядно пьян.

Он подал мне запотевший бокал и чокнулся со мной.

— Очень скоро по всей усадьбе будут бегать маленькие Сальваторе, представляете? — Он широко развел руки, будто показывая, сколько места займет мое воображаемое разросшееся семейство.

Я с несчастным видом болтал виски в бокале, не в силах представить эту картину.

— Да уж, вы сделали своего отца счастливым мужчиной, а Розалин — счастливой девушкой, — сказал Роберт. И еще раз поднеся свой бокал к моему, он отправился поболтать с надсмотрщиком Локвудов.

Я вздохнул и присел на качели, наблюдая за царящим повсюду весельем. Я понимал, что мне следовало бы чувствовать себя счастливым. Я верил, что отец всегда желал мне добра. Я знал, что нет ничего плохого в женитьбе на Розалин. Тогда почему эта помолвка казалась мне смертным приговором?

Люди на лужайке ели, смеялись и танцевали, а импровизированный оркестр, состоявший из друзей моего детства Итена Гриффина, Брайана Уолша и Мэтью Хартнетта, исполнял «Славный Голубой флаг». Небо было безоблачным, погода — приятной, и только легкий холодок в воздухе напоминал о том, что уже наступала осень. Вдали развлекались дети, с визгом раскачиваясь на воротах. Меня окружало веселье, которое не находило отклика в моей душе, и от этого сердце тяжело билось в груди.

Я встал и пошел в дом, в кабинет отца. Закрыв за собой дверь, я вздохнул с облегчением. Тяжелые алые шторы почти не пропускали солнечного света. В комнате было прохладно и пахло кожей и старыми книгами. Я взял тонкий том сонетов Шекспира и открыл на своем любимом произведении. Шекспир всегда убаюкивал меня, успокаивал мой ум и напоминал, что на свете есть красота и любовь. Возможно, я смогу ощутить их хотя бы с помощью искусства, и этого хватит, чтобы найти в себе силы жить дальше.

Разместившись в углу в кожаном клубном кресле, я рассеянно листал тонкие гладкие страницы. Не знаю, как долго я сидел, отдавшись во власть прекрасного слога, но по мере чтения мне становилось спокойнее.

— Что вы читаете?

Я вздрогнул от неожиданности и нечаянно с грохотом захлопнул книгу.

У двери в кабинет стояла Катерина в простом белом шелковом платье, подчеркивающим каждый изгиб ее тела. Все остальные женщины на этом празднике были задрапированы в многочисленные слои плотной ткани, скрывающие тело, но Катерину, казалось, абсолютно не смущали ее открытые белые плечи. Я счел правильным отвести взгляд.

— Почему вы не на приеме? — спросил я, наклоняясь, чтобы поднять книгу.

Катерина шагнула ко мне.

— Почему *вы* не на приеме? Разве вы не почетный гость? — Она присела на подлокотник моего кресла.

— Вы читали Шекспира? — спросил я, указывая на открытую книгу у себя на коленях.

Это была неуклюжая попытка сменить тему разговора; я еще не встречал девушку, знакомую с творчеством Шекспира. Как раз вчера Розалин призналась мне, что за последние три года, с тех пор как она окончила Академию для девушек, не прочитала ни одной книги. Да и то, последний томик, прочитанный ею, был пособием, как стать примерной женой сына Конфедерации.

— Шекспир, — повторила она, разделяя слова на слоги. У нее было необычное произношение, совсем не такое, как у других жителей Атланты. Она рассеянно покачивала ногой; я заметил, что на ней нет чулок, и отвел взгляд.

— «Сравню ли с летним днем твои черты?»² — процитировала она.

Я взглянул на нее в изумлении.

— «Но ты милей, умеренней и краше», — продолжил я цитату. Сердце мое отчаянно забилося, а мозг, напротив, будто бы увяз в патоке, создавая необычное ощущение, что я вижу все это во сне.

Катерина схватила книгу с моих колен и закрыла ее с гулким хлопком.

— Нет, не читала, — твердо сказала она.

— Но ведь вы процитировали строку сонета! — воскликнул я, раздосадованный тем, что она снова меняет правила игры, которые, как мне казалось, я хорошо понимал.

— Для мистера Шекспира это строка сонета. А я всего лишь задала вопрос. Сравню ли с летним днем твои черты? Достойны ли вы такого сравнения, мистер Сальваторе? Или вам нужна книга, чтобы определиться? — спросила Катерина, усмехаясь и держа книгу вне пределов моей досягаемости.

Я в замешательстве прочистил горло. Будь на моем месте Дамон, он бы не задумываясь дал остроумный ответ. Но в присутствии Катерины я напоминал себе школьника, старающегося произвести впечатление на девочку при помощи добытой из пруда лягушки.

— Вы можете сравнить с летним днем моего брата. Вы ведь так много времени проводите вместе, — я покраснел и тотчас пожелал забрать свои слова обратно, так мелко и завистливо они прозвучали.

— Тогда, возможно, с летним днем, в котором слышится отдаленная гроза, — сказала, Катерина, выгибая бровь. — Вы же, Ученый Стефан, совсем не такой, как Темный Дамон. Или... — Катерина отвернулась, и тень усмешки пробежала по ее лицу, — Стремительный Дамон.

— Я тоже могу быть стремительным, — обиженно сказал я, не понимая толком, что говорю. Разочарованный, я тряхнул головой. Казалось, Катерина каким-то образом вынуждает меня высказываться, не думая. Она была такой живой и непосредственной, что, разговаривая с ней, я чувствовал себя словно во сне, где все, что я скажу, не могло иметь никаких последствий и в то же время было крайне важным. В таком случае, я должна в этом убедиться, — сказала Катерина, положив холодную руку мне на предплечье. — Я хорошо знаю Дамона, а с вами едва знакома. Стыдно, не так ли?

Вдалеке ансамбль грянул «Старого повстанца».³ Я знал, что должен выйти, выкурить сигару с мистером Картрайтом, закружить Розалин в первом вальсе, поднять тост за свое место в мужском сообществе Мистик-Фоллз. Но вместо этого я продолжал сидеть в клубном кожаном кресле, желая навсегда остаться в библиотеке, вдыхая запах Катерины.

— Могу я позволить себе одно замечание? — спросила Катерина, наклоняясь ко мне. Выбившийся из прически темный завиток опустился на белый лоб. Мне потребовалась вся моя воля, чтобы не поддаться желанию убрать его с ее лица. — Не думаю, что вы в восторге

² У. Шекспир, сонет 18, перевод С. Я. Маршака.

³ «Старый повстанец» («О, я старый добрый повстанец») — популярная песня времен Гражданской войны в США.

от происходящего. Это барбекю, эта помолвка...

Сердце мое заколотилось. Я внимательно посмотрел в темные глаза Катерины. В прошедшие недели я отчаянно пытался скрыть свои чувства. Но замечала ли она, как я застывал под окнами ее домика? Видела ли, как я гнал Мезанотт в лес, когда они с Дамоном обследовали сады, чтобы скрыться от их смеха? Узнала ли она каким-то образом мои мысли?

Катерина сочувственно улыбнулась.

— Мой бедный, мой сладкий, мой стойкий Стефан. Разве вы не знаете, что правила создают, чтобы их нарушать? Вы не сможете сделать счастливым никого — ни своего отца, ни Картрайтов, ни Розалин — если не будете счастливы сами.

Я прочистил горло, с болью осознавая, что эта женщина, которую я знаю всего несколько недель, понимает меня лучше, чем мой собственный отец, и лучше, чем когда-либо будет понимать меня моя будущая жена...

Катерина соскользнула со стула и взглянула на тома книг на полках. Она вытащила толстую книгу в кожаном переплете, «Тайны Мистик-Фоллз».

— Я никогда раньше не видел этой книги.

Улыбка осветила розовые губы Катерины, и она поманила меня к себе, на отцовский диван. Я знал, что мне не следует этого делать, но, словно под гипнозом, встал, пересек комнату, опустился на прохладную первоклассную кожу дивана и просто отдался воле событий.

В конце концов, кто знает? Возможно, те несколько мгновений, что я проведу с ней, станут бальзамом для моей души и излечат меня от меланхолии.

8

Я не знаю, сколько времени мы были в комнате вдвоем. В углу отсчитывали минуты дедушкины часы, но я замечал лишь то, как ритмично дышит Катерина, как падает свет на ее впалую щеку, как шелестят страницы просматриваемой нами книги. В глубине души я осознавал, что должен уйти, и поскорее, но, представив себе музыку, танцы, тарелки с жареной курицей и Розалин, я буквально лишился способности двигаться.

— Вы не читаете! — вдруг сказала Катерина, отрываясь от «Тайн Мистик-Фоллз».

— Да, я не читаю. Почему же? Вы так расстроены? — Катерина встала и протянула тонкие руки вверх, чтобы вернуть книгу обратно на полку. Она поставила ее не на старое место, а рядом с отцовскими справочниками по мировой географии.

— Сюда, — пробормотал я, подойдя сзади, чтобы взять книгу и поставить ее на прежнее место на верхней полке. Меня тотчас же окружил запах имбиря и лимона, вызывая слабость и головокружение.

Катерина обернулась ко мне. Наши губы оказались в нескольких дюймах друг от друга, и внезапно ее запах показался мне почти невыносимым. Умом я понимал, что поступаю неправильно, но сердце мое кричало, что я никогда не стану самим собой, если не поцелую Катерину. Закрыв глаза, я потянулся к ней, и наши губы соприкоснулись.

В тот же миг я почувствовал, что все в моей жизни встало на свои места. Я увидел, как босая Катерина бежит по полю за гостевым домиком, как я ее догоняю, а наш маленький сын сидит у меня на плече.

Внезапно в моем сознании всплыл непрощенный образ Пенни, собачки с разорванным горлом. Я в ужасе отпрянул, будто пораженный молнией. Бормоча извинения, я наклонился и споткнулся о маленький столик, заваленный отцовскими книгами. Они упали на пол, восточный ковер приглушил звук падения. Во рту у меня был привкус железа. Что я наделал? Что, если бы сюда вошел отец, намереваясь открыть хьюмидор⁴ и выкурить по сигаре с мистером Картрайтом? Меня охватили смятение и ужас.

⁴ Хьюмидор — ящик, шкатулка (реже шкаф или комната) для хранения сигар.

— Я должен... я должен идти. Я должен найти свою невесту. — Даже не взглянув на Катерину и не увидев ошеломленного выражения, которое, должно быть, появилось у нее на лице, я выбежал из кабинета и помчался через пустую оранжерею в сад.

Сумерки только начинали сгущаться. Матери с маленькими детьми и осторожные гуляки, опасавшиеся нападений диких зверей, рассаживались по каретам. Настало то время, когда наливают ликер, оркестр играет громче, а девушки старательно вальсируют, изо всех сил пытаясь привлечь внимание какого-нибудь солдатики из ближайшего лагеря. Я почувствовал, что мое дыхание успокаивается. Никто не догадался о том, где я был, и тем более о том, что я делал.

Я намеренно прошел в центр зала, будто бы для того чтобы наполнить очередной стакан в баре. Я увидел, что Дамон сидит на веранде вместе с другими солдатами, разыгрывая партию в покер. Там же громко разговаривали и хихикали пять девушек, втиснувшиеся на качели. Отец с мистером Картрайтом направлялись к лабиринту со стаканами виски в руке. Их оживленная жестикуляция не оставляла сомнений в том, что идет разговор о выгоде от слияния семейств Картрайтов и Сальваторе.

— Стефан! — Кто-то хлопнул меня по спине. — А мы все гадаем, где же наши виновники торжества. Никакого уважения к старшим! — весело проговорил Роберт.

— Розалин все еще нет? — спросил я.

Вы же знаете, как это бывает у девушек. Они должны выглядеть безукоризненно, особенно если празднуют помолвку, — сказал Роберт.

Его слова звучали убедительно, однако я почувствовал необъяснимую дрожь страха в позвоночнике.

Было ли дело во мне или причиной стало солнце, садившееся слишком быстро? За те пять минут, что я пробыл в доме, гости на лужайке превратились в темные силуэты, и я уже не мог различить Дамона среди других людей, сидевших в глубине веранды.

Покинув Роберта, я пробрался мимо многочисленных гостей к выходу. Странно, когда девушка не является на вечеринку в свою честь. Что, если она случайно зашла в дом и увидела...

Но это невозможно! Дверь была закрыта, окна занавешены. Я поспешил к пруду, где слуги организовали собственную вечеринку, чтобы узнать, там ли кучер Розалин.

Луна отражалась в воде, отбрасывая на скалы и окрестные ивы неестественный зеленоватый отблеск. Трава была влажной от росы и все еще притоптанной с тех пор, как мы с Дамоном играли здесь в футбол. Передвигаясь по колено в тумане, я пожалел, что не сменил бальные туфли на сапоги.

Я прищурился. На земле, у подножия ивы, на которую мы с Дамоном любили забираться в детстве, лежало что-то темное, похожее на большой изогнутый корень. Только я не помнил на этом месте никакого корня. Я присмотрелся повнимательней. На какое-то мгновение я решил, что вижу переплетенные тела любовников, скрывавшихся от любопытных глаз, и через силу улыбнулся. Хоть кто-то смог обрести любовь на этой вечеринке!

В эту минуту облака разошлись, лунный свет озарил дерево — и нечто, лежавшее под ним. В глубочайшем потрясении я понял, что это нечто не было обнявшейся парочкой любовников. Под деревом лежала моя невеста Розалин с разорванным горлом; ее полуоткрытые глаза глядели вверх, сквозь ивовые ветви, будто доверяя свой секрет Вселенной, к которой она уже не принадлежала.

9

Трудно описать, что происходило потом.

Я помню звуки шагов и пронзительные крики, помню, как молились слуги возле своего дома. Помню, как я стоял на коленях, крича от ужаса, жалости и страха. Помню, как мистер Картрайт оттаскивал меня, а миссис Картрайт, рухнув на землю, выла, как раненый зверь.

Еще я помню, что видел полицейский экипаж. Помню, как шептались отец с Дамоном, сжимая руки, единые в своем стремлении позаботиться обо мне. Я пытался заговорить с ними, сказать им, что я в порядке — я жив, в конце концов; но не мог вымолвить ни слова. Подошел доктор Джейнс, подхватил меня под мышки и поставил на ноги. Потом какие-то незнакомые люди медленно повели меня на веранду дома для прислуги. Там я опять хотел что-то сказать, но язык заплетался, и послали за Корделией.

— Я... со мной все в порядке, — наконец, сказал я, смущенный тем, что мне уделяют так много внимания, ведь убит не я, а Розалин.

— Ш-ш, успокойтесь, Стефан, — сказала Корделия, и тревога исказила ее жесткое лицо. Бормоча молитву, она прижала руки к моей груди, а затем вынула из широких складок юбки крошечный пузырек.

— Пейте, пейте, — уговаривала она, пока лакричная жидкость текла по моему горлу.

— Катерина! — простонал я. Затем поскорее закрыл рот рукой, но не раньше, чем на лице Корделии мелькнуло озадаченное выражение. Она быстро налила мне еще пахнущей лакрицей жидкости. Я снова рухнул на твердые ступени веранды, слишком уставший, чтобы о чем-то думать.

— Его брат где-то поблизости, — сказала Корделия, и ее голос прозвучал как из-под воды. — Пойдите приведите его.

Я услышал звук шагов и, открыв глаза, увидел стоящего надо мной Дамона. Лицо его было белым от шока.

— Он поправится? — спросил Дамон, обращаясь к Корделии.

— Я думаю... — начал доктор Джейнс.

— Ему нужен покой. Тишина. Темная комната, — авторитетно заявила Корделия.

Дамон кивнул.

— Я... Розалин... мне следовало... — начал я, даже не зная, как закончить свою мысль. Следовало что? Начать искать ее раньше, вместо того чтобы проводить время за поцелуями с Катериной? Настоять на том, чтобы самому сопровождать ее на прием?

— Ш-ш, — прошептал Дамон, помогая мне подняться. Мне удалось неуверенно встать рядом с ним. Будто бы ниоткуда возник отец и подхватил меня под другую руку. Спотыкаясь, я сошел с веранды и поплелся к дому.

Гости на лужайке жались поближе друг к другу, а шериф Форбс собирал отряд добровольцев, чтобы прочесать лес.

Я чувствовал, как Дамон ведет меня через заднюю дверь дома и дальше, вверх по ступенькам. Потом я рухнул на кровать. Я упал на хлопчатобумажные простыни, и сразу наступила темнота.

На следующее утро меня разбудили солнечные лучи, плясавшие по половицам вишневого дерева в моей спальне.

— Доброе утро, братишка. — Дамон сидел в углу в кресле-качалке, принадлежавшем еще нашему прадеду. Когда мы были детьми, наша мама качала нас в нем, убаюкивая перед сном. У Дамона были красные воспаленные глаза, и я подумал, не просидел ли он вот так, наблюдая за мной, всю ночь.

— Розалин мертва? — Это прозвучало как вопрос, хотя ответ был очевиден.

— Да, — Дамон поднялся и потянулся к хрустальному кувшину, стоявшему на туалетном столике орехового дерева. Налив стакан воды, он протянул его мне. Я попытался сесть.

— Нет, подожди, — скомандовал Дамон с уверенностью армейского офицера. Никогда прежде я не слышал, чтобы он так разговаривал. Я снова откинулся на набитые гусиным пухом подушки и позволил Дамону, как в детстве, поднести стакан к моим губам. Прохладная чистая жидкость потекла в мое горло, и я опять подумал о прошедшей ночи.

— Она мучилась? — спросил я, и в моем мозгу пронеслась череда образов. Пока я декламировал Шекспира, Розалин, должно быть, готовила свое эффектное появление. Она наверняка была очень взволнованна и мечтала показать новое платье, услышать изумленные

возгласы молоденьких девушек по поводу кольца, выслушать наставления старших матрон по поводу предстоящей брачной ночи... Я представлял, как она мчится через лужайку, слышит звуки шагов позади и оборачивается, только для того чтобы увидеть, как сверкнули в лунном свете белые зубы. Я содрогнулся.

Дамон подошел к кровати, положил руку мне на плечо, и внезапно бег ужасающих картин завершился.

— Смерть обычно приходит меньше чем за секунду. Так было на войне, и я уверен, так было и с твоей Розалин. — Он снова сел в кресло и потер висок. — Думаю, это был койот. Война уводит людей на восток, а звери, как известно, идут по кровавому следу.

— Койот, — мой голос споткнулся на втором слоге. Я никогда не слышал этого слова раньше. Еще одно слово — из разряда *убита* или *вдовец* — обогатило мой словарный запас.

— Конечно, найдутся люди, и отец в том числе, которые будут считать, что это происки нечистой силы. — Дамон поворачивал темными глазами. — Как раз то, что нужно нашему городу. Эпидемия массовой истерии. Когда люди убеждены, что город находится во власти неких дьявольских сил, они забывают о том, что вся наша страна расколота на части войной — и это самое страшное. Мне непонятна их страусиная манера прятать голову в песок.

Я кивал, не вникая в то, что говорил Дамон, я не мог видеть в смерти Розалин еще один аргумент против войны. Пока Дамон продолжал разглагольствовать, я лег на спину и закрыл глаза. Я вспоминал лицо Розалин таким, каким оно было, когда я нашел ее. Там, в темноте, оно выглядело необычно. Глаза были большими и светились. Будто бы она увидела что-то ужасное. Будто бы она очень страдала.

10

4 сентября 1864 года

Полночь. Слишком поздно, чтобы ложиться спать, слишком рано, чтобы просыпаться. На тумбочке горит свеча, колеблющиеся тени предвещают дурное... Меня посещают призраки. смогу ли я когда-нибудь простить себя за то, что нашел Розалин слишком поздно? И почему та, которую я поклялся забыть, все еще живет в моей думе?

Серди, е мое тяжело бьется Корделия всегда где-то неподалеку, приносит напитки, травяные порошки и лепешки. Я принимаю их, как ребенок, который хочет выздороветь. Отец, с Дамоном смотрят на меня, когда думают, что я сплю. Догадываются ли они о моих ночных кошмарах?

Я думал, что женитьба хуже смерти. Я ошибался. Я так часто ошибался, слишком часто, и теперь мне остается только молиться о прощении и надеяться, что когда-нибудь, где-нибудь я смогу призвать все силы из глубины своего естества, чтобы снова твердо встать на путь правды. Я сделаю это. Я должен. Ради Розалин.

И вместо нее.

Сейчас я погашу свечу и буду надеяться, что сон, подобно сну смертному, тотчас поглотит меня...

— Стефан! Пора вставать! — прокричал отец, хлопая дверью спальни.

— Что? — Я попытался сесть, не зная, который сейчас час, какой день и сколько времени прошло со смерти Розалин. Дни сменялись ночами, а я так ни разу и не смог уснуть по-настоящему, лишь забывался в ужасающих кошмарах. Я не ел ничего, кроме той стряпни, что приносила мне в комнату Корделия. Она кормила меня с ложечки, чтобы убедиться, что все съедено. Корделия готовила жареную курицу, и окру, и густое пюре, которое она называла блюдом страдальца, и обещала, что оно обязательно поможет.

— Давай же, — нетерпеливо сказал отец, когда Альфред принес белую рубашку из хлопка и черный двубортный костюм. Я побледнел. Это был тот самый костюм, который я

должен был надеть на свадьбу, и церковь, в которой будут отпевать Розалин, — та самая, в которой должны были скрепить наш союз. Тем не менее через час мне удалось переодеться в костюм, побриться с помощью Альфреда (мои руки все еще тряслись) и подготовиться к тому, что я должен сделать.

Не поднимая глаз, я шел следом за отцом и братом к экипажу. Отец сел впереди, рядом с Альфредом, мы с Дамоном устроились сзади.

— Как ты, братишка? — спросил Дамон под знакомое цоканье копыт Дюка и Джейка, которые везли нас вниз по дороге Виллоу Крик к церкви.

— Не очень хорошо, — сухо ответил я, чувствуя ком в горле.

Дамон положил руку мне на плечо. Трещали сороки, жужжали пчелы, солнце бросало золотистый отблеск на деревья. В экипаже пахло имбирем, и я чувствовал, как мой желудок переворачивается. Этот запах вызывал во мне чувство вины за желание обладать женщиной, которая не должна была — и никогда не смогла бы — стать моей женой.

— Первая смерть, которую ты видишь, меняет тебя самого, — сказал наконец Дамон, когда экипаж уже подъехал к белой деревянной церкви. Звонили колокола, все заведения в городе были закрыты. — Но бывает, что эти перемены к лучшему.

— Бывает, — проговорил я, выходя из кареты. Хоть и не представлял себе, как такое может быть.

Мы подходили к дверям, когда в церковь, прихрамывая, вошел доктор Джейнс, с тростью в одной руке и флягой виски в другой. Перл и Анна сидели вместе, за ними сел Джонатан Гилберт, поставив локти на спинку скамьи Перл, всего в нескольких дюймах от ее плеча.

Шериф Форбс восседал на своем обычном месте во втором ряду и не сводил глаз со стайки нарумяненных женщин из таверны, которые тоже пришли отдать Розалин последнюю дань. Среди них была и Элис, барменша, она стояла с краю, обмахиваясь шелковым веером.

Кэлвин Бейли, органист, исполнял «Реквием» Моцарта, но, казалось, фальшивил в каждом аккорде. На передней скамье, глядя прямо перед собой, сидел мистер Картрайт; миссис Картрайт рядом с ним рыдала и поминутно сморкалась в шелковый носовой платок. Перед алтарем стоял закрытый дубовый гроб, утопавший в цветах. Я молча подошел к нему и встал на колени.

— Прости меня, — шептал я, прикасаясь к гробу, холодному и жесткому на ощупь. Помимо моей воли в голове пронеслась череда воспоминаний: Розалин, хихикающая над своим новым щенком, Розалин, весело щебечущая о букетах для свадьбы, Розалин, тайно целующая меня в щеку в конце одного из визитов, рискуя вызвать гнев служанки. Я отвел руки от гроба и сложил их вместе, как в молитве.

— Надеюсь, что вы с Пенни встретились в раю. — Я наклонился и слегка коснулся гроба губами. Я хотел, чтобы Розалин, где бы она ни была сейчас, знала: я старался полюбить ее. — Прощай.

Я собрался было занять свое место, но замер: прямо позади меня стояла Катерина. На ней было темно-синее хлопковое платье, резко выделявшееся на фоне царившего в церкви черного траурного крепа.

— Соболезную вашей утрате, — сказала Катерина, касаясь моей руки. Я отступил и убрал руку. Как смеет она так фамильярно прикасаться ко мне на людях? Разве она не понимает, что, если бы мы не были так сильно увлечены друг другом во время барбекю, трагедии могло бы не произойти?

В ее глазах я заметил обеспокоенность.

— Поверьте, я знаю, как вам тяжело, — сказала она. — Дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится.

Меня тотчас же накрыло волной стыда: как мог я предположить, что ею движет что-либо, кроме сочувствия? В конце концов, ее родители умерли, а она была всего лишь молоденькой девушкой, протягивающей мне руку с предложением помощи. Она выглядела такой печальной, что на один короткий миг я почувствовал искушение пересечь проход

между рядами и утешить ее.

— Благодарю вас, — вместо этого сказал я и, задержав дыхание, вернулся на скамью. Я сел рядом с Дамоном, который набожно скрестил руки над Библией. От меня не укрылось мимолетное движение его глаз, когда Катерина ненадолго опустилась на колени у гроба. Проследив за его взглядом, я заметил, что несколько завитков выбились из-под ее шляпки и обвилились вокруг вычурной застёжки голубого ожерелья.

Спустя несколько минут «Реквием» закончился, и к кафедре шагнул пастор Коллинз.

Мы собрались здесь, чтобы почтить память о жизни, оборвавшейся слишком рано. Зло поселилось среди нас, и мы не только оплакиваем эту кончину, но и черпаем в ней силы... — нараспев проповедовал он. Я украдкой посмотрел через проход на Катерину. Она сидела рядом со служанкой Эмили по одну сторону и с Перл — по другую. Ее руки были молитвенно сложены. Она слегка обернулась, словно желая взглянуть на меня. Я заставил себя отвернуться, прежде чем наши взгляды встретятся. Я не обещаю Розалин мыслями о Катерине.

Я смотрел на грубо обработанный, прошитый железными скобами свод церкви. Прости меня, думал я, посылая сообщение вверх в надежде, что Розалин, где бы она ни была, услышит его.

11

Я шел к старой иве, и мои ноги окутывал туман. Солнце быстро садилось, но я все еще мог видеть темный силуэт, угнездившийся меж корнями.

Я присмотрелся. Это была Розалин; в слабом свете мерцало ее Вечернее платье. Я ощутил привкус желчи во рту. Каким образом она могла оказаться здесь? Она похоронена, и тело ее покоится на глубине шести футов. На церковном кладбище.

Собрав все свое мужество и сжав в кармане нож, я подошел поближе и заглянул в ее безжизненные глаза, в которых отражалась зеленеющая листва. Ее локоны прилипли к влажному лбу, а шея вовсе не была разорвана.

На ней виднелись лишь две аккуратные маленькие дырочки размером не более обувных гвоздей. Слово движимый невидимой рукой, я упал на колени перед ее телом.

— Прости, — прошептал я, глядя на потрескавшуюся землю. И вдруг я поднял глаза и застыл в ужасе, потому что тело уже не было телом Розалин.

Это было тело Катерины.

Ее розовые губы слегка улыбались, будто во сне.

Я едва не закричал. Я не позволю Катерине умереть! Но, едва я коснулся ее ран, она села. Ее лицо изменилось до неузнаваемости, темные волосы вылиняли до бесцветных, а глаза запылали красным.

Я отшатнулся.

— Это ты виноват! — Ее слова, произнесенные гулким потусторонним голосом, разорвали ночную тишину. Голос ее принадлежал ни Катерине, ни Розалин — это был голос самого дьявола.

Я закричал, крепко сжал нож и несколько раз рассек им ночной воздух. Дьявол бросился ко мне и схватил меня за шею. И перед тем, как погрузиться во тьму я почувствовал, что в мою кожу впишутся его острые клыки...

Проснувшись, я увидел, что сижу в кровати весь в холодном поту. Снаружи каркала ворона, еще я слышал, как вдалеке играют дети. Белое покрывало на моей кровати казалось пестрым из-за солнечных лучей, а на столе меня ждал обед на подносе. Был день, и я был в своей постели.

Сон. Я помнил похороны, помнил, как мы возвращались домой из церкви, как я едва смог в изнеможении вскарабкаться по ступеням в свою спальню. Это был просто сон, результат слишком сильных эмоций минувшего дня. Просто сон, напоминал я себе,

уговаривая сердце биться ровнее.

Я сделал большой глоток воды прямо из стоявшего на тумбочке кувшина. Мой мозг постепенно успокаивался, но сердце продолжало бешено стучать, а руки все еще были влажными. И все же это был не сон, во всяком случае, он был не из тех снов, что я привык видеть раньше. Мой мозг, казалось, был захвачен демонами, и я уже не различал границ реальности и не мог доверять самому себе.

Пытаясь избавиться от наваждения, я поднялся и побрел вниз. Я спускался по черной лестнице, чтобы не встретиться на кухне с Корделией. Она хорошо заботилась обо мне, так же как в детстве, когда умерла мама, но ее пристальный взгляд заставлял меня нервничать. Я знал, что она слышала, как я звал Катерину, и горячо надеялся, что она не сплетничает об этом с остальными слугами.

Войдя в кабинет отца, я посмотрел на полки, ловя себя на мысли, что снова ищу томик Шекспира. Казалось, с минувшей субботы прошла целая жизнь. Однако серебряный подсвечник стоял точно там, где мы с Катериной оставили его, а «Тайны Мистик-Фоллз» все еще лежали в кресле. И если бы я закрыл глаза, то наверняка уловил бы запах лимона.

Я отогнал эти мысли и поспешно взял с полки «Макбет», пьесу о любви и ревности, о предательстве и смерти, идеально подходившую к моему настроению.

Сидя в кресле, я заставлял себя смотреть на текст, заставлял себя переворачивать страницы. Может быть, это то, что необходимо, чтобы продолжать жить. Если я буду все время заставлять себя выполнять какие-то действия, то, возможно, я в конце концов избавлюсь от чувства вины, печали и страха, которые ношу в себе с тех пор, как умерла Розалин.

В дверь постучали.

— Отца здесь нет! — крикнул я в надежде, что, кто бы это ни был, он уберется прочь.

Мистер Стефан, — услышал я голос Альфреда, — к вам посетитель.

— Нет, благодарю, — ответил я. Наверное, это опять шериф Форбс. Он уже заходил к нам четыре или пять раз, разговаривал с Дамоном и отцом. До сих пор мне удавалось избегать встречи с ним. Я не мог себе представить, что скажу ему, да и кому угодно о том, где я был во время нападения.

— Посетитель очень настойчив, — сказал Альфред.

— Как и ты, — буркнул я себе под нос, направляясь к двери.

— Она в гостиной, — сообщил Альфред и собрался уходить.

— Стой! — крикнул я. Могла ли это быть... Катерина? Против моей воли сердце мое учащенно забилося.

— Сэр? — Альфред остановился на полпути.

— Я выйду.

Я быстро плеснул на лицо воды из стоявшего в углу таза и руками пригладил волосы, убирая их со лба. Веки мои все еще были припухшими, и крошечные лопнувшие сосуды делали белки глаз красными, но я больше ничего не мог сделать, чтобы вернуть себе привычный облик.

Я шагнул в гостиную, и тотчас мое сердце наполнилось разочарованием. Вместо Катерины я увидел ее служанку Эмили, сидевшую в углу на красном бархатном стуле с высокой спинкой. У нее на коленях стояла корзина с цветами. Она поднесла одну маргаритку к носу и нюхала ее с таким видом, будто бы больше ничего в мире ее не интересовало.

— Здравствуй, — сухо поздоровался я, придумывая подходящий предлог, чтобы улизнуть.

— Мистер Сальваторе. — Эмили встала и присела в реверансе. На ней было скромное белое платье с фестонами и капор, ее гладкая темная кожа лоснилась. — Мы с хозяйкой разделяем вашу скорбь. Она просила передать вам вот это. — Она протянула мне корзину.

— Благодарю, — сказал я, принимая цветы, рассеянно поднес к носу ветку сирени и вдохнул ее аромат.

— Я бы лечила вас этим, а не стряпней Корделии, — заметила Эмили.

— Откуда ты об этом знаешь? — удивился я.

— Слуги болтают. Но боюсь, что, чем бы Корделия вас ни кормила, это принесет больше вреда, чем пользы. — Она выдернула из корзины несколько цветков, соединяя их в букет. — Маргаритки, магнолии и цветок сердца помогут вам выздороветь.

— «А анютины глазки помогут мне думать?» — спросил я, цитируя шекспировского «Гамлета».

Произнося эти слова, я понял, что сглупил: необразованная служанка наверняка не сможет понять, о чем я.

Но Эмили только улыбнулась.

— Никаких анютиных глазок, хотя моя хозяйка упоминала о вашей любви к Шекспиру. — Вынув из корзины веточку сирени, она插вила ее мне в петлицу.

Я поднял корзину и сделал глубокий вдох. Пахло цветами, но не только; присутствовал и тот опьяняющий аромат, который я ощущал только возле Катерины. Я снова вдохнул, чувствуя, как медленно уходят в небытие смятение и тьма последних дней.

— Я знаю, что все это очень необычно, — произнесла Эмили, прерывая мои грезы, — но моя хозяйка желает вам только добра. — Она кивнула в сторону кушетки, приглашая меня присесть. Я послушно сел и посмотрел на нее. Она была замечательно красива и держалась с такой грацией, какой я прежде ни у кого не видел. Ее жесты и манеры были столь продуманны и неторопливы, что возникало впечатление ожившей картины. — Она бы хотела увидеться с вами, — сказала Эмили после минутной паузы. Лишь только эти слова слетели с ее губ, я понял, что этому не бывать. Сейчас, когда я сидел в гостиной с посторонним человеком при свете дня, а не блуждал в потемках моих собственных мыслей, все встало на свои места. Я был вдовцом, и моим долгом было оплакивать Розалин, а не свои мальчишеские фантазии на тему любви с Катериной. Кроме того, Катерина была лишь прелестной сиротой, не имевшей ни друзей, ни родных. Этому не бывать никогда.

— Мы виделись. У Розалин... на похоронах, — сухо ответил я.

— Это было выполнение светских обязанностей, — заметила Эмили. — Хозяйка хотела бы где-нибудь повидаться с вами наедине. Когда вы будете к этому готовы, — торопливо добавила она.

Я знал, что мне следует сказать, знал единственно правильный ответ, но не мог его вымолвить.

— Я подумаю, но в своем теперешнем состоянии, боюсь, я не настроен на прогулки. Будь так любезна, передай своей хозяйке, что я сожалею, хотя без компании она не останется в любом случае. Я уверен, мой брат будет рад сопровождать ее, куда бы она ни направилась, — проговорил я, почти физически ощущая тяжесть сказанных слов.

— Да, ей очень нравится Дамон. — Она подобрала юбки и поднялась. Я тоже встал и тотчас же почувствовал, что, хотя, я и выше ее на голову, ее сила намного превосходит мою. Это было странное чувство, хотя в целом оно не казалось неприятным, — но невозможно противостоять истинной любви.

С этими словами она скользнула за дверь и пошла через сад, и маргаритка в ее волосах теряла на ветру свои лепестки.

12

Не знаю, был ли тому причиной свежий воздух или принесенные Эмили цветы, но я беспробудно проспал всю ночь. На следующее утро меня разбудил яркий солнечный свет в спальне, и впервые со дня смерти Розалин я даже не притронулся к напитку, оставленному Корделией на тумбочке. Из кухни доносились запахи яиц и корицы, с улицы слышалось фырканье лошадей, которых запрягал Альфред. На секунду меня охватило радостное предвкушение и робкое чувство возможности счастья.

— Стефан! — громко позвал из-за двери отец, трижды ударив по ней тростью или кнутовищем. В этот миг я вспомнил все, что произошло за последнюю неделю, и ко мне

вернулась прежняя тоска.

Я молчал, надеясь, что он просто уйдет. Но вместо этого он распахнул дверь, одетый в брюки для верховой езды, с кнутовищем в руку, улыбкой на лице и фиалкой в петлице. В цветке не было ни красоты, ни аромата; он походил на одно из тех растений, которая Корделия собирала у домика для прислуги.

— Мы едим кататься, — объявил отец, распахивая ставни. Я прикрыл глаза от солнца. Неужели мир всегда был таким ярким? — В этой комнате нужно убратся, а тебе, мой мальчик, нужно солнце.

— Но я должен продолжать занятия, — возразил я, вяло указав рукой на раскрытой томик «Макбета» на рабочем столе.

Отец взял книгу и решительно захлопнул ее.

— Мне нужно поговорить с тобой и Дамоном вдали от любопытных ушей, — он подозрительно оглядел комнату. Я проследовал за его взглядом, но не заметил ничего, кроме горы неубранной Корделией грязной посуды.

Словно по команде, в комнату зашел Дамон, одетый в бриджи горчичного цвета и серый китель солдата Конфедерации.

— Отец! — Дамон закатил глаза. — Только не говори мне, что нас снова ждет этот разговор о нечистой силе.

— Это не вздор! — рявкнул отец. — Стефан, я жду вас с братом в конюшне, — разворачиваясь и выходя из комнаты. Дамон кивнул и пошел следом за ним, а я остался, чтобы переодеться.

Я натянул костюм для верховой езды — серый жилет и коричневые бриджи — и вздохнул. Я не был уверен, что достаточно окреп для конной прогулки и для того, чтобы выдерживать нескончаемые споры отца с братом. Открыв дверь, я увидел, что Дамон ждет меня у подножия изогнутой лестницы.

— Тебе уже лучше, братишка? — спросил Дамон, когда мы, выйдя из дома, пересекали лужайку.

Я кивнул, несмотря на то что как раз смотрел на то место под ивой, где я нашел Розалин. Высокая ярко-зеленая трава, белки, мечущиеся по искривленному стволу, чирикающие воробьи... Пышные ветви плакучей ивы были полны жизни. Ничто не напоминало о том, что здесь произошло.

Добравшись до конюшни, я с облегчением вдохнул хорошо знакомый и так любимый мною запах ухоженной кожи и опилок.

— Здравствуй, моя девочка, — прошептал я в бархатное ушко Мезанотт. Она благодарно заржала. Ее шкурка казалась даже более гладкой и шелковистой, чем раньше, когда я чистил ее в последний раз. — Извини, что не заходил, но, кажется, мой брат хорошо заботился о тебе.

— Вообще-то, это Катерина наводила лоск в ущерб своим собственным лошадям. — Дамон с довольным видом улыбался, указывая подбородком на двух угольно-черных кобыл в углу. И правда, они перебирали ногами и не поднимали головы от пола, словно демонстрируя, какие они одинокие и заброшенные.

— Ты проводил довольно много времени с Катериной, — наконец сказал я. Это было утверждение, а не вопрос. Конечно, проводил. Я был уверен, что он близко знал многих женщин, особенно после года службы в войсках Конфедерации. Он рассказывал мне несколько историй о женщинах, которых встречал в больших городах вроде Атланты и Лексингтона, и эти истории заставляли меня краснеть. Интересно, знал ли он Катерину настолько близко?

— Да, — сказал Дамон, перебрасывая ногу через спину своего коня, Джейка. Он не стал вдаваться в подробности.

— Готовы, парни? — окликнул нас отец. Его лошадь уже нетерпеливо перебирала ногами. Я кивнул, пристраиваясь позади отца и брата, и мы направились к мосту Викери, находившемуся в противоположной части наших владений. Переехав мост, мы углубились в

лес. Я с облегчением прикрыл глаза. Солнечный свет был слишком ярким, и мне гораздо больше по душе были темные тени деревьев. Лес встретил нас прохладой; не смотря на то что в последнее время не было дождей, землю покрывала влажная листва. Кроны деревьев были такими густыми, что над ними виднелись лишь клочки голубого неба. Время от времени я слышал, как в кустах копошился енот или барсук. Я отгонял от себя мысли о том, что эти звуки мог издавать хищник, напавший на Розалин.

Мы все дальше забирались в лес, пока не оказались на поляне. Здесь отец внезапно остановился и привязал свою лошадь к березе. Последовав его примеру, я тоже привязал Мезанотт к дереву и посмотрел вокруг. Поляна была обозначена лежащими по неровному кругу камнями, деревья над ними будто бы расступились, образовав естественное окно в небо. Я не был в этом месте очень давно, с тех пор, как уехал Дамон. Мальчишками мы любили здесь играть в запрещенные карточные игры с другими ребятами из города. Все знали, что эта поляна — место, где парни играют в азартные игры, девчонки сплетничают и все делятся своими секретами. Если отец действительно хотел сохранить наш разговор в тайне, лучше бы он позвал нас в таверну.

— Мы в беде, — начал отец без предисловий, глядя в небо. Я тоже посмотрел вверх, ожидая увидеть приближающуюся летнюю грозу, но небо было ясным и голубым, оно в очередной раз напомнило мне безжизненные глаза Розалин.

— Это не так, отец, — хрипло сказал Дамон. — Знаешь, кто действительно в беде? Солдаты, сражающиеся в этой Богом забытой войне. Проблема в войне, и еще в твоём постоянном стремлении всему противоречить. — Дамон в ярости топнул ногой так похоже на то, как это делала Мезанотт, что я едва удержался от смеха.

— Не перебивай меня! — закричал отец, потрясая кулаком перед Дамоном.

Я смотрел то на одного, то на другого, вертя головой, как на теннисном матче. Дамон возвышался над поникшими плечами отца, и я впервые осознал, что отец стареет.

Дамон упер руки в бока.

— Хорошо, поговорим. Послушаем, что ты скажешь.

Я ожидал, что отец начнет кричать, но он молча подошел к одному из камней и опустился на него; когда он сел, его колени хрустнули.

— Знаете, почему я уехал из Италии? Я сделал это ради своих будущих детей, ради вас. Я всегда хотел, чтобы мои сыновья выросли, женились и родили детей на земле, которой я владею и которую люблю. И я действительно люблю эту землю и не собираюсь сложа руки ждать, когда ее уничтожат демоны, — говорил отец, отчаянно жестикулируя. Я отступил на шаг, а Мезанотт протяжно и жалобно заржала. — Демоны, — повторил он, стараясь нас убедить.

— Демоны? — фыркнул Дамон. — Это больше похоже на крупных собак. Разве ты не понимаешь, что подобные разговоры приведут к тому, что ты потеряешь все? Ты говоришь, что хочешь для нас хорошей жизни, но ты всегда решаешь за нас, как нам жить. Ты заставил меня пойти на войну, Стефана заставил обручиться, а сейчас заставляешь нас обоих поверить в твои сказки, — Дамон сорвался на крик.

Я виновато посмотрел на отца. Я не хотел, чтобы он знал, что я не любил Розалин. Но отец на меня и не глянул. Он был слишком занят, испепеляя взглядом Дамона.

— Я всегда хотел для своих мальчиков только самого лучшего. Я знаю, с чем мы столкнулись, и у меня нет времени на то, чтобы выслушивать ваши ребяческие доводы. И сейчас я не рассказываю сказок, — отец перевел взгляд на меня, и я заставил себя посмотреть в его темные глаза. — Пожалуйста, поймите. Демоны среди нас. Они существовали и в Старом Свете. Они ходили по той же земле, разговаривали, как люди. Но они не пили, как люди.

— Ну, если они не пьют вина, это только к добру, не так ли? — саркастически спросил Дамон. Я замер. Помню, что после смерти мамы отец, закрывшись в своем кабинете, пил слишком много вина и виски, а потом обычно бормотал о демонах и призраках.

— Дамон! — воскликнул отец даже более резким, чем у брата, голосом. — Я

проигнорирую твою дерзость. Но я не позволю, чтобы ты игнорировал меня. Послушай, Стефан, — отец повернулся ко мне, — ты видел, что произошло с Розалин, и это не было вызвано естественными причинами. Это, вопреки утверждению Дамона, не койот, — сказал он, практически выплюнув это слово. — Это *un vampire*. Они жили и в Старом Свете, и теперь они здесь. Они вредят нам. Они питаются нами. И мы должны это прекратить.

— Что ты имеешь в виду? — взволнованно спросил я. Остатки слабости и головокружения исчезли, и вместо них я почувствовал страх. Мне снова вспомнилась Розалин, но на этот раз я думал не о ее глазах, а о крови на ее горле, вытекшей из двух аккуратных дырочек на боковой части шеи. Я коснулся своей шеи и почувствовал бег крови под кожей. Он все ускорялся под моими пальцами, а сердце сбивалось с ритма. Мог ли отец быть... прав?

Отец имеет в виду, что он провел слишком много времени, слушая рассказы церковных кумушек. Отец, этими историями можно напугать только ребенка, причем не очень умного. Все, что ты говоришь, — бессмыслица, — Дамон сердито покачал головой и поднялся с пня, на котором сидел. — Я не желаю рассиживаться здесь и слушать рассказы о призраках, — с этими словами он поправил на ноге сапог с золотыми застежками и сел на коня, глядя на отца сверху вниз, как бы подзадоривая его сказать еще что-нибудь.

— Запомните мои слова, — сказал отец, подходя ко мне. — Вампиры среди нас, но они не такие, как мы. Они пьют кровь, для них это эликсир жизни. У них нет души, и они не умирают. Они бессмертны.

При слове «бессмертны» я задержал дыхание. Ветер поменялся, зашелестели листья. Я задрожал. «Вампиры», — медленно проговорил я. Однажды я уже слышал это слово, когда мы с Дамоном были еще школьниками и часто собирались с друзьями на мосту Викери, чтобы попугать друг друга. Один мальчик тогда рассказал нам, что видел в лесу существо, которое стояло на коленях, припав к шее оленя. Мальчик рассказывал, как он закричал, а существо повернулось к нему, и он увидел кроваво-красные глаза и кровь, капающую с длинных острых зубов. Это вампир, убежденно сказал тогда мальчик и посмотрел на нас, проверяя, удалось ли ему кого-нибудь напугать. Но из-за того, что он был бледный, тощий и плохо стрелял, мы только посмеялись над ним и потом немилосердно его дразнили. На следующий год он с семьей переехал в Ричмонд.

— Что ж, безумный отец во власти вампиров, — сказав это, Дамон ударил Джейка по бокам и усккал в сторону заходящего солнца. Я повернулся к отцу в ожидании гневной тирады. Но он только покачал головой.

— Ты веришь мне, сынок?

Я кивнул, хоть и не был в этом уверен. Я знал только, что за прошедшую неделю мир сильно изменился, и я очень сомневался, что вписываюсь в него.

— Хорошо, — кивнул отец. Мы уже выбрались из леса и въехали на мост. — Мы должны быть осторожны. Создается впечатление, что война разбудила вампиров. Они почуяли кровь.

Слово «кровь» эхом звучало в моей голове, когда мы миновали кладбище и ехали к пруду коротким путем через поле. Вдалеке я видел солнце, отражающееся в глади воды. Невозможно было представить, что эта зеленая холмистая долина стала прибежищем нечистой силы. Демоны, если они вообще существуют, принадлежат старому свету так же, как ветхие церкви и соборы, среди которых вырос отец. Я понимал каждое произносимое им слово, но здесь, на этом месте, они звучали так неправдоподобно!

Отец внимательно посмотрел по сторонам, чтобы удостовериться, что никто не спрячется в кустах у моста. Лошади шли мимо кладбища; в мягком солнечном свете яркие надгробия производили внушительное впечатление.

— Кровь — это то, чем они питаются. Она дает им силу.

— Но тогда... — начал я, ошеломленный свалившейся на меня информацией, — если они бессмертны, то как же мы...

— Убьем их? — спросил отец, заканчивая мою мысль, и натянул поводья. — Есть

способы. Я интересовался. Я слышал, что в Ричмонде есть священник, который может попытаться изгнать их, кроме того, люди в городе знают... некоторые вещи, — закончил он. — Джонатан Гилберт, шериф Форбс и я уже обсудили кое-какие предварительные меры.

— Если я могу что-нибудь сделать... — наконец предложил я, не зная, что сказать.

— Конечно, — резко ответил отец. — Я надеюсь, что ты станешь членом нашего комитета. Для начала я поговорил с Корделией. Она понимает толк в растениях. Она сказала, что есть трава, называется вербена, — отец указал на цветок у себя в петлице. — Мы разработали план, и у нас все преимущества, потому что, хоть они и бессмертны, Господь на нашей стороне. Убей или будь убитым, ты понимаешь, о чем я, мальчик? Это война, на которую нас призвали.

Я кивнул, чувствуя на своих плечах гнет ответственности. Возможно, это было именно то, что написано мне на роду: не жениться, не идти на фронт, а сражаться с чудовищным злом. Я встретился взглядом с отцом.

— Я сделаю все, что ты скажешь, — сказал я. — Все что угодно.

Последним, что я видел перед тем, как поскакать обратно к конюшне, была усмешка на лице отца.

— Я знал это, сынок. Ты настоящий Сальваторе.

13

Не зная что и думать, я вернулся в свою комнату. Vampiros. Вампиры. В этом слове было что-то неправильное, неважно, на каком языке его произносить. Койоты. А в этом слове был смысл. В конце концов, койот — это очень похожее на волка дикое животное, поселившееся в густых дремучих лесах Виргинии. Если Розалин была убита койотом, это трагично, но объяснимо. Но если Розалин убил демон?

Издав короткий смешок, больше похожий на лай, я пересек спальню и сел, обхватив голову руками. Головная боль вернулась с удвоенной силой, и я вспомнил, что Эмили советовала мне не есть пищи, которую готовила Корделия. Вдобавок ко всему оказалось, что слуги соперничают друг с другом. Внезапно я услышал, как кто-то трижды легонько стукнул в дверь.

Звук был еле слышен, возможно, это был ветер, который все не утихал с тех пор, как мы вернулись из лесу.

— Кто там? — колебавшись, спросил я.

Стук возобновился, став на этот раз более настойчивым. В противоположном конце спальни ветер яростно раздувал хлопковые шторы.

— Альфред? — позвал я, чувствуя, как встают дыбом волосы на затылке. Отцовская сказка определенно произвела на меня впечатление. — Я не буду обедать! — громко прокричал я.

Схватив с письменного стола канцелярский нож, я подкрался к двери. Но стоило мне прикоснуться к ручке, как дверь сама начала открываться вовнутрь.

— Это не смешно! — почти в истерике закричал я, и тут в комнату проскользнула фигура в светлом.

Катерина.

— Вот и хорошо, потому что юмор никогда не был моей сильной стороной, — проговорила Катерина, обнажая в улыбке ровные белые зубы.

— Простите, — я вспыхнул румянцем и поспешно бросил канцелярский нож обратно на стол. — Я просто...

— Вы все еще нездоровы. — Карие глаза Катерины встретились с моими. — Простите, если напугала вас. — Катерина уселась на середину моей кровати и подтянула колени к подбородку. — Ваш брат за вас очень волнуется.

— О.. — Я запнулся. Я не мог поверить, что Катерина Пирс пришла в мою спальню и запросто сидит на моей кровати. За исключением моей матери и Корделии, ни одна женщина

не переступала порога этой комнаты.

Мне вдруг стало неловко за грязные ботинки в одном углу, гору немытой фарфоровой посуды в другом и за томик Шекспира, все еще лежавший открытым на столе.

— Хотите узнать секрет? — спросила Катерина.

— Возможно, — неуверенно сказал я, поворачивая медную ручку на двери.

— Подойдите поближе, и я расскажу. — Она поманила меня пальцем. Городская общественность была бы шокирована, если бы какая-нибудь парочка отправилась прогуляться к мосту без компаньонки. А Катерина сидела на моей кровати без компаньонки — и, кстати, без чулок — и предлагала мне присоединиться к ней.

Мог ли я сопротивляться?

Я робко присел на краешек. Катерина тут же встала на четвереньки и подползла ко мне. Перебросив волосы через одно плечо, она сложила ладони чашечкой возле моего уха.

— Мой секрет в том, что я тоже беспокоюсь о вас, — прошептала она.

Я почувствовал щекой ее неестественно холодное дыхание. Мышцы на ноге свело судорогой. Я понимал, что мне следовало бы решительно потребовать, чтобы она ушла, но вместо этого я придвинулся к ней поближе.

— Правда? — прошептал я.

— Да, — промурлыкала Катерина, глядя мне прямо в глаза. — Вам нужно забыть Розалин.

Я вздрогнул, отвел взгляд от ее темно-карих глаз и посмотрел в окно, наблюдая за быстрым приближением летней грозы.

Катерина взяла мой подбородок ледяными руками и развернула мое лицо к своему.

— Розалин мертва, — продолжила она, и лицо ее лучилось добротой и печалью, — а вы — нет. Розалин не хотела бы, чтобы вы были изолированы от всего мира, словно преступник. Никто не желал бы такого своему возлюбленному, разве не так?

Я медленно кивнул. Дамон говорил мне то же самое, но в устах Катерины слова обретали бесконечно больший смысл.

Она слегка улыбнулась.

— Вы снова найдете свое счастье, — сказала она. — Я хочу помочь вам. Но вы, милый Стефан, должны мне довериться, — Катерина положила ладонь мне на лоб, и я почувствовал, как в висках соединяются огонь и холод. Я вздрогнул от полноты ощущения, и тут же испытал разочарование, как только ее рука вернулась на прежнее место на коленях.

— Это те цветы, что я собрала для вас? — вдруг спросила Катерина, глядя в другой конец комнаты. — Вы затолкали их в угол, где нет даже света!

— Простите меня.

Она решительно спустила ноги с кровати и наклонилась, чтобы достать корзину из-под стола. Затем она задернула шторы и долго смотрела на меня, скрестив руки на груди. У меня перехватило дыхание. Ее светло-голубое платье из крепа подчеркивало тонкую талию, ожерелье лежало в ложбинке под шеей. Она была невероятно прекрасна.

Вынув маргаритку из корзины, она стала один за другим отрывать лепестки.

— Вчера я видела, как ребенок кого-то из слуг играл в глупую игру: любит, не любит... — Она засмеялась было, но внезапно стала серьезной. — Как вы думаете, каким будет ответ в моем случае?

Так же внезапно она встала надо мной и положила руки мне на плечи. Я вдыхал запах имбиря и лимона, не зная, что сказать, мечтая лишь о том, чтобы вечно чувствовать ее руки на своих плечах.

— Будет ли ответ, что любит... или что не любит? — спросила Катерина, наклоняясь ко мне. Мое тело затрепетало от нестерпимого желания; до этой минуты я не знал, что способен на такое сильное чувство. Мои губы были в нескольких дюймах от ее губ.

— Так каков ответ? — спросила Катерина, поджимая губы на манер старой девы. Сам того не желая, я рассмеялся. Я будто бы наблюдал за сценой, разворачивающейся передо мной, не в силах ничего изменить. Я знал, что это было неправильно. Грешно. Но как же это

могло быть грешно, если каждой клеточкой своего естества я жаждал этого больше, чем чего бы то ни было? Розалин умерла. А я был жив и хотел вести себя как живой.

А что, если отец был прав, и мне предстояло вступить в главную в моей жизни битву между добром и злом? В таком случае я должен научиться быть уверенным в себе и своем выборе, перестать раздумывать и начать верить в себя, свои убеждения, свои желания.

— Вам действительно нужен мой ответ? — спросил я, обхватив ее за талию и потянув на кровать с силой, удивившей меня самого. Она завизжала от восторга и упала рядом. Ее дыхание было таким сладким, а пальцы — такими холодными и такими родными, что внезапно все на свете — Розалин, отец с его демонами, даже Дамон — перестало иметь значение.

14

Проснувшись на следующее утро, я вытянул руку и с разочарованием обнаружил возле себя лишь набитую гусиным пухом подушку. Только слабая вмятина на матрасе подтверждала, что все случившееся было реальностью, а не очередным горячечным сном из тех, что стали посещать меня после смерти Розалин.

Конечно, я не мог надеяться, что Катерина проведет со мной целую ночь. В гостевом домике ее ждала служанка, а слуги вообще любят поболтать. Она сама сказала мне вчера, что это будет нашим секретом, и что она не может рисковать своей репутацией. Не то чтобы это так уж сильно ее волновало, просто мы хотели иметь наш собственный, секретный мир. Я гадал, когда же она ускользнула, и вспоминал, как держал ее в своих объятиях, ощущая неведомые мне прежде тепло и легкость. Я был здоров, я был умиротворен, и Розалин стала для меня туманным воспоминанием, персонажем неприятной истории, которую я просто выбросил из головы.

Сейчас мои мысли были полны Катериной: как она задернула шторы, когда гроза швыряла градом в окна, как она позволила моим рукам исследовать свое прелестное тело... В какой-то момент, когда я ласкал ее шею, мои руки нащупали застежку голубого ожерелья с камеей, которое она всегда носила. Я хотел расстегнуть его, но Катерина грубо оттолкнула меня.

— Нет! — резко сказала она, и ее руки взлетели к застежке, проверяя, все ли на месте. Но затем, поместив амулет на прежнее место в ямочке между ключицами, она вновь осыпала меня поцелуями.

Вспомнив, каких еще тайных мест она разрешала мне касаться, я покраснел.

Спустив ноги с кровати, я прошел к умывальнику и ополоснул лицо, затем посмотрел на себя в зеркало и улыбнулся. Темные круги под глазами исчезли, и перемещение из одного конца комнаты в другой больше не было для меня испытанием. Я переоделся в жилет и темно-синие бриджи и, напевая, вышел из спальни.

— Сэр? — Альфред встретил меня на лестнице. В руках у него было серебряное блюдо с моим завтраком. Я скривился от отвращения. Как мог я пролежать в кровати целую неделю, если существовал целый мир, который я мог вновь и вновь открывать с Катериной?

— Все в порядке, спасибо, Альфред, — сказал я, перепрыгнув через ступеньку. Вчерашняя гроза миновала так же быстро, как и началась. Через французское окно террасу заливал утренний солнечный свет, стол украшали свежесрезанные маргаритки. Дамон был уже здесь, он пил кофе, просматривая утреннюю ричмондскую газету.

— Привет, братишка! — Дамон приветствовал меня, салютуя чашкой кофе. — Что ж, выглядишь отлично. Это вчерашняя прогулка так на тебя подействовала?

Я кивнул и сел напротив, глядя на газетные заголовки. Армия Союза⁵ заняла Форт-Морган. Я не смог вспомнить, где это.

⁵ Армия Союза воевала против одиннадцати южных рабовладельческих штатов Конфедерации.

— Удивляюсь, что мы еще получаем газету. Отец, кажется, не интересуется ничем, кроме историй, которые сам же сочиняет, — язвительно проговорил Дамон. Если тебе здесь настолько не нравится, почему бы тебе просто не уехать? — спросил я, ощутив внезапный прилив раздражения из-за постоянного ворчания Дамона. Наверное, было бы лучше, если бы он уехал, тогда отец не был бы таким подавленным. А мерзкий внутренний голос неслышно добавил: «И мне не пришлось бы переживать, когда вы с Катериной катаетесь на качелях на веранде».

Дамон вскинул бровь.

— Ну, я бы погрешил против истины, если бы сказал, что здесь не происходит интересных вещей, — он изогнул губы в понимающей улыбке, и мне вдруг захотелось схватить его за плечи и как следует встряхнуть.

Сила моих чувств удивила меня самого настолько, что, испугавшись, я сел в кресло и затолкал в рот горячую булочку из наполненной доверху корзины на столе. Никогда прежде я не ревновал своего брата, а сейчас умирал от желания узнать, прокрадывалась ли когда-нибудь Катерина в его спальню. Вряд ли. Прошлой ночью она, казалось, так боялась, что кто-нибудь узнает о нас, что снова и снова брала с меня клятву ни единым словом, ни единым вздохом не проговориться о том, чем мы занимались.

Вошла Бетси, наша повариха, неся тарелки с овсянкой, беконом и яйцами. Желудок мой заурчал, я понял, что ужасно голоден, и начал быстро поглощать еду, упиваясь сочетанием вкуса соленых яиц и сладкого кофе. Создавалось впечатление, что я никогда не завтракал прежде, а сейчас все органы чувств внезапно проснулись. Когда я, наконец, удовлетворенно вздохнул, Дамон взглянул на меня с изумлением.

— Я знал, что все, что тебе нужно, это свежий воздух и хорошая пища, — сказал он.

И Катерина, подумал я.

— А сейчас пойдем, встряхнем это сонное царство. — Дамон нехорошо улыбнулся. — Отец в своем кабинете, занят изучением демонов. Ты знаешь, что он уже и Роберта привлек? — Дамон с отвращением потряс головой.

Я вздохнул. Конечно, я не был абсолютно уверен в правдивости историй о нечистой силе, но я достаточно уважал отца, чтобы не делать его убеждения посмешищем. Слушая Дамона, я чувствовал себя немножко предателем.

— Прости, братишка. — Дамон опять тряхнул головой, со скрипом отодвигая стул по плиточному полу. — Я знаю, что тебе не нравится, когда мы с отцом ссоримся, — он подошел ко мне и вытащил из-под меня стул, так что я едва не упал. Встав на ноги, я изо всех сил оттолкнул его. Уже лучше! — весело выкрикнул Дамон. — Пошли! — Он выбежал через заднюю дверь, не придерживая ее, и она с грохотом захлопнулась за ним. Как ругала нас в детстве Корделия за это преступление! Я расхохотался, услышав из кухни знакомые стенания, и побежал к центру лужайки, где мы с Дамоном две недели назад перебрасывались овальным мячом.

— Сюда, братишка! Лови! — задыхаясь, прокричал Дамон, и я, развернувшись, прыгнул как раз вовремя, чтобы схватить мяч из свиной кожи. Крепко прижимая его к груди, я побежал к конюшне, чувствуя, как ветер хлещет мне в лицо, но чей-то голос остановил меня.

— Эй, ребята! — На веранде гостевого домика стояла Катерина, одетая в кремовое муслиновое платье. Она выглядела совершенно невинно, и я не мог поверить, что все, случившееся прошлой ночью, не было сном. — Избавляйтесь от избытка энергии?

Я послушно развернулся и пошел к веранде.

— Играем в детскую игру, — объяснил я, поспешно бросая мяч Дамону.

Катерина закинула руки, заплетая свои кудри в косу. Я вдруг испугался, что мы надоели ей с нашими ребяческими забавами, и она вышла, чтобы отчитать нас за то, что мы разбудили ее так рано. Но она только улыбнулась и села на качели.

— Хотите сыграть? — спросил Дамон со своей игровой позиции на лужайке. Он держал мяч над головой, собираясь кинуть его ей.

— Вовсе нет, — наморщила носик Катерина. — Одного раза было достаточно. Кроме того, я считаю, что людям, которым нужна компания в спорте и играх, просто не хватает воображения.

— Стефану хватает воображения, — ухмыльнулся Дамон. — Вы бы слышали, как он читает стихи, прямо как трубадур.

Бросив мяч на землю, он побежал к веранде.

— У Дамона тоже есть воображение. Вы бы видели, как изобретательно он играет в карты, — поддразнил я, подходя к ступеням.

Катерина кивнула в ответ на мой поклон, не выказав ни малейшего желания поздороваться. На мгновение я отпрянул как ужаленный.

Почему она не позволила хотя бы поцеловать ей руку? Неужели прошлая ночь ничего для нее не значит?

— Я достаточно изобретателен, особенно когда у меня есть муза, — подмигнув Катерине, Дамон оттолкнул меня и схватил ее за руку. Когда он поднес ее к губам, мой желудок сжался.

— Благодарю вас, — сказала Катерина. Она встала и начала спускаться по лестнице, и юбки ее скромного платья зашуршали по ступенькам. С подобранными волосами она напоминала мне ангела. Спустившись, она заговорщицки улыбнулась мне, и я наконец расслабился.

— Как здесь красиво! — Катерина раскинула руки, словно благословляя все поместье. — Вы покажете мне окрестности? — спросила она, поворачиваясь к Дамону, затем ко мне и опять к Дамону. — Я живу здесь уже больше двух недель, но едва ли видела что-нибудь, кроме своей спальни и садов. Я хочу увидеть что-то новое, что-то секретное!

— У нас есть лабиринт, — тупо сказал я. Дамон ткнул меня локтем в ребра. Будто он мог предложить что-то лучше!

— Я знаю, — сказала Катерина, — Дамон мне показывал.

При упоминании о том, как много времени эти двое проводили вместе в те недели, когда я был прикован к постели, мой желудок опустился. Если он показывал ей лабиринт...

Но я решил поскорее выбросить эти мысли из головы. Дамон всегда рассказывал мне о женщинах, с которыми целовался, с тех пор как в тринадцать лет поцеловал на мосту Викери Амелию Хок. Если бы он поцеловал Катерину, я бы знал об этом.

— Я бы с удовольствием посмотрела его еще раз, — Катерина захлопала в ладоши, будто я только что поведал ей чрезвычайно интересную новость. — Вы ведь не откажетесь сопровождать меня? — с надеждой спросила она, глядя на нас обоих.

— Разумеется, — хором ответили мы.

— Чудесно! Я должна предупредить Эмили, — Катерина бросилась в дом, оставив нас стоять по обе стороны лестницы.

— Она истинная женщина, не так ли? — сказал Дамон.

— Да, — коротко ответил я, и прежде, чем я смог что-либо добавить, Катерина уже сбегала вниз по ступенькам, держа в руке зонтик от солнца.

— Я готова к приключениям! — воскликнула она, протягивая мне зонтик. Я перевесил его за крючок через руку, Катерина же взяла под руку Дамона. Я шел в нескольких футах позади и наблюдал, с какой непосредственностью их бедра ударялись друг о друга, как будто она была ему просто младшей сестрой. Я расслабился. В этом все дело. У Дамона всегда была потребность защищать, и сейчас он всего лишь играл роль старшего брата Катерины, в чем она, собственно, и нуждалась.

Насвистывая, я шел за ними. У нас был небольшой лабиринт в саду перед домом, но настоящий обширный лабиринт находился в дальнем углу поместья. Отец построил его на месте топкого болота, чтобы произвести впечатление на маму. Она была страстной садовницей и всегда сожалела о том, что цветы, которые цвели в ее родной Франции, не приживались на твердой почве Виргинии. Однако на этом участке всегда благоухали розы и клематисы, и, если какая-нибудь влюбленная парочка желала уединиться во время вечеринки

в Веритас, она первым делом шла сюда. У слуг были свои суеверия: они считали, что ребенок, зачатый в лабиринте, будет благословлен на всю жизнь, что если вы поцелуете свою возлюбленную в центре лабиринта, то всегда будете вместе, а если вы солжете в его стенах, то будете навеки прокляты. Сегодня лабиринт производил почти мистическое впечатление: ограда, обвитая виноградной лозой, создавала густую тень, не пропуская солнечный свет, и казалось, что мы трое находились в зачарованном мире, вдали от войны и смерти.

— Здесь даже лучше, чем мне раньше казалось! — воскликнула Катерина и пояснила: — Как в сказке, как в Люксембургских садах, как в Версальском дворце! — Сорвав цветок лилии, она глубоко вдохнула его аромат.

Помолчав немного, я взглянул на нее и спросил:

— Вы хотите сказать, что были в Европе? — Я чувствовал себя таким же провинциалом, как те мужланы, что жили в лачугах на противоположной стороне Мистик-Фоллз, произносили слова на свой лад и в моем возрасте имели уже по четверо или пятеро детей.

— Я везде была, — просто ответила Катерина. Она пристроила лилию за ухом. — Итак, расскажите мне, парни, как вы забавляетесь, когда вам не нужно производить впечатление на таинственную незнакомку, проводя экскурсию по своим владениям?

— Мы развлекаем хорошеньких молоденьких девушек с истинно южным гостеприимством, — прогнусавил Дамон с преувеличенным акцентом, всегда смешившим меня.

Катерина вознаградила его хихиканьем, и я улыбнулся. Я видел, что их дружеский флирт так же невинен, как взаимоотношения двух кузенов, и потому мог наслаждаться этой шуточной перепалкой.

— Дамон прав. До бала Основателей осталось всего несколько недель, — сказал я, и у меня сразу поднялось настроение от одной мысли, что я волен пойти на бал с кем пожелаю. Я не мог дождаться минуты, когда закружу Катерину в танце.

— И вы будете там самой красивой девушкой. Даже девушки из Ричмонда и Шарлотсвилля будут вам завидовать, — сказал Дамон.

— Правда? Что же, я думаю, все так и будет. Это не слишком грешно с моей стороны? — спросила Катерина, переводя взгляд с Дамона на меня.

— Нет, — ответил я.

— Да, — одновременно со мной произнес Дамон. — Я, со своей стороны, считаю, что многим девушкам следует признаться в греховности своей натуры. В конце концов, всем нам известно, что во взаимоотношении полов есть и темная сторона. Помнишь, как Клементина отрезала волосы Амелии? — Эти слова Дамона уже были обращены ко мне.

— Да. — Я довольно хихикнул, радуясь возможности выступить в роли рассказчика и доставить Катерине удовольствие. — Клементине показалось, что Амелия зашла слишком далеко с Мэтью Харнеттом, а так как он ей тоже нравился, она решила взять инициативу в свои руки и сделать Амелию менее привлекательной.

Катерина приложила руку к губам, изображая преувеличенную обеспокоенность.

— Я надеюсь, бедняжка Амелия пришла в себя!

— Она обручилась с каким-то солдатом, так что о ней не волнуйтесь, — сказал Дамон. — На самом деле вам вообще ни о чем не следует волноваться, вы слишком красивы для этого.

— Все же есть одна вещь, которая меня волнует. — Катерина сузила глаза. — Кто будет сопровождать меня на бал? — Покачивая зонтиком вперед-назад, она смотрела в землю, словно решая серьезную проблему. Когда она взглянула на нас обоих, мое сердце учащенно забилося. — Придумала! Давайте устроим состязание. Победитель сможет получить меня! — Бросив зонтик на землю, она выбежала из центра лабиринта.

— Братишка? — вскинул бровь Дамон.

— Готов? — Я улыбнулся в ответ, как будто это была всего лишь детская игра в

догонялки. Я не хотел, чтобы Дамон знал, как быстро бьется мое сердце, и как сильно я хочу поймать Катерину.

— Вперед! — завопил Дамон. Я побежал. Работая руками и ногами, я мчался по лабиринту. Школьником я был самым резвым мальчиком в классе, с быстротой молнии исчезавшим сразу после звонка.

У меня за спиной раздался смех. Я оглянулся. Согнувшись пополам, Дамон хохотал, шлепая себя по колену. Я глотнул немного воздуха, чтобы не выглядеть запыхавшимся.

— Боишься соревноваться? — спросил я, подбежав к Дамону и стукнув его по плечу. Я хотел лишь легонько пнуть его, но получился глухой тяжелый удар.

— Сейчас начнем, братишка, — сказал Дамон, и в его голосе все еще слышался смех. Он схватил меня за плечи и с легкостью бросил на землю. Вскочив на ноги, я накинулся на него, повалил на спину и прижал его запястья к земле.

— Ты думал, что все еще можешь победить своего маленького братика? — поддразнивал я, наслаждаясь быстрой победой.

— Никто не пришел за мной. — В лабиринт с недовольной гримасой вошла Катерина. Как только она увидела нас, лежавших на земле, тяжело дышавших, ее хмурый взгляд тотчас же сменился улыбкой.

— Хорошо, я сама пришла, чтобы спасти вас обоих, — опустившись на колени, она прижалась губами сначала к щеке Дамона, затем к моей. Я выпустил руки Дамона и поднялся, стряхивая грязь с бриджей.

— Вот видите, — сказала она, протягивая Дамону руку, — все, что нужно, чтобы жизнь наладилась, — это поцелуй, хотя вам, парни, не следует быть такими жестокими друг с другом,

— Мы сражались за вас, — лениво ответил Дамон, не потрудившись даже подняться.

Но наш разговор был прерван топотом конских копыт. Спешившись, Альфред поклонился нам. То еще, наверное, было зрелище: Дамон, лежащий на земле, положив голову на руку, как будто он просто прилег отдохнуть, я, яростно пытающийся очистить брюки от травяных пятен, и Катерина, с довольным видом стоящая между нами.

— Простите за вмешательство, — сказал Альфред, — но мастер Джузеппе хочет поговорить с мастером Дамоном по срочному делу.

— Ну разумеется, отцу всегда все срочно. Готов поклясться, что у него возникла еще одна нелепая теория, которую нужно обсудить, — сказал Дамон.

Катерина подняла зонтик с земли.

— Мне тоже нужно идти. Я вся растрепана, а мне еще надо зайти в аптеку к Перл.

— Прошу вас, — Альфред жестом пригласил Дамона сесть на коня. Когда они уехали, мы с Катериной медленно побрели к гостевому домику. Я хотел было снова заговорить о бале Основателей, но так и не решился.

— Вам вовсе незачем идти со мной. Возможно, вам следует составить компанию брату, — предложила Катерина. — Ваш отец производит впечатление человека, с которым легче справиться вдвоем, — поделилась она своим наблюдением. Ее рука коснулась моей, и она взяла меня за запястье. Затем, встав на цыпочки, слегка задела губами мою щеку. — Приходите навестить меня сегодня вечером, милый Стефан. Моя комната будет открытой, — и с этими словами она бросилась бежать.

Ее бег был похож на свободный галоп жеребенка, и сердце мое несло рядом с ней. Не оставалось сомнений: она чувствует то же, что и я. И осознание этого делало меня более живым, чем когда-либо.

Лишь только сгустились сумерки, я спустился по ступенькам и, отперев заднюю дверь, на цыпочках ступил на траву, уже влажную от росы. Я был предельно осторожен, так как все поместье освещалось факелами. Я знал, что отец был бы недоволен, если бы узнал, что я

отважился покинуть усадьбу после наступления темноты. Однако гостевой дом был очень близко от главного — на расстоянии одного броска камнем, буквально в двадцати шагах от крыльца.

Стараясь держаться в тени, я прокрался через двор, чувствуя, как сердце колотится в грудной клетке. Меня не беспокоили нападения хищников или других ночных существ. Меня больше волновала возможная встреча с Альфредом или, хуже того, с отцом. Но при одной мысли, что я могу не увидаться с Катериной этой ночью, я готов был забиться в истерике.

Плотный туман снова покрыл землю и поднялся до неба — странное природное явление, в котором, должно быть, виновата смена времен года. Пробираясь главной дорогой к крыльцу домика для гостей, я дрожал и заставлял себя не смотреть в сторону старой ивы.

Дойдя до белой двери, я остановился. Шторы на окнах были плотно задернуты, и через них не пробивался ни один лучик света. На секунду я испугался, что пришел слишком поздно, и Катерина и Эмили уже легли, но все же постучал костяшками пальцев по деревянной раме.

Дверь со скрипом отворилась, и чья-то рука схватила меня за запястье.

— Заходите! — услышал я резкий шепот, и меня втянули в дом. Я услышал, как позади меня закрывается замок, и оказался лицом к лицу с Эмили.

— Сэр, — улыбаясь, Эмили присела в реверансе. Она была в простом свободном синем платье, распущенные волосы темными волнами ниспадали на плечи.

— Добрый вечер, — вежливо поклонившись, я осмотрелся по сторонам, давая глазам привыкнуть к тусклому свету. На грубо отесанном столе горел красный фонарь, отбрасывая тени на бревенчатый потолок. Этот дом не ремонтировали уже много лет, с тех пор как умерла мама, и ее родственники перестали нас навещать. Однако сейчас, когда в доме поселились люди, его комнаты стали излучать тепло, которого так не хватало главной усадьбе.

— Чем могу служить, сэр? — спросила Эмили, глядя на меня, не мигая.

— Ммм... Я здесь, чтобы увидеть Катерину, — пробормотал я, внезапно смутившись. Что подумает Эмили о своей хозяйке? Разумеется, прислуге полагается держать язык за зубами, но я же знал, как слуги любят посплетничать. Я определенно не хотел, чтобы добродетель Катерины оказалась скомпрометирована, если Эмили вдруг присоединится к праздным болтунам.

— Катерина ожидает вас, — сказала Эмили, и в ее темных глазах мелькнул озорной огонек.

Взяв со стола фонарь, она по деревянным ступеням повела меня наверх и остановилась перед белой дверью в конце коридора. Я замер. Когда мы с Дамоном были детьми, мы испытывали необъяснимый страх перед верхним этажом этого дома. Может, потому, что слуги говорили, что здесь живет привидение, или потому, что в доме скрипела каждая половица, но было в этом месте что-то, гнавшее нас прочь. Однако сейчас здесь жила Катерина, и для меня в мире не было места желаннее этого дома.

Повернувшись ко мне, Эмили трижды постучала и открыла дверь.

Осторожно входя в комнату, я слышал, как скрипят половицы под ногами удаляющейся по коридору Эмили. Комната была обставлена очень просто: чугунная кровать, накрытая обычным пуховым одеялом зеленого цвета, шкаф в одном углу, раковина в другом, а в третьем — покрытое позолотой зеркало.

Катерина сидела спиной ко мне на кровати и смотрела в окно. Ее ноги были прикрыты короткой ночной рубашкой, а длинные кудри свободно вились по плечам.

Я постоял, глядя на нее, а затем кашлянул.

Она обернулась, и в ее темных кошачьих глазах появилось довольное выражение.

— Я здесь, — проговорил я, переминаясь с ноги на ногу.

— Я вижу, — усмехнулась Катерина. — Я видела, как вы шли сюда. Вы не побоялись выйти из дома в темноте?

— Нет! — воскликнул я, защищаясь, смущенный тем, что она видела, как я метался от дерева к дереву, словно испуганная белка.

Катерина выгнула темную бровь и протянула ко мне руки.

— Вам не о чем беспокоиться. Подойдите. Я помогу вам выкинуть все из головы, — сказала она. Словно во сне, я подошел и, встав коленями на кровать, крепко обнял Катерину. Почувствовав ее тело в своих руках, я расслабился. Одного только прикосновения к ней оказалось достаточно, чтобы напомнить: лишь она да сегодняшняя ночь были настоящей реальностью, а все остальное не имело никакого значения — ни отец, ни Розалин, ни злые духи, которые, как утверждали горожане, бродили снаружи во тьме.

Важным было лишь, что мои руки обнимали ту, которую я любил. Когда ее ладонь спускалась по моим плечам, я представлял себе, как мы приходим вдвоем на бал Основателей. Когда ее ладонь остановилась на моей лопатке, и я почувствовал, как ее коготки пробираются сквозь тонкий хлопок рубашки, я вдруг увидел нас десять лет спустя, с выводком детей, чей звонкий смех оглашает поместье. Я хотел, чтобы это стало моей жизнью, отныне и навсегда. Застонав от вожделения, я наклонился, позволяя своим губам касаться ее губ, сначала медленно, так, как мы сделаем это на глазах у всех, заявляя о своей любви на нашей свадьбе, а затем жестче и нетерпеливее, подбираясь, дюйм за дюймом, к ее снежно-белой груди.

Она схватила меня за подбородок и, притянув мое лицо к своему, страстно поцеловала. Я ответил на ее поцелуй так, словно умирал от голода и наконец обрел пищу в ее устах. Мы целовались, я закрыл глаза и больше не думал о будущем.

Внезапно я почувствовал в шее острую боль, как от укола кинжалом. Я вскрикнул, но Катерина продолжала меня целовать. Но нет, не целовать — кусать и высасывать кровь у меня из-под кожи. Открыв глаза, я увидел в лунном свете ее дикие, налитые кровью глаза и лицо, белое, как у призрака. Я дернул головой, но боль не отступала, и я не мог кричать, не мог сопротивляться, я видел только полную луну в окне и чувствовал, как кровь покидает мое тело, как внутри меня бьет ключом желание, и жар, и злость, и ужас. Если так выглядела смерть, то я был согласен. Я был согласен, я обхватил руками Катерину, отдавая ей себя... Затем все погрузилось во тьму.

16

Одинокий крик совы — долгий, заунывный, жалобный звук — заставил меня проснуться. Пока мои глаза привыкали к тусклому свету, я чувствовал пульсирующую боль в шее сбоку, и эта боль, казалось, билась в такт с птичьим криком. Я вдруг вспомнил все — Катерину, ее открытый рот, сверкающие зубы. Сердце мое колотилось так сильно, как будто бы я умирал и рождался одновременно. Нестерпимая боль, красные глаза, черный провал мертвого сна...

Я дико оглянулся.

Катерина, прикрытая только ожерельем и простой нижней юбкой из муслина, сидела в нескольких шагах от меня возле раковины, обтирая плечи полотенцем для рук.

— Привет, сонный Стефан, — кокетливо проговорила она.

Спустив ноги с кровати, я попытался сделать шаг, но обнаружил, что запутался в простынях.

— Твое лицо, — пролепетал я, понимая, что выгляжу сумасшедшим, безумным, как городской пьяница, с трудом выбирающийся из таверны.

Катерина продолжала водить по плечам хлопковой тканью. Лицо, что я видел у нее прошлой ночью, не было человеческим. Это было лицо, полное желания, и жажды, и других эмоций, которые я даже затрудняюсь определить. Но в предутреннем освещении Катерина выглядела даже привлекательнее обычного, она щурилась, как кошка после долгого сна.

— Катерина, — позвал я, заставляя себя смотреть ей в глаза, — кто ты?

Катерина взяла с ночного столика щетку для волос, повернулась ко мне и медленно,

так, как будто в ее распоряжении было все время мира, начала расчесывать свои роскошные локоны.

— Ты же не боишься, правда? — спросила она.

Значит, она была вампиром. Кровь застыла у меня в жилах.

Я взял простыню и завернулся в нее, затем схватил с кровати брюки и натянул их. Быстро сунул ноги в ботинки, рывком надел рубашку, не заботясь о белье, все еще лежавшем на полу. Быстрее молнии Катерина подлетела ко мне и схватила за плечо.

Она была на удивление сильной, и мне пришлось резко дернуться, чтобы высвободиться из ее хватки.

— Ш-ш, ш-ш, — прошептала она, как мать, успокаивающая свое дитя.

— Нет! — закричал я, высвобождая руку. Я не позволю ей снова очаровать меня. — Ты вампир. Ты убила Розалин. Вы убиваете наш город. Вы — зло, которое нужно остановить.

Но, посмотрев в ее глаза, ее огромные, светящиеся глаза, казавшиеся бездонными, я осекся.

— Ты не боишься, — повторила Катерина.

Ее слова некоторое время эхом отзывались в моей голове, прежде чем окончательно поселиться во мне. Я не знал, почему так случилось, но в глубине своего сердца я внезапно перестал бояться. Но тем не менее...

— Тем не менее ты вампир. Как мне вынести это?

— Стефан. Милый, испуганный Стефан. Все образуется, вот увидишь, — Обхватив ладонями мой подбородок, она привстала на цыпочки, чтобы поцеловать меня. В солнечном свете зубы Катерины выглядели жемчужно-белыми, крошечными, ничем не напоминающими те миниатюрные кинжалы, что я видел прошлой ночью.

— Это я. Я все еще Катерина, — с улыбкой добавила она.

Я заставил себя оттолкнуть ее. Я хотел верить, что все остается по-прежнему, но...

— Ты думаешь о Розалин, не так ли? — спросила Катерина. Заметив мой испуг, она покачала головой. — Естественно, исходя из своих новых знаний обо мне, ты решил, что это я убила ее. Но уверяю тебя, я не убивала и никогда бы не смогла.

— Но... но... — начал я.

Катерина поднесла палец к моим губам.

— Ш-ш... Я ведь была с тобой в тот вечер, помнишь? Я забочусь о тебе и о тех, о ком заботишься ты. Я не знаю, как умерла Розалин, но именно те, кто ее убил, — в глазах Катерины промелькнула ярость, и я впервые заметил в них золотые крапинки, — виновны в нашей плохой репутации. Они пугают меня. Ты, возможно, боишься выходить из дома ночью, я же боюсь гулять днем, чтобы меня ошибочно не приняли за одно из этих чудовищ. Я, может, и вампир, но у меня есть сердце. Прошу тебя, верь мне, милый Стефан.

Шагнув в сторону, я схватился за голову. Мой разум был в смятении. Солнце только начало подниматься над горизонтом, и невозможно было понять, то ли это туман скрадывал солнечный свет, то ли день обещал быть пасмурным. Так же было и с Катериной. Ее прекрасная внешность скрывала внутреннюю сущность, и невозможно было понять, добро она или зло. Я тяжело опустился на кровать; я не мог ни уйти, ни остаться.

— Ты должен верить мне, — Катерина, сев рядом со мной на кровати, положила руку мне на грудь, чтобы слышать биение моего сердца. — Я Катерина Пирс, не более и не менее. Я — та девушка, за которой ты вот уже две недели наблюдаешь часами напролет. То, в чем я тебе призналась, не имеет никакого значения. Это не меняет того, что чувствуешь ты, что чувствую я, что мы оба чувствуем и кем мы можем стать, — сказала она, проводя рукой от моей груди к подбородку. — Я права? — спросила она, и в ее голосе послышалась настойчивость. Взглянув в распахнутые карие глаза, я понял, что она права. Иначе и быть не может.

Мое сердце все еще жаждало ее, и я хотел как-нибудь ее защитить. Потому что она не была вампиром, она была моей Катериной. Я схватил ее руки и сжал их в своих. Она выглядела такой маленькой и ранимой! Я поднес ее холодные нежные пальцы к губам и стал

целовать их один за другим. Катерина глядела испуганно и недоверчиво.

— Так ты не убивала Розалин? — медленно спросил я. Но вопрос еще только слетал с моих губ, а я уже знал, что это правда, ибо иначе мое сердце просто разорвалось бы.

Покачив головой, Катерина посмотрела в окно.

— Я никогда никого не убью без крайней необходимости. Если не придется защищаться или защищать того, кого я люблю. Но в такой ситуации любой может убить, не так ли? — сказала она, негодуя вздернув подбородок. Она выглядела такой гордой и такой уязвимой, что я едва удержался, чтобы в ту же секунду не заключить ее в объятия.

— Обещай, что сохранишь мою тайну, Стефан. Обещаешь? — спросила она, заглядывая в мои глаза.

— Конечно, я обещаю, — сказал я, обращаясь скорее к себе самому, чем к ней. Я любил Катерину. Да, она была вампиром. Однако... когда это слово произносила она, оно звучало иначе. Не так, как когда его произносил мой отец. В нем не было ужаса. Оно казалось романтическим и загадочным. Должно быть, отец ошибается, а Катерину просто никто не понимает.

— Ты владеешь моей тайной, Стефан. Ты знаешь, что это значит? — спросила Катерина, забрасывая руки мне на плечи и прижимаясь щекой к моей щеке. — Vous avez mon secret. Ты владеешь моим сердцем.

— А ты владеешь моим, — сказал я, уверенный в каждом слове.

17

8 сентября 1864 года

Она не то, чем кажется. Мне следует удивляться? Ужасаться? Страдать?

Такое чувство, будто все, что мне было известно, все, чему меня учили целых семнадцать лет, оказалось неправильным.

Я все еще ощущаю ее поцелуи, ее прикосновения. Я все еще стремлюсь к ней, но голос разума вопит в ушах: ты не можешь любить вампира.

Если бы у меня была одна из ее маргариток, я бы позволил цветку решить за меня: я люблю ее... я не люблю ее... Я...

Я люблю ее.

Люблю. Какими бы ни были последствия.

Разве не это значит следовать велению своего сердца? Если бы только у меня была карта или компас, чтобы помочь мне найти свой путь! Но она владеет моим сердцем, она моя Полярная звезда... И этого должно быть достаточно.

Я выскользнул из гостевого домика и вернулся в свою спальню, где мне, как ни странно, удалось даже поспать несколько часов. Проснувшись, я стал гадать, не было ли сном все случившееся. Но когда я поднял голову с подушки, то увидел аккуратные пятнышки засохшей темно-красной крови и коснулся пальцами горла. Я нащупал ранку и, хотя она не болела, вспомнил все, что произошло прошлой ночью.

Я чувствовал себя одновременно изнуренным, смущенным и восторженным. Мое тело обессилело, голова гудела. Это было похоже на лихорадку, но внутри меня царил покой, которого я не знал прежде. Я переоделся, с особой тщательностью промыв и забинтовав ранку, затем застегнул льняную рубашку на все пуговицы, как можно выше. Я посмотрел на свое отражение в зеркале, пытаюсь увидеть какие-то перемены, какой-нибудь особенный блеск в глазах, свидетельствовавший о моей новообретенной искушенности, но мое лицо выглядело точно таким же, как вчера.

Я сполз по ступенькам черной лестницы и направился в кабинет. Режим отца был неизменным, и по утрам он всегда объезжал поля с Робертом.

Едва затворив за собой дверь прохладной темной комнаты, я пробежал пальцами по переплетенным кожей корешкам книг на каждой полке: ощущение их гладкости успокаивало

меня. Я надеялся, что где-то на стеллажах и полках, среди книг на любую тему найдется и томик с ответами на мои вопросы. Я вспомнил, как Катерина читала «Тайны Мистик-Фоллз» и заметил, что этой книги больше не было в кабинете, по крайней мере, на видном месте.

Я бесцельно бродил от полки к полке, впервые в жизни ошеломленный огромным количеством книг в отцовском кабинете. Как разыскать информацию о вампирах? У отца были сборники пьес, художественная литература, атласы, две полки с Библией на английском, итальянском и латыни. Я водил руками по кожаным корешкам с золочеными буквами, надеясь отыскать хоть что-нибудь. Наконец мои пальцы нащупали тонкий потрепанный томик с отслоившейся серебряной надписью *Demonios* на корешке. *Demonio...* демон... Это было то, что я искал. Я открыл книгу, но она была написана на старом итальянском диалекте, в котором я ничего не смыслил, несмотря на долгое изучение итальянского и латыни.

Я все же прихватил томик с собой и уселся в клубное кресло. Попытка расшифровать книгу казалась мне более естественным и простым действием, чем, например, попытка позавтракать и делать при этом вид, что все в порядке. Водя пальцем по строкам, я читал вслух, как школьник, стараясь не пропустить слова «вампир». Наконец, я нашел его, но окружавшие его предложения казались мне абсолютной тарабарщиной, и, расстроенный, я вздохнул.

В этот момент дверь в кабинет со скрипом отворилась.

Кто там? — громко спросил я.

— Стефан! — Румяное лицо отца выражало удивление. — Я искал тебя.

— Да? — спросил я, и моя рука метнулась к шее, как будто бы отец мог увидеть бинт под тканью рубашки. Но мой секрет был в безопасности.

Отец подозрительно посмотрел на меня. Подойдя, он взял книгу с моих колен.

— Ты и я — мы думаем одинаково, — сказал он, и незнакомая улыбка искривила его лицо.

— Правда? — Сердце в груди трепетало, как крылышки колибри, и я был уверен, что отцу было слышно, как часто и неглубоко я дышал. Я был уверен, что он может читать мои мысли, что он узнал о нас с Катериной. Если он узнал о Катерине, то убьет ее и...

Я не отваживался додумать до конца.

Отец снова улыбнулся.

— Правда. Я знаю, что ты принял наш разговор о вампирах близко к сердцу, и я рад, что ты серьезно отнесся к нашей беде. Я, конечно, знаю, что у тебя есть и личный мотив — месть за твою юную Розалин, — сказал отец, перекрестившись.

Я, не отрываясь, смотрел на маленький участок восточного ковра, где ткань истончилась настолько, что можно было увидеть деревянный пол. Я не мог позволить себе взглянуть на отца, чтобы мое лицо не выдало мой секрет, секрет Катерины.

— Будь уверен, сынок, что Розалин умерла не напрасно. Она отдала жизнь за Мистик-Фоллз и останется в нашей памяти после того, как мы избавим город от этого проклятия. А ты, конечно, будешь неотъемлемой частью нашего плана, — отец указал на книгу, которую я все еще держал в руках, — в отличие от твоего ни на что не годного брата. Что проку в его воинском искусстве, если оно не служит для защиты его семьи, его земли? — задал отец риторический вопрос. — Как раз сегодня он поехал на верховую прогулку с сослуживцами. И это после того, как я поставил его в известность, что сегодня утром хочу видеть его здесь, чтобы он принял участие в собрании в доме Джонатана!

Но я больше не слушал отца. Меня беспокоило одно: как бы он не узнал о Катерине. Затаив дыхание, я сказал, делая вид, будто мною руководил лишь чисто исследовательский интерес к вампирам:

— Я не так уж много понял из этой книги. Не думаю, что она будет нам очень полезна.

— Это только пока, — пренебрежительно ответил отец и беззаботно вернул книгу на полку. — Я чувствую, что все вместе мы обладаем достаточным багажом знаний.

— Все вместе? — переспросил я.

Отец нетерпеливо взмахнул рукой.

— Ты, я и Основатели. Мы создали совет, чтобы справиться с этим. Сегодня состоится его заседание. И ты едешь на него.

— Я? — переспросил я.

Отец посмотрел на меня с раздражением. Я понимал, что выгляжу недотепой, но слишком уж много информации вертелось в моей голове, и я никак не мог переварить ее всю.

— Да. Мы возьмем с собой Корделию, она разбирается в травах и нечистой силе. Встреча состоится в доме Джонатана Гилберта. — Отец кивнул, давая понять, что разговор окончен. Я тоже кивнул, хоть и был удивлен. Джонатан Гилберт был преподавателем университета и немного изобретателем, и отец иногда не стеснялся называть его чудаком. Но сейчас это имя было произнесено с благоговением. В тысячный раз за этот день я понял, что мир действительно изменился.

— Альфред запрягает экипаж, но править буду я. Никому не говори, куда мы едем. Корделия уже поклялась хранить тайну, — добавил отец, выходя из комнаты. Через секунду я последовал за ним, но прежде сунул в задний карман Demonios.

Я сел впереди рядом с отцом, а Корделия, во избежание кривотолков, устроилась сзади. Было странно, что мы выезжаем утром, да еще и без лакея, который обычно правит лошадьми, и я поймал любопытный взгляд мистера Викери, когда мы проезжали мимо Голубых Хребтов, соседней усадьбы. Я помахал ему, но тотчас почувствовал руку отца на своей руке. Это был молчаливый приказ не привлекать к себе излишнего внимания.

Едва мы выехали на грунтовую дорогу посреди пустоши, отделявшую плантации от города, отец заговорил:

— Не понимаю твоего брата. А ты его понимаешь? Как может мужчина не уважать своего отца? Если бы я не знал его, я бы решил, что он в сговоре с кем-то из них, — сказал он, сплюнув на дорогу.

— Почему ты бы так решил? — Мне стало неудобно, и струйка пота пробежала вниз по спине. Я сунул палец за воротник и отдернул руку, нащупав марлевую повязку на шее. Она была влажной то ли от пота, то ли от крови, я не мог сказать точно.

Мысли мои путались. Предавал ли я Катерину, идя на это собрание? Предавал ли я отца, храня тайну Катерины? Кто нес добро, а кто зло? Ни в чем не было ясности.

— Думаю, потому, что у них есть определенное могущество, — сказал отец, ударяя хлыстом Блейза, как бы желая доказать свою правоту. Заржав, Блейз перешел на быструю рысь.

Я оглянулся на Корделию, но она бесстрастно смотрела прямо перед собой.

Они способны овладеть разумом прежде, чем человек поймет, что что-то не так. Они могут полностью подчинить своим чарам и прихотям. Один их взгляд заставляет человека сделать то, что они захотят. И к тому времени, когда человек понимает, что им управляют, уже слишком поздно что-либо изменить.

— Правда? — недоверчиво спросил я. Я мысленно вернулся в прошлую ночь. Сделала ли Катерина со мной что-нибудь подобное? Конечно, нет! Даже когда я был напуган, я все равно оставался собой. И все чувства были моими. Может, вампиры и могли подчинять себе людей, но Катерина определенно ничего со мной не сделала.

Отец довольно засмеялся.

— Конечно, им не всегда это удастся. Есть надежда, что человек достаточно силен, чтобы противостоять такого рода влиянию. И я, разумеется, вырастил своих сыновей сильными людьми. Однако я очень хотел бы знать, что творится в голове у Дамона.

— Я уверен, с ним все в порядке, — сказал я и вдруг испугался, что Дамон может узнать Катерину тайну. — Думаю, что он просто сам не знает, чего хочет.

— Мне плевать на то, чего он хочет, — сказал отец. — Он обязан помнить о том, что он — мой сын и должен меня слушаться. Настали опасные времена, намного более опасные, чем кажется Дамону. И ему следует понимать: если он не с нами, люди могут сделать вывод,

что он симпатизирует нашему противнику.

— Мне кажется, он просто не верит в вампиров, — сказал я, чувствуя, как в недрах желудка зарождается приступ тошноты.

— Ш-ш! — зашептал отец, махнув рукой, чтобы я замолчал. Лошади, цокая копытами, уже скакали по городу, как раз мимо салуна, перед дверью которого мы увидели полубессознательного Иеремию Блэка с наполовину опустошенной бутылкой виски у ног. Конечно, я сомневался, что Иеремия Блэк слышит или хотя бы видит, что творится вокруг, но согласно кивнул, радуясь молчанию, которое даст мне возможность навести порядок в мыслях.

Посмотрев направо, я увидел Перл и ее дочь, прохладившихся на железной скамейке перед аптекой. Я помахал им, но, встретив предупреждающий взгляд отца, подумал, что лучше как-нибудь в другой раз зайду поздороваться.

Я молчал, пока мы не добрались до противоположного конца города, где в неухоженном особняке, когда-то принадлежавшем отцу, жил Джонатан Гилберт. Дом, казалось, вот-вот развалится, и отец частенько шутил по этому поводу, но сегодня ничего не сказал.

— Корделия, — коротко позвал он, приглашая ее первой подняться по шатким ступенькам особняка.

Джонатан открыл дверь прежде, чем мы позвонили.

— Рад видеть вас, Джузеппе, Стефан. А ты, должно быть, Корделия? Я слышан о твоём знании местных трав, — сказал он, подавая ей руку. Проведя нас через лабиринты коридоров к крошечной двери у центральной лестницы, Джонатан распахнул ее и жестом пригласил нас пройти вовнутрь. Наклоняясь, мы гуськом вошли в туннель длиной около десяти футов с шаткой лестницей на противоположном конце, молча вскарабкались по ней и оказались в маленьком помещении без окон, мгновенно вызвавшем у меня приступ клаустрофобии. В заляпанном воском подсвечнике, стоявшем на крашеном столе, горели две свечи. Как только глаза привыкли к тусклому освещению, я увидел Онорию Фелл, осторожно присевшую на кресло-качалку в углу, и мэра Локвуда с шерифом Форбсом, разместившихся на старой деревянной скамейке.

— Джентльмены, — сказала Онория, поднимаясь и приветствуя нас, как будто мы зашли на чай. — Боюсь, я не знакома с миссис... — Она подозрительно взглянула на Корделию.

— Корделия, — представилась та, переводя взгляд с одного лица на другое и всем своим видом демонстрируя, что здесь — последнее место, где она хотела бы находиться.

Отец неловко кашлянул.

— Она лечила Стефана, пока он приходил в себя после...

— После того как его невесте разорвали горло? — хрипло спросил мэр Локвуд.

— Господин мэр! — Онория прижала ладони к губам.

Пока Джонатан, наклонившись, выходил в коридор, я устроился на стуле с прямой спинкой как можно дальше от всех остальных. Я чувствовал себя не в своей тарелке, но, видимо, не настолько, как Корделия, неловко присевшая на деревянный стул недалеко от кресла Онории.

— Итак! — начал Джонатан Гилберт, возвращаясь в комнату. Он принес какие-то инструменты, бумаги и другие предметы, которые я даже не берусь назвать. Усевшись в битое молю бархатное кресло во главе стола, Джонатан провозгласил: — Приступим.

— Огонь! — мгновенно отреагировал отец.

Дрожь страха пробежала по моему позвоночнику. Огонь — это то, от чего погибли родители Катерины. Случилось ли это потому, что они тоже были вампирами? Действительно ли Катерина была единственной, кому удалось спастись?

— Огонь? — переспросил мэр Локвуд.

Отец кивнул.

— В Италии существуют многочисленные записи о том, что огонь убивает их так же,

как обезглавливание или кол в сердце. И, конечно, существуют травы, способные защитить нас. — Отец кивнул на Корделию.

— Вербена, — подтвердила она.

— Вербена, — мечтательно повторила Онория, — как мило!

Корделия фыркнула.

— Это не более чем трава. Но если вы носите ее на себе, у вас есть защита от демонов. Говорят, что она также помогает исцелить тех, кто долго находился среди них. Для тех, кого вы называете вампирами, это яд.

— Дайте мне немного! — алчно сказала Онория, протягивая руку.

— У меня нет с собой, — ответила Корделия.

— Нет? — Отец бросил на нее резкий взгляд.

— У нас в саду уже не осталось. Я лечила ею мистера Стефана, а когда решила нарвать еще сегодня утром, то обнаружила, что ее больше нет. Наверное, дети оборвали, — быстро проговорила Корделия, глядя при этом прямо на меня. Я отвернулся, убеждая себя, что, если бы она знала про истинную природу Катерины, она уже рассказала бы обо всем отцу.

— В таком случае, где же ее раздобыть? — спросила Онория.

— Прямо у вас под носом, — ответила Корделия.

— Как? — возмутилась Онория, будто услышав что-то оскорбительное.

— Она растет повсюду. За исключением нашего сада, — мрачно произнесла Корделия.

— Таким образом, — сказал отец, глядя на обеих женщин и пытаясь взять ситуацию под контроль, — после нашего собрания мисс Онория в сопровождении Корделии отправится в свой сад на поиски вербены.

— Одну минуточку, — сказал мэр Локвуд, ударив по столу мясистым кулаком. — За этой женской болтовней вы забыли обо мне. Вы хотите сказать, что, если я ношу ветку сирени, демоны оставят меня в покое? — фыркнул он.

— Не сирени, а вербены, — объяснила Онория. — Только она отгоняет злые силы.

— Да, — понимающе сказал отец, — и все в этом городе должны носить ее. Тогда мы не только защитим наших граждан, но и сможем увидеть, кто ее не носит. Мы разоблачим их как вампиров и сожжем. — Отец был так деловит и спокоен, что мне потребовалось все мое самообладание, чтобы тотчас же не вскочить, не помчаться вниз по шаткой лестнице и, отыскав Катерину, не убежать вместе с ней.

Но если я сделаю это, и если Катерина так опасна, как говорят Основатели... Не в силах найти выход, я чувствовал себя загнанным животным. Кто же мои враги? Те, что сейчас меня окружают, или та, что осталась в Веритас? Ранка на шее, под воротником рубашки, начинала сочиться кровью, и через некоторое время кровь промочит ткань и станет очевидным свидетельством моего предательства.

Мэр Локвуд тревожно заерзал, и стул под ним заскрипел. Я подскочил.

— С одной стороны, хорошо, если трава действует. Но не забывайте, что мы находимся в центре военных действий. Многие члены правительства Конфедерации проезжают через Мистик-Фоллз по пути в Ричмонд, и если до них дойдет слух, что, вместо того чтобы оказывать помощь Конфедерации, мы сражаемся со сказочными персонажами при помощи цветочков... — Он покачал головой. — Мы не можем издать указ, обязывающий всех носить на себе вербену.

— Правда? В таком случае, как мы узнаем, что вы не вампир? — требовательно спросил отец.

— Отец! — вмешался я — должен же был хоть кто-нибудь внести в этот спор голос разума. — Мэр Локвуд прав. Мы должны мыслить здраво. Рационально.

— У вашего сына хорошая голова на плечах, — неохотно признал мэр Локвуд.

— Да уж получше вашей, — пробурчал отец.

— Хорошо... вербену мы обсудим позже. Онория, вы отвечаете за то, чтобы у нас был достаточный запас, а мы постараемся убедить всех, кто нам дорог, носить ее. Но сейчас я хотел бы обсудить другие способы выявления вампиров среди тех, кто нас окружает, —

взволнованно заговорил Джонатан Гилберт, раскладывая на столе большие листы бумаги. Мэр Локвуд надел очки и начал всматриваться в бумаги, на которых были сложные технические чертежи.

— Это похоже на компас, — наконец сказал мэр Локвуд.

— Так и есть! Но вместо того, чтобы указывать на север, он указывает на вампиров, — воскликнул Джонатан, едва сдерживая волнение. — Я работаю над опытным образцом. Требуется лишь еще немного его усовершенствовать. Он способен определить присутствие крови. Чужой крови, — со значением подчеркнул он.

— Можно взглянуть, Джонатан? — спросила Корделия.

Джонатан удивленно поднял глаза, но все же протянул ей бумаги. Она покачала головой.

— Нет, — сказала она, — на сам прибор.

— О, да, хорошо, но он пока очень неточный, — сказал Джонатан и, порывшись в заднем кармане, вынул блестящий металлический предмет, больше похожий на детскую безделушку, чем на серьезный инструмент.

Корделия медленно вертела компас в руках.

— Он работает?

— Ну... — пожал плечами Джонатан. — Он будет работать. Вот что я предлагаю, — сказал отец, откидываясь в кресле. — Мы вооружимся вербеной. Мы будем трудиться день и ночь, чтобы компас начал работать. И мы разработаем план. Мы объявим осадное положение и до конца месяца очистим наш город. — Отец удовлетворенно скрестил руки на груди. Один за другим все члены группы, включая Корделию, закивали головой.

Я ерзал на стуле, держась рукой за шею. На чердаке было жарко и влажно, и мухи роились под крышей, как будто была не середина сентября, а середина июля. Мне срочно нужен был стакан воды, иначе, казалось, комната вот-вот обрушится на меня. Еще мне нужно было увидеть Катерину, чтобы убедиться в том, что она не монстр. Я неглубоко и часто дышал, чувствуя, что если сию секунду не уйду, то скажу что-нибудь лишнее.

— Простите, мне нехорошо, — услышал я свой голос, прозвучавший неестественно даже для меня самого. Отец внимательно посмотрел на меня. Думаю, он мне поверил, да и Онория сочувственно закудаhtала.

Отец прочистил горло.

— Вижу, моему сыну плохо, — объявил он всем присутствующим и повел меня вниз по шаткой лестнице.

— Стефан. — Отец схватил меня за плечо в тот самый миг, когда я уже собрался открыть дверь, ведущую обратно в простой и понятный мир.

— Что? — закончив, наконец, путь по дому и открыв дверь, я тяжело вздохнул. Наслаждаясь прохладным ветерком, обдувавшим мое лицо, я даже не потрудился обернуться, когда отец начал говорить.

— Помни, никому ни слова об этом. Даже Дамону, пока он не образумится. Хотя я думаю, что он потерял голову из-за нашей Катерины, — пробормотал он скорее сам себе, отпуская мою руку. При упоминании имени Катерины я замер, а когда оглянулся, то увидел только спину отца, направлявшегося к дому.

18

В тот вечер Дамон пригласил меня поиграть в карты со своими сослуживцами, стоявшими лагерем в Листауне, в двадцати милях от нас.

— Я могу не во всем с ними соглашаться, но, черт возьми, они здорово играют и так же здорово пьют, — сказал Дамон.

Сам того не ожидая, я согласился, стремясь избежать разговора с отцом, да и вообще любых напоминаний о вампирах. Но настали сумерки, я так и не увидел ни Катерины, ни Эмили и пожалел, что принял предложение Дамона. В моей голове все еще царила

неразбериха, и мне нужна была ночь с Катериной, чтобы еще раз убедиться в том, что моя страсть вела меня в правильном направлении. Я любил ее, но практичная, разумная часть меня была очень обеспокоена неповиновением отцу.

— Готов? — спросил, подойдя к моей спальне, Дамон, облаченный в мундир Конфедерации.

Я кивнул. Отказываться было поздно.

— Отлично, — он широко улыбнулся и, громко топая, спустился по лестнице. Я с тоской посмотрел из окна на гостевой домик, а затем последовал за ним.

— Мы едем в лагерь, — прокричал Дамон, проходя мимо отцовского кабинета.

— Стойте! — Отец вышел из кабинета в гостиную, держа в руках несколько длинных веток, покрытых крошечными фиолетовыми соцветиями, похожими на сирень. Вербена. — Возьмите это, — скомандовал он, засовывая по веточке нам в нагрудные карманы.

— Отец, это лишнее, — только и сказал Дамон, перекладывая цветок в карман брюк.

— Я дал вам свободу, сынок, и дал вам крышу над головой. А сейчас я прошу только об одном: сделайте это, — сказал отец и так сильно ударил себя кулаком по ладони, что сморщился от боли. Слава богу, что Дамон, такой скорый на расправу при любом проявлении слабости, не заметил этого.

— Хорошо, отец. — Дамон легкомысленно пожал плечами и вытянул руки, будто защищаясь, — почту за честь носить этот цветок ради тебя.

Глаза отца бешено сверкнули, но он ничего не сказал. Вместо этого он просто отломал еще одну ветку и вставил ее Дамону в карман пальто.

— Спасибо, — пробормотал я, когда очередь дошла до меня. Я благодарил не столько за цветок, сколько за милосердие, проявленное отцом по отношению к брату.

— Будьте осторожны, мальчики, — напутствовал отец, прежде чем удалиться обратно в кабинет.

Когда мы вышли, Дамон закатил глаза.

— Не стоит обращаться с ним так сурово, — пробормотал я, дрожа от ночного холодка. По-летнему теплый день перешел в прохладный осенний вечер, но туман, который вчера был повсюду, отступил, и сквозь кристально чистый воздух можно было увидеть полную луну.

— Почему не стоит? Он же с нами суров, — фыркнул Дамон и направился к конюшне. Мезанотт и Джейк, уже оседланные, нетерпеливо перебирали копытами. — Альфред уже все приготовил. Думаю, нужно поскорее убраться отсюда.

Вскочив на спину Джейка, Дамон галопом поскакал по дорожке и повернул в сторону, противоположную городу. Не меньше получаса мы ехали в молчнии. Слышен был лишь звук конских копыт, сквозь густую листву виднелась луна, и казалось, что мы скачем во сне.

Наконец ночную тишь нарушили звуки флейты, смех и редкие выстрелы. Переехав через вершину холма, мы увидели поляну. Повсюду стояли палатки, в углу играл волынщик, везде сновали люди, а у входа обосновались собаки. Создавалось впечатление, что мы прибыли на какую-то загадочную тайную вечеринку.

— Джентльмены? — К нам подошли два солдата Конфедерации с ружьями наперевес. Мезанотт отступила на несколько шагов и взволнованно заржала.

— Рядовой Дамон Сальваторе, сэр! Нахожусь в увольнении из лагеря генерала Грума в Атланте.

Сразу опустив ружья, солдаты отдали нам честь.

— Прости, солдат. Мы готовимся к бою, а люди мрут как мухи, даже не выходя на поле битвы, — сказал высокий и шагнул вперед, чтобы приласкать Джейка.

— Да, и не от тифа, — добавил тот, что был пониже, усатый, с явным удовольствием делясь с нами информацией.

— Убийства? — коротко поинтересовался Дамон.

— Откуда вы знаете? — спросил первый боец, хватаясь за ружье. Не зная, что делать, я смотрел в землю. Я понимал, что Дамон втравил нас в опасную ситуацию, но не знал, что предпринять, чтобы ее урегулировать.

— Мы с братом прибыли из Мистик-Фоллз, — сказал Дамон, показывая большим пальцем назад, словно подтверждая направление, откуда мы приехали. — Это соседний город там, за лесом. У нас те же проблемы. Люди говорят, это какой-то зверь.

— Что это за зверь, который интересуется только горлом и не трогает остальное тело?! — со знанием дела сказал усатый, переводя взгляд своих крошечных глаз с меня на Дамона и обратно.

— Гм... — пробормотал Дамон. Он внезапно потерял интерес к разговору и сменил тему. — Сегодня где-нибудь играют в покер по-крупному?

— Прямо здесь, на поляне, под теми дубами, — маленький солдат показал, куда ехать.

— В таком случае, хорошего вечера. И спасибо за помощь, — преувеличенно вежливо попрощался Дамон. Мы ехали в указанном направлении, пока Дамон внезапно не остановился у небольшой группы солдат, собравшихся в кучку у костра за игрой в карты.

— Привет! Рядовой Дамон Сальваторе, нахожусь в увольнении из армии генерала Грума, — уверенно представился Дамон, спешившись и взглядевшись в освещенные огнем лица. — Это мой брат Стефан. Можно нам поучаствовать?

Один из солдат, рыжеволосый, посмотрел на более старшего товарища с рукой на перевязи, похожего на отца семейства. Тот пожал плечами и жестом пригласил нас присесть на одно из бревен, лежавших вокруг костра.

— Не вижу причин вам отказать.

Как только мы сели и сдали карты, я почувствовал прилив адреналина. Мои карты были хороши: два туза и король. Я немедленно поставил на кон несколько мятых купюр из своего кармана, заключив при этом пари с самим собой. Если я выиграю деньги, у нас с Катериной все будет прекрасно. Если же нет... я не хотел об этом думать.

— Ставки сделаны, — уверенно сказал я.

Когда партия закончилась, я не удивился, оказавшись победителем. Я сгреб деньги, аккуратно положил их в карман и с облегчением улыбнулся, почувствовав уверенность в своей любви к Катерине. Я представлял себе, что она скажет. Наверное, «Умный Стефан». «Разумный Стефан». А может, она просто засмеется, показав белые зубы, и позволит схватить себя и кружить, кружить по комнате...

Мы сыграли еще несколько партий, во время которых я потерял все выигранные деньги, но это уже не имело никакого значения. Проверкой была первая партия, и сейчас моя душа и мой разум были замечательно ясными.

— О чем ты думаешь? — спросил Дамон, доставая из кармана флягу. Он протянул ее мне, и я сделал долгий глоток. — Давай же, братишка, мне ты можешь рассказать, — настаивал Дамон. Отпив из фляжки, он снова передал ее мне.

Я сделал еще один, больший, глоток и задумался. Рассказать ему? Все сомнения, мучившие меня, развеялись. В конце концов, он мой брат.

— Ну, я думал о том, как сильно отличается Катерина от всех остальных девушек... — издавдала начал я. Я понимал, что ступаю на опасную территорию, но какая-то часть меня до смерти хотела узнать, известен ли Дамону секрет Катерины. Глотнув еще виски, я прокашлялся.

— И чем же она отличается? — спросил Дамон, и его губы искривились в улыбке.

— Ну, не так чтобы очень, — проговорил я, стремительно трезвея и отчаянно желая пойти на попятный. — Просто я заметил, что она...

— Что она вампир? — перебил меня Дамон.

У меня перехватило дыхание, и я часто заморгал. Потом нервно оглянулся. Люди пили, смеялись, подсчитывали барыши.

Но Дамон сидел прямо передо мной все с той же улыбкой на губах. Я не мог понять, как он мог улыбаться. А затем в моей голове возникла новая, еще более мрачная мысль. Как он узнал, что Катерина была тем, чем была? Она рассказала ему? Или это было так же, как со мной, в туманный час перед рассветом, в постели? Я вздрогнул.

— Итак, она вампир. И что с того? Она все та же Катерина. — Повернувшись, Дамон

посмотрел на меня, и в его темно-карих глазах светилась настойчивость. — А ты ничего не скажешь отцу, он уже и так полусумасшедший, — продолжал он, стуча сапогом по земле.

— Как ты узнал? — не удержался я от вопроса.

Внезапно раздался выстрел.

— Солдат убит! — кричал мальчишка в униформе, на вид лет четырнадцати, мечась от палатки к палатке. — Солдат убит! Нападение! Все в лес!

Лицо Дамона побледнело.

— Я должен помочь. А ты, братишка, отправляйся-ка домой.

— Ты уверен? — спросил я, вдруг почувствовав страх.

Дамон коротко кивнул.

Если отец спросит, скажи, что я слишком много выпил и теперь отсыпаюсь.

Прозвучал еще один выстрел, и Дамон побежал в лес, смешавшись с людским морем.

— Уезжай! — прокричал он.

Я помчался в противоположном направлении, к быстро опустевшему лагерю. Вскочив на Меза-нотт, я вонзил пятки в ее бока и, наклонившись к бархатному ушку, шепотом заклинал ее скакать быстрее.

Стремительнее, чем когда-либо, Мезанотт промчалась через лес; переметнувшись через мост Викери, она повернула к дому, будто сама знала, как туда попасть. Вдруг она стала на дыбы и заржала. Еле удержавшись в седле, я увидел темный женский силуэт с золотисто-коричневыми волосами, под руку с другой девушкой.

Я застыл на месте. Даже в лучшие времена ни одна женщина не отважилась бы выйти из дома после наступления темноты без сопровождения мужчины. А сейчас, когда атакуют вампиры...

Девушка обернулась, и я увидел отразившееся в воде бледное, заостренное лицо. Катерина. Она шла с юной Анной из аптеки. Я видел только темную лозу ее кудрей, свисавшую до плеч.

— Катерина! — не слезая с лошади, закричал я так громко, как только мог. Сейчас мне уже не хотелось ее обнять; я хотел удержать ее, не дать ей сделать то, что она собиралась. Представив, что я нахожу заостренную ветку и вонзаю ее в грудь Катерины, я почувствовал, как желчь поднимается к горлу.

Катерина не обернулась. Напротив, она еще крепче обняла Анну за плечи и повела ее в лес. Я сильнее ударил Мезанотт по бокам. Ветер хлестал мне в лицо, пока я отчаянно пытался их настичь.

19

Я гнал Мезанотт через лес, ударами заставляя ее перепрыгивать через бревна и пробираться сквозь кусты, лишь бы не потерять из вида Катерину с Анной. Как мог я доверять Катерине? Как я мог подумать, что люблю ее? Мне следовало убить ее, когда была такая возможность. Если я не догоню их, кровь Анны будет на моих руках. Как и кровь Розалин.

Доскавав до выкорчеванного дерева, Мезанотт стала на дыбы и сбросила меня на землю. Я ударился виском о камень и почувствовал острую боль. Дыхание перехватило, и каждый вдох давался с большим трудом, но я не сдавался, понимая, что Катерина убьет Анну, а затем прикончит меня, и это — только вопрос времени. Тут я почувствовал, как нежные, холодные как лед руки приподняли меня и помогли принять сидячее положение.

— Нет... — Я тяжело вдохнул. Сам процесс дыхания причинял мне боль. Брюки мои были разорваны, а на колене зияла глубокая рана. Из виска ручьем текла кровь.

Опустившись возле меня на колени, Катерина рукавом платья пыталась остановить кровотечение. Я заметил, как она облизала губы, а затем крепко их сжала.

— Ты ранен, — мягко сказала она, продолжая сдавливать рану. Я попытался отодвинуться, но Катерина за плечи удержала на месте.

— Не волнуйся. Помни, ты владеешь моим сердцем, — сказала она, глядя мне в глаза. Я молча кивнул. Если придет смерть, пусть она придет быстро. Обретя уверенность, Катерина обнажила зубы, и я закрыл глаза в ожидании агонии и экстаза от прикосновения ее зубов к моей шее.

— Но ничего подобного не произошло. Вместо этого я почувствовал у губ холод ее кожи.

— Пей, — велела она, и я увидел тоненькую ранку на ее нежной белой коже. Кровь струилась из пореза, как ручеек после ливня. Я попытался оттолкнуть ее или отвернуться, но Катерина крепко держала меня за затылок.

— Доверься мне. Это поможет.

Медленно, с опаской я позволил своим губам коснуться этой жидкости и тотчас почувствовал, как вниз по горлу потекло тепло. Я пил до тех пор, пока Катерина не убрала руку.

— Этого достаточно, — прошептала она, накрывая ранку ладонью. — Как ты сейчас себя чувствуешь? — Присев на корточки, она осмотрела меня.

Как я себя чувствовал? Я коснулся ноги, виска — раны зажили, кожа была гладкой.

— Ты сделала это, — сказал я, не веря своим глазам.

— Да, — Катерина встала и сложила руки. Я заметил, что и ее ранка полностью затянулась. — А теперь расскажи мне, почему мне пришлось тебя лечить. Что привело тебя в лес? Ты же знаешь, что это небезопасно, — сказала она голосом, полным упрека, смягченного, однако, неподдельной заботой.

— Ты... Анна... — прошептал я, чувствуя себя вялым и сонным, словно после долгого обеда с обильными возлияниями. Осмотревшись, я увидел, что Мезанотт привязана к дереву, а Анна сидит на бревнышке, подтянув ноги к груди, и смотрит на нас. Когда она переводила взгляд с Катерины на меня, потом снова на Катерину, и опять на меня, ее лицо выражало не страх, а смущение.

— Стефан, Анна — одна из моих друзей, — просто сказала Катерина.

— Стефан... он знает? — поинтересовалась Анна шепотом, как будто бы я не стоял там же, в трех футах от нее.

— Мы можем доверять ему, — сказала Катерина, убежденно кивая головой.

Я прокашлялся, и обе девушки посмотрели на меня.

— Что вы здесь делаете? — наконец, спросил я.

— Встречаемся, — ответила Катерина, жестом указывая на поляну.

— Стефан Сальваторе, — произнес кто-то хриплым голосом. Я обернулся и увидел третью фигуру, возникшую из темноты. Почти не задумываясь, я выхватил из нагрудного кармана цветок вербены, казавшийся таким же бесполезным, как зажатая в руке маргаритка.

— Стефан Сальваторе, — услышал я снова. Мой взгляд бешено метался между Анной и Катериной, но невозможно было разглядеть выражение их лиц. Ухнула сова, и только прижатый к губам кулак удержал меня от крика.

— Все в порядке, мама, он в курсе, — сказала Анна в темноту.

Мама. Это означает, что Перл тоже вампир. Но этого не могло быть! Она была аптекарем, и ей следовало исцелять больных, а не терзать зубами человеческое горло. Хотя... Катерина вылечила меня и не разорвала мне горло.

Перл вышла из-за деревьев, не сводя с меня глаз.

— Откуда мы знаем, что он не причинит нам вреда? — подозрительно спросила она голосом гораздо более зловещим, чем тот, которым она обычно говорила в аптеке.

— Не причинит, — со сладкой улыбкой сказала Катерина, нежно касаясь моей руки. Несмотря на то что сентябрьский воздух был довольно мягким, меня охватила дрожь. Я снова сжал цветок вербены, и слова Корделии эхом пронеслись в моей голове. Эта трава способна остановить демона. А что, если мы все ошибаемся, и вампиры вроде Катерины вовсе не демоны, а ангелы? Что тогда?

— Брось вербену, — сказала Катерина. Я заглянул в ее большие кошачьи глаза и

швырнул цветок на землю. Катерина носком ботинка присыпала его слоем листьев и сосновых иголок.

— Стефан, ты выглядишь так, будто увидел привидение, — рассмеялась Катерина, поворачиваясь в мою сторону. Но ее смех был беззлобным. Он звучал мелодично, музыкально и немного грустно. Я без сил рухнул на искривленный корень. Нога, которую я повредил, дрожала, и я крепко обхватил колено руками. Оно оказалось абсолютно гладким, будто и не было никакого падения. Расценив мои действия как приглашение, Катерина присела ко мне на колено и, глядя сверху вниз, взъерошила мне волосы.

— А сейчас, Катерина, он уже не выглядит как повстречавшийся с привидением. Он выглядит как повстречавшийся с вампирами, тремя сразу.

Я смотрел на Перл, как послушный школьник смотрит на свою учительницу. Она присела на ближайший плоский камень, Анна устроилась рядом с ней, вдруг став выглядеть намного младше своих шестнадцати лет. Хотя, конечно, если Анна вампир, ей никак не шестнадцать. У меня закружилась голова, и мне моментально стало дурно. Но Катерина ласково погладила меня по шее, и дышать вдруг стало легче.

— Итак, Стефан, — сказала Перл, подперев подбородок ладонями и неотрывно глядя на меня, — прежде всего, позвольте вам напомнить, что мы с Анной ваши соседи и друзья. Вы не забыли об этом?

Парализованный ее взглядом, я кивнул. Перл только слегка улыбнулась загадочной полуулыбкой.

— Хорошо, — выдохнула она.

Я снова молча кивнул, слишком потрясенный, чтобы думать, не говоря уже о том, чтобы что-нибудь сказать в ответ.

— Мы жили в Южной Каролине, и это было после войны, — начала Перл.

— После войны? — переспросил я, не сдержавшись.

Анна захихикала, а в глазах Перл мелькнуло отдаленное подобие улыбки.

— Войны за независимость⁶ — коротко пояснила Перл, и я растерянно кивнул. — Нам тогда повезло, никто из семьи не погиб, все были живы-здоровы, — у нее перехватило голос, и она немного помолчала, прежде чем продолжить: — У моего мужа была небольшая аптека. И тут город охватила эпидемия чахотки. Заболели все — мой муж, оба моих сына, новорожденная дочь. И в течение недели все они умерли.

Я опять кивнул, потому что не знал, что сказать. Нужно ли было приносить соболезнования по поводу событий, которые случились так давно?

— А потом начала кашлять и Анна. Я знала, что не смогу потерять и ее. Мое сердце бы разбилось, и более того, — Перл тряхнула головой, захваченная воспоминаниями, — я знала, что моя душа и мой дух разбились бы тоже. И тогда я встретила Катерину.

Я посмотрел на Катерину, она выглядела такой юной, такой безвинной. Боясь встретиться с ней взглядом, я отвел глаза.

— Катерина была другой, — продолжала Перл. — Загадочным образом она появилась в городе одна, без родных, но сразу стала частью местной общины.

Я кивнул, пытаюсь понять, кто в таком случае погиб в Атланте при пожаре, в результате которого Катерина попала в Мистик-Фоллз, но не стал расспрашивать, ожидая продолжение истории.

Перл прочистила горло.

— Однако было в ней что-то не обычное. Все местные женщины говорили об этом, и я в том числе. Разумеется, она была очень красива, но было что-то еще. Что-то неземное. Некоторые даже называли ее ангелом. Кроме того она никогда не болела, ни во время зимних морозов, ни когда в городе начался туберкулез. Еще она не прикасалась к некоторым различным травам. Люди всякое болтали.

⁶ Война за независимость США (1775–1783).

Перл взяла дочь за руку и продолжила:

— Анна должна была умереть. Так говорили врачи. Я отчаянно пыталась найти способ спасти ее, чувствуя себя беспомощной и раздавленной горем. Я, женщина, окруженная лекарствами, была неспособна спасти жизнь собственной дочери! — Перл с отвращением покачала головой.

— И что произошло потом? — спросил я.

Однажды я спросила Катерину, не знает ли она, что можно сделать. И по тому, как изменился ее взгляд, сразу поняла, что она знает. Но прежде, чем ответить, она несколько минут молчала. А потом...

— Как-то ночью Перл принесла Анну в мою комнату, — вмешалась Катерина.

— Она спасла меня, — нежным голосом проговорила Анна, — и маму тоже.

— Вот как мы оказались здесь. Мы не могли навсегда остаться в Чарльстоне, ведь мы не старели, — объяснила Перл. — Конечно, вскоре нам снова пришлось переехать. Так и повелось. Мы как цыгане, которые кочуют между Чарльстоном и Атлантой, останавливаясь во всех городах, что между ними. А сейчас мы столкнулись с еще одной войной. Став свидетелями многих исторических событий, мы поняли, что некоторые вещи никогда не меняются, — сказала Перл с печальной улыбкой. — Но бывают и худшие способы провести время.

— Мне нравится здесь, — призналась Анна. — Поэтому я так боюсь, что нас вышлют, — она произнесла это шепотом, и что-то в ее интонации пробудило во мне разрывающую сердце печаль.

Я вспомнил о собрании, на котором был днем. Если отец исполнит свои намерения, их не вышлют, их убьют.

— А нападения? — спросил я наконец. Этот вопрос терзал меня с момента признания Катерины. Потому что если она не делала этого, то кто тогда?

Перл покачала головой.

— Помните, мы ваши соседи и друзья. Это сделали не мы. Мы бы никогда не стали вести себя подобным образом.

— Никогда, — эхом повторила Анна и в страхе отшатнулась, как будто ее уже обвинили.

— Но кто-то из нашего племени сделал это, — мрачно сказала Перл.

Взгляд Катерины стал жестким.

Но причина всех бед не в нас и не в других вампирах. Конечно, все винят вампиров, и, кажется, никто не вспоминает о том, что продолжается война с ее бесчисленными жертвами. Всех беспокоят только вампиры.

Слова Дамона, произнесенные устами Катерины, повлияли на меня, словно ушат холодной воды на голову; я вспомнил о том, что я никогда не был единственным человеком в ее мире.

— Кто эти другие вампиры? — спросил я хрипло.

— Это наша община, и мы сами позаботимся об этом, — твердо сказала Перл. Поднявшись, она пошла через поляну в мою сторону, и под ее ногами похрустывала сухая листва. Встав надо мной, она сказала:

— Стефан, я рассказала вам предысторию, а теперь факты: чтобы жить, нам нужна кровь. Но необязательно человеческая, — объяснила Перл, как объясняла покупателям в своей аптеке действие той или иной травы. — Мы можем получать ее и от животных. Но нам не чуждо ничто человеческое, поэтому некоторые из нас могут потерять контроль над собой и напасть на человека. Это не слишком отличается от поступков некоторых солдат, дезертировавших из армии, не правда ли?

Передо мной внезапно возникли образы солдат, с которыми мы недавно играли в покер. Были ли среди них вампиры?

— И помните, Стефан, мы знаем только некоторых вампиров. Их может быть и больше. Мы не такая редкость, как может показаться. А сейчас из-за этих вампиров, которых мы

даже не знаем, на всех нас идет охота, — сказала Перл, и глаза ее наполнились слезами. — Именно поэтому мы и решили сегодня встретиться здесь. Нам нужно обсудить свои действия и, по возможности, выработать план. Как раз сегодня Онория Фелл принесла в аптеку варево на основе вербены. Ума не приложу, как эта женщина узнала об этой траве! И я вдруг почувствовала себя загнанным зверем. Люди смотрят на наши шеи и обращают внимание на ожерелья, делая выводы из того, что мы все трое никогда не снимаем их... — Голос Перл звучал все тише, а руки поднимались к небу, словно в отчаянной молитве.

Мне хватило беглого взгляда на каждую из женщин, чтобы удостовериться, что они действительно носили одинаковые ожерелья, украшенные камнями.

— Ожерелья? — переспросил я, хватаясь за горло, как будто и у меня там был таинственный голубой самоцвет.

— Lapis lazuli⁷ Благодаря ему мы можем выходить в светлое время суток. Иначе, конечно, не смогли бы. Эти камни защищают нас. Они позволяют вести нормальный образ жизни и, возможно, в большей степени оставаться людьми, — задумчиво говорила Перл. — Вам не понять, Стефан, что это такое, — в сухом голосе Перл послышались рыдания. — Такое счастье знать, что у нас есть друзья, которым мы можем доверять!

Достав из нагрудного кармана носовой платок, я протянул его ей, не зная, что я еще мог сделать. Она промокнула глаза и покачала головой.

— Простите. Мне жаль, что вам пришлось узнать все это. Недавно я поняла, что война все меняет, но никогда не думала... не хотела бы переезжать так скоро.

— Я смогу защитить вас, — будто со стороны я услышал свой непривычно звучащий голос.

— Но... как? — спросила Перл. Где-то хрустнула ветка, и мы все четверо вскочили. Перл оглянулась.

— Как? — повторила она свой вопрос, когда все стихло.

— На вас планируется нападение; оно начнется через несколько недель, и мой отец будет им руководить, — произнося эти слова, я ощутил укол совести за предательство.

— Джузеппе Сальваторе. — Перл недоверчиво покачала головой. — Но откуда он узнал?

— Отец, Джонатан Гилберт, мэр Локвуд и шериф Форбс. Кажется, они узнали о вампирах из книг. У отца в кабинете есть старая книга; и они все вместе решили организовать облаву.

— Значит, они так и сделают. Джузеппе Сальваторе не из тех людей, которые легко отказываются от своей точки зрения, — констатировала Перл.

— Нет, мэм, — было странно обращаться так к вампиру, но кто я такой, чтобы судить о том, что нормально, а что нет? Опять же, если вспомнить моего брата, его слова, его будничные смех, когда мы заговорили об истинной сущности Катерины... Может быть, Катерина не была злом и исключением из правил? Может, неправильным было лишь то, что отец заикнулся на искоренении вампиров?

— Стефан, я клянусь, что ни словом не солгала вам, — сказала Перл. — И уверяю вас, мы сделаем все от нас зависящее, чтобы, пока мы здесь, ни один человек и ни одно животное не были убиты. А вы просто делайте, что можете. Ради нас. Мы с Анной пережили слишком многое, чтобы вот так запросто быть убитыми своими соседями.

— Этого не будет, — сказал я с большей убежденностью, чем когда-либо в жизни. — Я еще не знаю, что именно сделаю, но я смогу защитить вас, обещаю.

Я клялся всем троим, но смотрел только на Катерину. Она кивнула, и в ее глазах зажглись крошечные искорки.

— Хорошо, — сказала Перл, протягивая руку, чтобы помочь полусонной Анне подняться. — Мы слишком долго пробыли в лесу. Чем меньше нас будут видеть вместе, тем

⁷ Лазурит, полудрагоценный камень интенсивно-синего цвета.

лучше. И, Стефан, мы доверяем вам, — добавила она, и в ее голосе, всегда таком богатым и выразительным, зазвучала предостерегающая нотка.

— Разумеется, — сказал я, беря за руку Катерину. Анна и Перл ушли. Я не волновался за них: работа в аптеке давала им право свободно выходить по ночам; если кто-то увидит их, они могут сказать, что собирали травы или грибы.

Но я беспокоился о Катерине. Ее руки были такими маленькими, а глаза смотрели так испуганно... Она зависела от меня, и эта мысль наполняла меня одновременно гордостью и ужасом.

— О, Стефан, — сказала она, обняв меня за шею, — я уверена, что, пока мы вместе, все будет хорошо, — она схватила меня за руку и потянула за собой на землю. И тогда, лежа с Катериной на сырой земле среди сосновых иголок и вдыхая запах ее кожи, я, наконец, перестал бояться.

20

Несколько дней после этого я не видел Дамона. Отец говорил, что брат в лагере, и было видно, что его это радует. Отец надеялся, что, проведя много времени среди солдат, Дамон вернется в армию. Правда, я подозревал, что тот занят исключительно игрой в карты и разговорами о женщинах, и, в свою очередь, был рад этому. Конечно, я скучал по брату, но, будь он где-нибудь поблизости, я никогда не смог бы столько времени безраздельно посвящать Катерине. По правде говоря, хоть говорить так было предательством по отношению к брату, мы с отцом вполне приспособились к его отсутствию. Мы стали вместе трапезничать, а после ужина проводили время за партией в криббидж. Отец делился со мной мыслями о прошедшем дне, о нашем управляющем, о своих планах на покупку новых лошадей на ферме в Кентукки. Я в сотый раз понимал, как сильно он хотел, чтобы я взял на себя руководство помещьем, и впервые в жизни чувствовал, что эта перспектива волнует меня самого.

И причиной тому была Катерина. Я проводил все ночи в ее спальне и покидал ее только перед началом полевых работ. С той ночи в лесу она ни разу не обнажила клыков, как будто недавняя тайная встреча изменила все. Она нуждалась во мне, чтобы сохранить свой секрет, я же нуждался в ней, чтобы сохранить себя самого. Наши ночи в маленькой темной спальне были полны страстного обожания, и я уже почти чувствовал себя новобрачным.

Разумеется, я пытался представить себе, как это будет — я, взрослеющий, а потом и стареющий с каждым годом, и Катерина, остающаяся молодой и прекрасной, но это было вопросом будущего. Это станет важным только тогда, когда забудется вся эта история с вампирами, а мы обручимся и, не таясь, начнем жить вместе.

— Я знаю, что ты проводишь время с нашей юной Катериной, — однажды заметил отец, когда Альфред, убрав со стола, принес нам потрепанную отцовскую колоду игральных карт.

— Да, — ответил я, наблюдая, как Альфред наливает в стакан отца шерри. В мерцающем свете свечей эта обычно розовая жидкость была похожа на кровь. Альфред поднес графин и к моему стакану, но я отрицательно покачал головой.

— И Дамон тоже, — поделился наблюдением отец, взяв колоду толстыми пальцами и медленно перекладывая ее из руки в руку.

Я вздохнул, раздраженный тем, что в любом разговоре о Катерине всегда присутствует Дамон.

— Ей нужен друг. Друзья, — сказал я.

— Разумеется. И я рад, что вы не оставляете ее одну, — ответил отец. Он положил карты на стол рубашкой вверх и взглянул на меня. — Ты знаешь, мне практически ничего не известно о ее родственниках в Атланте. Я услышал о ней от одного из своих партнеров. Так печально — девушка, осиротевшая во время боев с Шерманом... Но что-то я не встречал других Пирсов, которые бы сказали, что знают ее.

Я нервно заерзал на стуле:

— Пирс — достаточно распространенная фамилия. Возможно, она просто не хочет поддерживать связь с некоторыми из своих родственников, — сделав глубокий вдох, я продолжил: — Я уверен, что есть другие Сальваторе, о которых мы и не слышали.

— Весомый аргумент, — сказал отец, делая глоток шерри. — Сальваторе — фамилия не распространенная, но хорошая. Именно поэтому я надеюсь, что вы с Дамоном знаете, на что идете.

Я вопросительно взглянул на него.

— Соперничество из-за девушки, — просто пояснил отец. — Я не хотел бы, чтобы ваши отношения разрушились. Знаю, я не часто общаюсь с твоим братом один на один, но он — твоя плоть и кровь.

Услышав знакомую фразу, мгновенно наполнившуюся новым смыслом, я съежился. Но отец, даже если и обратил на это внимание, ничего не сказал. Вместо этого он взял в руки колоду и выжидающе посмотрел на меня.

— Мы играем? — спросил он, начиная сдавать карты.

В комнату вошел Альфред.

— Сэр, у вас посетитель.

— Посетитель? — с любопытством переспросил отец, поднимаясь из-за стола. Когда мы не устраивали приемов, у нас в поместье редко бывали гости. Отец всегда предпочитал встречаться со знакомыми в городе или в таверне.

— Прошу простить меня за вторжение. — Катерина вошла в комнату, неся в тонких руках букет цветов всевозможных форм и размеров. Тут были розы, гортензии, ландыши. — Мы с Эмили собирали цветы у пруда, и я подумала, что вы тоже не откажетесь от яркого букета, — Катерина слегка улыбнулась, а отец застыл с протянутой для приветствия рукой. С тех пор как Катерина приехала, он едва ли перекинулся с ней и парой слов. Я задержал дыхание, взволнованный, как будто знакомил отца со своей невестой.

— Благодарю вас, мисс Пирс, — сказал отец. — Наш дом — ваш дом. Вам нет необходимости ожидать приглашения, мы с радостью примем вас в любое время, когда вы пожелаете пообщаться.

— Спасибо. Я бы не хотела быть навязчивой, — ответила она, хлопая ресницами так, что ни один мужчина не смог бы устоять.

— Присаживайтесь, прошу вас, — отец усадил Катерину во главе стола. — Мы с сыном как раз собирались сыграть в карты, но, разумеется, это можно отложить.

Катерина посмотрела на карты.

— Криббидж! Мы с отцом всегда в него играли. Можно мне с вами? — Улыбнувшись, она села на мое место и взяла мои карты. Потом, нахмурившись, стала их переключивать.

Как могла она, зная, что речь идет о ее жизни и смерти, оставаться такой беззаботной и пленительной?

— Разумеется, мисс Пирс. Если вы решите сыграть, это будет честью для меня, и я уверен, что мой сын будет счастлив помочь вам.

— О, я знаю, как играть. — И она положила одну из карт на середину стола.

— Отлично, — отец накрыл ее карту своей. — Знаете, я очень беспокоюсь за вас и вашу служанку, вы ведь совсем одни в доме для гостей. Если вы пожелаете переехать в главную усадьбу, только дайте мне знать, и я тотчас же отдам соответствующие распоряжения. Поначалу я думал, что вы предпочтете некоторое уединение, но нынешнее положение вещей таково, что существует опасность... — голос отца затих.

Катерина покачала головой, и по ее лицу пробежала тень.

— Я не боюсь. Я долго жила в Атланте, — сказала она, выкладывая на стол туза. — Кроме того, домик для прислуги стоит очень близко, и, если я закричу, меня обязательно услышат.

Пока отец ходил семеркой пик, Катерина коснулась моего колена и легонько пробежалась по нему пальцами. Такой близкий контакт в присутствии отца заставил меня

покраснеть, но я не хотел, чтобы она останавливалась.

Катерина положила на кучу карт бубновую пятерку.

— Тринадцать, — объявила она. — Я думаю, у меня полоса удачи, мистер Сальваторе. — Она передвинула свой колышек на доске для криббиджа на одну позицию вперед.

Отец не смог сдержать восхищенной улыбки.

— Ай да девушка! Стефан, и тот не смог понять всех правил.

Хлопнула дверь, и в комнату вошел Дамон с рюкзаком за плечами. Он швырнул свою ношу на пол, и Альфред поднял ее, чего Дамон, казалось, даже не заметил.

— Я, кажется, пропускаю все самое интересное, — сказал Дамон обвиняющим тоном, переводя взгляд с меня на отца и обратно.

— Да, — просто ответил отец. Затем он, наконец, поднял глаза на Дамона и улыбнулся ему. — Юная Катерина только что доказала, что она не только прекрасна, но и обладает еще и недюжинным умом! Пьянящая, умопомрачительная комбинация, — сказал отец, заметив, что Катерина, пока он отвлекся, успела заработать еще одно очко.

— Благодарю вас, — проговорила Катерина, ловко сбрасывая еще одну карту и беря следующую. — Вы заставляете меня краснеть. Однако я уверена, что ваши комплименты являются частью изощренного плана: отвлечь меня от игры, чтобы выиграть самому, — сказала Катерина, никак не реагируя на появление Дамона. Я подошел к брату. Мы вместе стояли в дверях, наблюдая за отцом и Катериной.

Дамон скрестил руки на груди.

— Что она здесь делает?

— Играет в карты, — пожал плечами я.

— Ты действительно считаешь, что это разумно? — Дамон понизил голос. — Учитывая его взгляды на ее... происхождение.

— Разве ты не видишь? Это же блестяще. Она его очаровывает. Я не слышал, чтобы он так смеялся, с тех пор как умерла мама. — Я вдруг почувствовал себя без ума от счастья. Действительность превзошла мои самые смелые планы. Вместо того чтобы выдумывать изощренные способы убеждения, нужно было всего лишь показать отцу, что Катерина была человеческим существом. Что у нее остались чувства, и она не причинит вреда, ну разве что не даст ему победить в криббидже.

— И что из этого? — холодно спросил Дамон. — Он же сумасшедший, вышедший на тропу войны. Несколько улыбок ничего не изменят.

Отец выложил очередную карту, и Катерина захихикала.

Я понизил голос:

— Я думаю, что, если мы расскажем ему о ней, он изменит свое мнение. Он поймет, что она не несет в себе никакой угрозы.

— Ты с ума сошел? — зашипел Дамон, хватая меня за руку. От него пахло виски. — Если отец узнает правду о Катерине, он тут же ее убьет! Откуда ты знаешь, что он уже не планирует сделать что-нибудь в этом роде?

В этот момент Катерина звонко рассмеялась. Отец, запрокинув голову, хрипло захохотал вместе с ней. Мы с Дамоном замолчали, а она, выглянув из-за карт, посмотрела на нас и подмигнула. А так как мы с Дамоном стояли рядом, то определить, кому именно она подмигивает, было невозможно.

21

На следующее утро Дамон ушел, коротко объяснив, что помогает отряду добровольцев в лагере. Сам не знаю, поверил ли я в его объяснение, но в отсутствие брата в доме стало намного спокойнее. Катерина приходила каждый вечер, чтобы сыграть с отцом в криббидж, и я время от времени присоединялся к ним, и мы играли двое против одного.

Во время игры Катерина имела обыкновение рассказывать отцу о своем прошлом: о

торговом бизнесе своего отца, о матери-итальянке, о скотч-терьере, жившем у них, когда она была ребенком. Мне оставалось только догадываться, что из всего этого было правдой; возможно, Катерина лишь выступала в роли современной Шахерезады, нанизывавшей истории одна на другую, чтобы сохранить себе жизнь.

Перед сном Катерина всегда возвращалась к себе, делая из этого настоящее представление, а я начинал мучительно ждать того момента, когда отец ляжет спать, чтобы последовать за ней. Она никогда не обсуждала со мной своего прошлого и своих планов. Она не рассказывала, чем питается, а я не спрашивал, не хотел этого знать. Мне было намного проще представлять себе, что она обычная девушка.

Однажды, когда отец и Роберт уехали в город, чтобы обсудить дела с Картрайтами, мы с Катериной решили провести вместе весь день вместо обычных нескольких тайных часов под покровом ночи. Приближался октябрь, но из-за теплой погоды и ежедневных предвечерних гроз никто и не вспоминал об этом. Мне не довелось искупаться этим летом, и сейчас не я мог дожидаться, когда же, наконец, почувствую на своей коже воду пруда и при дневном свете увижу Катерину в своих объятиях. В мгновение ока сбросив с себя одежду, я нырнул.

— Не брызгайся! — кричала Катерина. Она осторожно подходила к пруду, приподняв до щиколоток прямую голубую юбку. Обувь она сняла на берегу под ивой, и я не мог отвести глаз от ее нежных белых ступней.

— Присоединяйся, вода чудесная! — крикнул я, хотя мои зубы уже стучали от холода.

Катерина продолжала на цыпочках подбираться к пруду, пока не остановилась на полоске голой земли между травой и водой.

— Здесь грязно. — Она сморщила нос, ладонью заслоняясь от солнца.

— Именно поэтому надо зайти в воду. Чтобы смыть грязь, — сказал я, щелчками пальцев брызгая воду на Катерину. Несколько капель попали на корсет ее платья, и я почувствовал прилив острого желания; пришлось нырнуть под воду, чтобы остудить голову.

— Ты же не боишься забрызгаться, — сказал я, выплывая на поверхность. — Или, вернее, ты не боишься брызгающегося Стефана, — произнося эти слова, я чувствовал себя несколько глупо, потому что подобные комментарии в моем исполнении никогда не казались остроумными. Однако она поощрила меня смехом. Осторожно, по камням на дне пруда, я подобрался к ней поближе и снова брызнул.

— Нет! — взвизгнула Катерина. Я вышел из пруда, схватил ее за талию и понес к воде, но она вырывалась.

— Стефан! Остановись! — кричала она, обхватив мою шею. — Дай мне хотя бы снять платье! Услышав это, я немедленно отпустил ее. Она подняла руки над головой, позволив мне без усилий стянуть с нее платье, и осталась в маленькой белой комбинации.

Я задохнулся от изумления. Конечно, я уже видел ее тело, но всегда в темноте или полумраке. Сейчас же я смотрел, как солнце освещает ее плечи и вогнутый живот, и в тысячный раз я понимал, что влюблен.

Катерина нырнула под воду и появилась возле меня.

— Это моя месть! — наклонившись, она сильно обрызгала меня ледяной водой.

— Если бы ты не была так прекрасна, я мог бы дать сдачи, — сказал я, прижимая ее к себе и целуя.

— Соседи станут сплетничать, — прошептала Катерина мне в губы.

— Пускай, — прошептал я в ответ. — Хочу, чтобы все знали, как сильно я люблю тебя.

Катерина крепко поцеловала меня, с такой страстью, какой я не чувствовал в ней прежде. Я хотел ее так сильно, что задержал дыхание и отступил. Я любил ее до боли, так, что было трудно дышать, трудно говорить, трудно думать. Как будто мое желание было сильнее меня, и я одновременно и боялся, и был счастлив следовать за ним, куда бы оно меня ни вело. Прерывисто вздохнув, я взглянул вверх. Небо, еще несколько минут назад лазурно-голубое, застилали неизвестно откуда возникшие большие грозовые тучи.

— Нам пора уходить, — сказал я, делая шаг к берегу.

Как только мы ступили на сухую землю, вдали послышался раскат грома.

— Гроза приближается быстро, — заметила Катерина, выжимая волосы. Она совсем не испытывала смущения, хотя ее насквозь промокшее платье не оставляло места для фантазий. Напротив, полуодетой она выглядела даже более интимно и эротично, чем полностью обнаженной. — Можно подумать, что это знак свыше, и наши отношения не имеют права на существование, — я видел, что она дразнит меня, но все же чувствовал, как ползет по спине холодок ужаса.

— Нет, — громко сказал я, убеждая прежде всего самого себя.

— Я просто дразню тебя, — Катерина, поцеловав меня в щеку, наклонилась за платьем. Когда она скрылась за ивой, я натянул брюки и рубашку.

Катерина вышла из-за дерева через минуту, в льняном платье, облежавшем фигуру, с влажными завитками волос, прилипшими к спине, с посиневшей кожей.

Я обнял ее и начал яростно растирать ей плечи, чтобы согреть ее, хотя и знал, что это невозможно.

— Я должна кое-что тебе сказать, — сказала она, запрокинув лицо к небу.

— Что? — спросил я.

— Для меня будет честью прийти на бал Основателей с тобой, — сказала она и, прежде чем я успел поцеловать ее еще раз, выскользнула из моих объятий и побежала обратно к гостевому домику.

22

Холодная погода установилась в Мистик-Фоллз за неделю до бала Основателей и никак не желала уходить. После обеда дамы прогуливались по городу в шерстяных пальто и шالях, а вечера были облачными и беззвездными. Рабочие на полях жаловались на ранние заморозки. Но несмотря на это люди прибывали на бал даже из далекой Атланты. Гостиница была переполнена, и повсюду в городе царил праздничный дух предвкушения. Закончив свои таинственные дела в отряде, Дамон вернулся в Веритас. Я не сказал ему, что собираюсь прийти на бал с Катериной, да он и не спрашивал. Почувствовав прилив сил, я взял на себя много работы по управлению поместьем. Мне хотелось доказать отцу, что у меня серьезные намерения относительно Веритас, что я повзрослел и осознал свое место в жизни. Отец полностью передал мне часть дел, позволив вести бухгалтерскую книгу и даже отправив с Робертом в Ричмонд на аукцион скота. Я стану управлять поместьем, а Катерина будет вести дом, принимать гостей и время от времени играть перед сном с отцом в карты.

Незадолго до бала ко мне постучался Альфред.

— Сэр, вам нужна моя помощь? — спросил он, когда я открыл дверь.

Я посмотрел на свое отражение в зеркале. На мне был черный фрак и галстук, волосы были уложены назад. Я выглядел взрослым и уверенным.

Альфред проследил за моим взглядом.

— Прекрасно выглядите, сэр, — признал он.

— Благодарю. Я готов, — сказал я, а мое сердце взволнованно забилось. Вчера вечером Катерина повела себя безжалостно, не дав мне даже намек на то, что она собирается надеть. Я не мог дожидаться встречи с ней. Я знал, что она будет самой прекрасной девушкой на балу, и, что еще более важно, моей девушкой. Спустившись по лестнице, я с облегчением заметил, что Дамона нигде не видно. Я гадал, придет ли он на бал с кем-то из армейских товарищей или, возможно, с какой-нибудь местной девушкой. В последнее время он очень отдалился от меня. По утрам его невозможно было разыскать, а вечера он проводил в таверне.

Лошади уже били копытами на дороге перед домом. Сев в ожидавший меня экипаж, я отправился к гостевому домику.

Я выглянул из окна и увидел у дверей Катерину и Эмили. На Эмили было прямое черное платье из шелка, а Катерина...

Мне пришлось вжаться спиной в сиденье, иначе я выпрыгнул бы на полном ходу. Ее изумрудно-зеленое платье было туго стянуто на талии и свободно струилось по бедрам, а облегающий корсаж с низким вырезом, позволял любоваться сливочно-белой кожей. Волосы были собраны на макушке, открывая нежную лебединую шею.

Через секунду после того, как Альфред натянул поводья, я уже открывал дверь экипажа. Я выскочил, поймал взгляд Катерины и широко улыбнулся.

— Стефан! — выдохнула она и, приподняв юбки, заскользила вниз по ступеням.

— Катерина! — Я нежно поцеловал ее и предложил ей руку. Развернувшись, мы вместе прошли к экипажу, у которого, распахнув дверцу, нас ожидал Альфред. Дорога на Мистик-Фоллз была забита незнакомыми каретами всех видов и размеров, направлявшимися на другой конец города к особняку Локвуда. Я весь дрожал от нетерпения. Впервые в жизни я сопровождал на бал девушку. Раньше я, как правило, проводил это время за игрой в покер со своими друзьями, и все неизменно заканчивалось неприятностями. В прошлом году Мэтью Харнетт перепил виски и случайно отвязал коней от отцовского экипажа, а два года назад Натан Лэйман подрался с Грантом Вандербилтом, и оба ушли с разбитыми носами.

Мы медленно подъезжали к особняку и, наконец, достигли его центрального входа. Альфред остановил лошадей и выпустил нас. Я обхватил пальцы Катерины своими, и мы вместе прошли через открытые двери особняка в гостиную.

Из этой комнаты с высоким потолком вынесли всю мебель, и свечи отбрасывали на стены теплый, таинственный свет. Оркестр, расположившийся в углу зала, исполнял ирландский рил, и, хотя вечер только начинался, некоторые пары уже танцевали. Я сжал руку Катерины, она улыбнулась в ответ.

— Стефан! — Обернувшись, я увидел мистера и миссис Картрайт и тут же выдернул руку.

Глаза миссис Картрайт были красными, и она явно похудела с тех пор, как я видел ее в последний раз. Между тем мистер Картрайт, казалось, постарел на десять лет. Его волосы стали снежно-белыми, передвигался он с помощью трости. Они носили вербену — у мистера Картрайта пучок торчал из нагрудного кармана, а у миссис Картрайт цветы были вотканы прямо в шляпку — но в остальном оба были полностью одеты в черное в знак траура.

— Мистер и миссис Картрайт, — поприветствоал я их, и мой желудок сжался от чувства вины. По правде говоря, я почти забыл, что мы с Розалин были помолвлены. — Как приятно видеть вас.

— Вы могли бы видеть нас и раньше, если бы пришли с визитом, — остановив свой взгляд на Катерине, проговорил мистер Картрайт с презрением в голосе. — Но, как я понимаю, вы, должно быть, были слишком поглощены... печалью, как и мы.

— Я не знал, что вы уже принимаете посетителей. Я обязательно зайду, — заикаясь, сказал я, оттягивая воротничок, который внезапно стал мне тесен.

— Не стоит, — ледяным тоном ответила миссис Картрайт и полезла в рукав платья за носовым платком.

Неожиданно Катерина схватила ее за руку. Миссис Картрайт посмотрела на нее с возмущением. Меня охватило мрачное предчувствие, и я едва поборол желание встать между ними и заслонить Катерину от гнева родителей Розалин.

Но Катерина улыбнулась, и, к моему изумлению, Картрайты улыбнулись ей в ответ.

— Мистер и миссис Картрайт, я искренне сожалею о вашей утрате, — с теплотой в голосе сказала Катерина, не сводя с них пристального взгляда. — Я сама потеряла родителей в Атланте во время осады и знаю, как это тяжело. Мне не довелось близко узнать Розалин, но я уверена, что она никогда не будет забыта.

Миссис Картрайт громко высморкалась, и ее глаза наполнились слезами.

— Спасибо, милая, — с чувством сказала она.

Мистер Картрайт погладил жену по спине.

— Да, спасибо. — Он повернулся ко мне, и презрение, которое было в его взгляде всего несколько минут назад, сменилось жалостью. — И, пожалуйста, позаботьтесь о Стефане. Я

знаю, как он страдает.

Катерина улыбнулась, и супруги присоединился к остальным гостям.

Потрясенный, я не мог вымолвить ни слова.

— Ты их заколдовала? — спросил я с горечью.

— Нет! — Катерина приложила руку к сердцу. — Это просто хорошая, старомодная доброта. А сейчас давай танцевать, — сказала она, увлекая меня в большой зал. К счастью, там толпилось много народу, а освещение было тусклым, поэтому узнать кого-либо не представлялось возможным. С потолка свисали гирлянды цветов, мраморный пол был натерт до блеска. Горячий и спертый воздух наполняли запахи сотни различных духов.

Обняв Катерину за плечи, я попытался раствориться в танце, однако все еще чувствовал себя скованно. Разговор с Картрайтами расшевелил мою совесть, заставив почувствовать себя предателем по отношению к памяти Розалин и к Дамону. Не предал ли я его, не сказав о том, что иду на бал с Катериной? Прав ли я был, когда радовался его длительному отсутствию?

Оркестр сделал перерыв, и, пока женщины поправляли туалеты перед тем, как снова взять за руки своих партнеров, я отправился к барному столику в углу.

— Стефан, с тобой все в порядке? — спросила Катерина, бесшумно скользя рядом со мной, и тревога исказила ее прелестный лоб.

Я кивнул, продолжая свой путь, и солгал:

— Просто хочется пить.

— Мне тоже. — Катерина ждала, пока я налью темно-красный пунш в хрустальный стакан. Я подал ей стакан и наблюдал, как она жадно пьет, представляя себе, как она выглядит, когда пьет кровь. Когда Катерина поставила стакан на стол, я увидел вокруг ее рта еле заметные следы красной жидкости, и не смог совладать с собой. Указательным пальцем я вытер каплю с изогнутых губ, а затем сунул палец себе в рот. Вкус был сладкий и острый.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — еще раз спросила Катерина.

— Меня беспокоит Дамон, — признался я, наливая себе пунш.

— Но почему? — спросила Катерина с неподдельным смятением на лице.

— Из-за тебя, — коротко ответил я.

Забрав у меня стакан, Катерина увела меня от барного столика.

— Он мне как брат, — сказала она, приложив ледяные пальцы к моему лбу. — Я для него как младшая сестра. И тебе это известно.

— Но все время, пока я болел... и ты с ним — вы всегда были вместе... Это было похоже на...

— Это было похоже на то, что мне нужен друг, — твердо сказала Катерина. — Это был флирт. Дамон не хочет быть связанным, так же как и я не хочу быть связанной с ним. Ты — мой возлюбленный, а Дамон мне брат.

Повсюду вокруг нас в полутьме кружились пары, склоняясь в такт музыке и весело смеясь над приватными шутками; казалось, ничто в целом мире их не волнует. Они, конечно, тоже были обеспокоены загадочными нападениями, войной и горем, но все равно продолжали танцевать и смеяться. Почему же я не мог? Почему я всегда должен был сомневаться? Я взглянул на Катерину. Непослушная темная прядь выбилась из ее высокой прически, и я заправил ее ей за ухо. Глядя в эти глубокие карие глаза, я ощущал лишь страстное желание, вытеснившее и чувство вины, и недавнее беспокойство.

— Так мы будем танцевать? — спросила Катерина, прижимаясь щекой к моей руке.

Сквозь толпу танцевавших гостей я разглядел отца, мистера Картрайта и остальных Основателей, яростно шептавшихся в дальнем углу зала.

— Нет, — хрипло прошептал я, — мы поедem домой.

Я схватил Катерину за плечи, и мы понеслись через зал в сторону кухни, где слуги готовили закуски. Рука об руку, мы прошли через кухню — к величайшему удивлению прислуги — и вышли из дома с черного хода.

Мы помчались в ночь, не обращая внимания на холодный воздух, на взрывы смеха,

доносившиеся со стороны особняка, и на то, что мы только что сбежали с главной светской вечеринки сезона.

Наш экипаж стоял у конюшни Локвудов. Альфред вне всяких сомнений играл в кости с другими слугами.

— После вас, леди, — сказал я, приподнимая Катерину за талию и усаживая на пассажирское сиденье. Я влез на место кучера, щелкнул кнутом, и кони послушно поскакали к дому.

Я улыбнулся Катерине. Впереди нас ожидал целый вечер свободы, и это было упоительно. Незачем было тайком пробираться в домик для гостей, прятаться от слуг... Только часы нескончаемого блаженства.

— Я люблю тебя! — закричал я, но ветер тут же унес мои слова. Я представил себе, как они, путешествуя вместе с ветром, облетают весь земной шар, пока каждый человек в каждом городе не узнает о моей любви.

Катерина встала, и ее кудри бешено заметались вокруг лица.

— Я тоже люблю тебя! — выкрикнула она, а потом со смехом упала обратно на сиденье.

К тому времени, когда мы вернулись в гостевой домик, мы оба покраснели и вспотели. Добравшись до спальни Катерины, я немедленно стянул платье с ее стройного тела и, охваченный страстью, нежно пробежался зубами по ее шее.

— Что ты делаешь? — Она отскочила и пронзительно посмотрела на меня.

— Я просто... — Что я делал? Исполнял роль? Пытался представить, что я такой же, как она? — Наверное, я хотел понять, что ты чувствуешь, когда...

— Катерина закусила губу. — Возможно, когда-нибудь ты все узнаешь, мой милый, невинный Стефан, — Она легла на кровать, волосы разметались по снежно-белой подушке, — но прямо сейчас мне нужен только ты сам.

Я лег рядом, провел указательным пальцем по изгибу ее подбородка и коснулся губами ее губ. Поцелуй был таким мягким и нежным, что я почувствовал, как ее сущность сливается с моей, и вместе они порождают силу большую, чем каждый из нас. Мы открывали тела друг друга, будто впервые. Там, в полумраке ее спальни, я не мог понять, где заканчивается реальность и начинаются мечты. Не было ни стыда, ни мыслей о будущем, лишь страсть и вожделение, и чувство опасности, таинственное, всепоглощающее и прекрасное.

В ту ночь я позволил Катерине всецело распоряжаться мной и с радостью предложил бы свою шею, если бы это дало нам возможность не размыкать объятий целую вечность.

23

Той ночью, однако, объятия не были вечными, и я провалился в тяжелый сон без сновидений. Но внезапно мой разум и мое тело пробудились, когда я услышал резкий лязгающий звук, казалось отозвавшийся во всем моем теле.

— Душегубы!

— Убийцы!

— Демоны!

Эти слова, похожие на монотонное песнопение, залетали через открытое окно. Едва передвигая ноги, я подошел к окну и со скрипом распахнул ставни. Снаружи, за прудом, были видны вспышки огней, и слышались ружейные выстрелы. Темные силуэты слились в единую массу, будто рой саранчи, налетевший на хлопковое поле.

— Вампиры! Убийцы!

Постепенно я начал различать все больше и больше отдельных слов в зловещем гуле толпы. Там было, по меньшей мере, человек пятьдесят. Пятьдесят пьяных, разгневанных, жестоких мужчин. Я схватил Катерину за плечо и изо всех сил начал трясти ее.

— Проснись же! — нетерпеливо шептал я.

Она рывком села на кровати. Белки ее глаз выглядели огромными, а под глазами

залегли тени.

— Что случилось? Все в порядке? — Ее пальцы вспорхнули к ожерелью.

— Нет, не в порядке, — прошептал я. — Команда вышла на охоту. Они ищут вампиров. Сейчас они на главной дороге. — Я указал на окно.

Крики и вопли слышались все ближе. Огонь полыхал в ночи, языки пламени алыми кинжалами пронзали черное небо. Меня охватил страх. Это не должно было случиться — не сейчас.

Катерина выскользнула из кровати, замотавшись в белое пуховое одеяло, и с грохотом захлопнула ставни.

— Твой отец, — холодно сказала она.

Я потряс головой. Этого не могло быть.

— Облава назначена на следующую неделю, а отец не из тех, кто отступает от принятого плана. Стефан! — резким голосом сказала Катерина. — Ты обещал, что сделаешь что-нибудь. Ты должен это остановить. Эти мужчины не знают, с чем сражаются, они не знают, насколько это опасно. Если они будут продолжать, многие могут пострадать.

— Опасно? — переспросил я, растирая висок. У меня вдруг сильно разболелась голова. Крики постепенно стихали, кажется, толпа двинулась дальше — или начала расходиться. Я не мог понять, было ли происходящее стихийной акцией протеста, пьяным куражом, или действительно началом облавы.

— Опасность исходит не от меня, опасен тот, кто начал эти нападения, кем бы он ни был, — Катерина поймала мой взгляд. — Если жители города дорожат своим покоем и безопасностью, они остановят охоту и позволят нам самим решить проблему. Они позволят нам найти виновного в этих нападениях.

Я сидел на краю кровати, положив локти на колени и уныло уставившись в потертые деревянные половицы, как будто мог отыскать там хоть какой-нибудь ответ, хоть какой-нибудь способ предотвратить то, что вот-вот случится.

Катерина взяла мое лицо в свои руки.

— Я всецело в твоей власти. Я нуждаюсь в твоей защите. Пожалуйста, Стефан.

— Катерина, я все понимаю, — почти в истерике ответил я, — но что, если уже слишком поздно? У них есть отряд, у них есть подозреваемые, у них даже есть прибор, специально созданный для поиска вампиров.

— Что? — отшатнулась Катерина. — Прибор? Ты не говорил мне об этом, — сказала она, и в ее голосе звучало обвинение.

С тяжелым сердцем я рассказал ей об изобретении Джонатана. Как я забыл рассказать об этом раньше? Простит ли она меня когда-нибудь?

— Джонатан Гилберт, — лицо Катерины исказило презрение. — Итак, этот дурак возомнил, что сможет загнать нас в ловушку, как животных?

Я отшатнулся. Я никогда не слышал, чтобы Катерина разговаривала таким грубым тоном.

— Прости, — сказала Катерина уже более спокойным голосом, будто почувствовав вспышку страха в моем сердце. — Прости. Это просто... Ты просто не можешь себе представить, каково это, когда на тебя идет охота.

— Голоса, кажется, стихают. — Я украдкой выглянул через ставни. Толпа действительно начинала расходиться, факелы уже казались дрожащими точками на фоне чернильно-черного неба. Похоже, опасность миновала.

По крайней мере пока. Но на следующей неделе у них будет изобретение Джонатана. У них будет список вампиров. И они их отыщут, всех до единого.

— Слава богу! — Катерина рухнула на кровать, бледная, как никогда прежде. Одинокая слеза вытекла из ее глаза и побежала вниз по алебастровой коже. Я подошел и вытер ее указательным пальцем, а затем нежно коснулся этим пальцем своей кожи, как тогда, на балу. Я лизнул свой палец и обнаружил, что ее слезы были солеными на вкус. Человеческими.

Я привлек ее к себе и крепко обнял. Не знаю, сколько времени мы просидели вместе, обнявшись. Когда в окно пробрался слабый утренний свет, я встал.

— Я остановлю это, Катерина. Я буду защищать тебе до самой смерти. Клянусь.

24

25 сентября 1864 года

Говорят, любовь побеждает все. Но может ли она победить тот голос, который внушает отцу, что Катерина и ей подобные — демоны, зло?

Я нисколько не преувеличиваю, когда говорю, что Катерина — ангел. Она спасла мою жизнь и жизнь Анны. Отец должен узнать правду. Как только он все узнает, он уже не сможет отрицать добродетель Катерины. И моя обязанность как представителя рода Сальваторе — оставаться верным своим убеждениям и тем, кого я люблю.

Настало время действовать, прочь сомнения. Уверенность течет в моих жилах. Я заставлю отца признать очевидное: все мы одинаковы. И вместе с правдой придет любовь. И отец отзовет облаву.

Клянусь своим именем и своей жизнью.

Остаток дня я провел в своей спальне за письменным столом, глядя на чистый лист дневника и обдумывая свои дальнейшие действия. Если бы только отец узнал, что Катерина — вампир, он отозвал бы облаву. Иначе не может быть, ведь я же видел, как он смеялся вместе с ней, как старался произвести на нее впечатление рассказами о своих мальчишеских шалостях в Италии и обращался с ней как с дочерью. Катерина наполнила моего отца такой энергией, какой я никогда в нем не видел. Она вдохнула в него жизнь.

Но как я мог убедить его в этом, если презрение к демонам так глубоко проникло в его мозг? К тому же отец всегда был очень рационален. Логичен. Возможно, он тоже мог бы понять то, в чем Катерина убедила меня: вампиры — это необязательно зло. Они ходят среди нас, плачут человеческими слезами; все, чего они хотят, — иметь настоящий дом, и чтобы их там любили.

Наконец я набрался храбрости и встал, решительно захлопнув дневник. Это не домашнее задание в школе; для того, чтобы говорить от имени своего сердца, не нужны заметки. Я был готов поговорить с отцом, как мужчина с женщиной. В конце концов, мне почти восемнадцать, и отец собирается оставить мне Веритас.

Сделав глубокий вдох, я спустился по винтовой лестнице, прошел через пустую гостиную и решительно постучал в дверь отцовского кабинета.

— Войдите! — послышался приглушенный голос отца. И прежде, чем я успел взяться за ручку, отец уже сам открыл дверь. На нем был строгий пиджак с цветком вербены в петлице, но я заметил, что, всегда чисто выбритый, сегодня он щеголял сизой щетиной, а глаза были воспаленными и припухшими.

— Я не видел тебя вчера на балу, — сказал отец, впустив меня в кабинет. — Надеюсь, тебя не было в этой шумной, бессмысленной толпе.

— Нет. — Я энергично потряс головой, и в сердце зародилась надежда. Могло ли это означать, что отец больше не планирует нападения?

— Хорошо. — Отец сел за дубовый стол и громко захлопнул книгу в кожаном переплете. Под ней я увидел сложные чертежи и схематическое изображение нашего города, некоторые дома на нем, включая аптеку, были помечены крестами. Проблеск надежды мгновенно угас, уступив место холодному, гнетущему страху.

Отец проследил за моим взглядом.

— Как видишь, у нас есть намного более продуманные планы, чем эта глупая вылазка юнцов и пьяниц. К счастью, шериф Форбс и его команда остановили их, и ни один из них не будет участвовать в нашей операции, — отец вздохнул и сложил пальцы рук вместе. — Мы живем в опасное и ненадежное время, и действовать нужно соответственно. — На секунду

его взгляд смягчился. — Я просто хочу, наконец, удостовериться, что ты хорошо обдумал свои решения, — он не добавил «в отличие от Дамона», но в этом не было нужды. Я знал, о чем он думал.

— Значит, облава...

Состоится на следующей неделе, как и планировалось.

— А компас? — спросил я, вспомнив разговор с Катериной.

Отец улыбнулся.

— Он работает. Джонатан уже заканчивает.

— А... — Волна ужаса прокатилась по моему телу. Если он работает, то не приходится сомневаться в том, что отец узнает о Катерине. — Откуда вы знаете, что он работает?

— Отец улыбнулся и свернул бумаги.

— Потому что он уже работает, — просто ответил он.

— Можно мне кое-что сказать? — спросил я, надеясь, что голос не выдаст меня. Образ Катерины пронесся в моей голове, придав сил для того, чтобы посмотреть отцу в глаза.

— Разумеется. Садись, Стефан, — приказал отец. Я послушно опустился на стул с высокой спинкой, стоявший у книжных полок. Отец встал, подошел к угловому столику и налил в стаканы бренди из графина — сначала себе, потом мне.

Я взял стакан и, поднеся его к губам, сделал маленький, почти неощутимый глоток. Затем, собравшись с силами, я взглянул отцу прямо в глаза:

— У меня есть сомнения по поводу твоего плана.

— Правда? И почему же? — Отец откинулся на спинку стула.

Занервничав, я жадно отхлебнул большой глоток бренди.

— Мы исходим из предположения, что они действительно такие злонамеренные, какими их все представляют. А что, если это не так? — спросил я, заставляя себя смотреть прямо в его глаза.

Отец фыркнул.

— А что, есть доказательства, что это не так?

Я тряхнул головой.

— Разумеется, нет. Но почему мы должны принимать на веру слова других людей? Ты всегда учил нас обратному.

Отец со вздохом подошел к графину и налил еще бренди.

— Почему? Потому что эти создания пришли из самого темного уголка ада. Они знают, как контролировать наш разум, подавлять наш дух. Они несут смерть и должны быть уничтожены.

Я посмотрел на янтарную жидкость в своем стакане, такую же темную и мутную, как мои мысли.

Отец слегка коснулся своим стаканом моего.

— Нет необходимости говорить тебе, сын, что те, кто с ними заодно, кто позорит свои семьи, тоже будут уничтожены.

Холод сковал мой позвоночник, но я выдержал его взгляд.

— Любой, кто встанет на сторону зла, будет уничтожен. Но я действительно не думаю, что разумно считать всех вампиров злом только потому, что они вампиры. Ты всегда учил нас искать в людях хорошее и думать своей головой. Сейчас, когда война уже унесла столько жизней, нашему городу меньше всего нужны бессмысленные убийства, — сказал я, вспоминая тот ужас, о котором рассказывали в лесу Анна и Перл. — Основателям следует пересмотреть свой план. Я пойду с тобой на следующее собрание. Я знаю, что я не столь глубоко вовлечен в вашу работу, как мог бы, но я готов взять на себя ответственность.

Отец снова сел на стул, прислонив голову к спинке. Закрыв глаза, он помассировал виски, а потом несколько секунд оставался в таком положении. Я сидел, не шелохнувшись, и каждая мышца моего тела напряглась в ожидании шквала гневных слов, который должен был вылететь из его рта. Подавленный, я не сводил глаз со своего стакана. Я проиграл. Я обманул ожидания Катерины, Перл и Анны. Я не смог обеспечить самому себе счастливое

будущее.

Наконец, отец открыл глаза, такие же лиственно-зеленые, как мои. К моему удивлению, он кивнул.

— Я полагаю, что мог бы обдумать твоё предложение.

Мое тело наполнилось спасительной прохладой, как будто знойным летним днем я прыгнул в пруд. Он обдумает моё предложение! Для кого-то это, может, и не много, но для моего упрямого отца это означало все. Это означало, что шанс есть. Шанс на то, что не придется красться в темноте. Шанс на то, что Катерина будет в безопасности. Что мы всегда будем вместе.

Отец поднес свой стакан к моему.

— За семью.

— За семью, — эхом отозвался я.

Отец осушил свой бокал, и я был вынужден сделать тоже самое.

25

Волнение не оставляло меня, когда, улизнув из дома, я крался через покрытую росой лужайку к домику для гостей. Проскользнув мимо Эмили, придерживавшей для меня дверь, я взлетел по лестнице. Мне больше не нужна была свеча, чтобы найти Катерину. Там, в спальне, она ждала меня в простой ночной рубашке из хлопка, рассеянно поигрывая хрустальным ожерельем, переливавшимся в лунном свете.

— Я думаю, можно убедить отца отозвать облаву. По крайней мере он готов это обсуждать. Уверен, что смогу заставить его изменить своё мнение, — воскликнул я, закружив её по комнате.

Я думал, что она захлопает в ладоши от радости, что её улыбка станет отражением моей собственной. Но вместо этого Катерина высвободилась из моих объятий и положила ожерелье на ночной столик.

— Я знала, что ты человек слова, — сказала она, не глядя на меня.

— В большей степени, чем Дамон? — спросил я, не в силах подавить искушение.

Катерина наконец улыбнулась.

— Перестань сравнивать себя с Дамоном.

Она подошла ближе, коснулась губами моей щеки, а потом прижалась ко мне, и я задрожал от наслаждения. Я крепко держал её, чувствуя её спину сквозь тонкий хлопок ночной рубашки.

Она поцеловала меня в губы, потом в щеку, легко-легко пробежала губами вниз по шее. Я застонал и прижал её к себе как можно сильнее; мне необходимо было чувствовать её всю, всем своим телом. Она укусила меня в шею. Почувствовав её зубы под своей кожей, я приглушенно вскрикнул от боли и наслаждения. Она высасывала из меня кровь, и словно тысяча ножей кололи мою шею. Но я прижимал её все крепче, желая чувствовать её губы на своём теле, желая полностью подчиниться боли, кормившей её.

Внезапно Катерина отпрянула от меня. Её глаза горели огнем, лицо исказила отчаянная мука. Из уголка рта стекала тонкая струйка крови, а губы искривились от мучительной боли.

— Вербена, — выдохнула она, отступая до тех пор, пока не упала на кровать, изнемогая от боли. — Что ты наделал?

— Катерина! — Я приложил руки к её груди, губы к её рту, отчаянно пытаюсь вылечить её так же, как она вылечила меня там, в лесу. Но она оттолкнула меня, корчась на кровати, прижимая руки ко рту. Казалось, её истязала невидимая рука. Из глаз лились слезы агонии.

— Зачем ты сделал это? — схватившись за горло, Катерина закрыла глаза, её дыхание замедлилось, превратившись в гортанный хрип. Каждый мучительный вздох Катерины колом вонзался в моё собственное сердце.

— Это не я! Это отец! — кричал я, вспоминая головокружительные события этого вечера. Мой бренди. Отец. Он знал.

Внизу послышался грохот, и в комнату ворвался отец.

— Вампир! — ревел он, держа в руках грубо отесанный кол. Катерина с пронзительным визгом, какого я никогда не слышал прежде, корчилась от боли на полу.

— Отец! — закричал я, высоко подняв руки, когда он начал пинать Катерину ногой, обутой в тяжелый сапог. Она стонала, пытаясь отбиваться руками и ногами.

— Катерина! — бросившись на колени, я крепко обнял ее. Она завизжала, глаза ее закатились так, что виден был только белок. Губы покрылись запекшейся кровью, а изо рта пошла пена, как у бешеного животного. От ужаса я разжал руки, и ее тело с отвратительным глухим стуком упало на пол.

Не вставая на ноги, я отполз и, не в силах глянуть ни на Катерину, ни на отца, уставился в потолок в немой молитве.

Между тем отец стал тыкать Катерину колом. Издав еще один пронзительный крик, она вскочила с пеной на губах, с невидящими дикими глазами — а затем бесформенной грудой рухнула на пол.

К горлу подступила тошнота. Кто это чудовище?

— Поднимайся. — Отец поставил меня на ноги. — Видишь, Стефан? Видишь, какова она на самом деле?

Я посмотрел на Катерину. Ее спутанные темные пряди прилипли ко лбу, мокрому от пота, черные глаза расширились и налились кровью, на губах выступила пена, тело тряслось. Я не мог разглядеть в ней ни одной черты, напоминавшей ее прежнюю.

— Сходи за шерифом Форбсом. Скажи, что мы поймали вампира.

Парализованный ужасом, я не мог сделать ни шага. Сердце мое билось как сумасшедшее, в мыслях царил неразбериха. Я любил Катерину, любил. Тогда почему она... почему это чудовище вызывает у меня отвращение?

— Я не воспитывал своих сыновей слабаками, — прорычал отец и засунул пучок вербены в карман моей рубашки. — Теперь иди!

Я хрипло дышал, мне вдруг стало невыносимо душно. Я не мог дышать, не мог думать, я вообще ничего не мог. Я только знал, что не могу больше оставаться в этой комнате ни секунды. Не взглянув ни на отца, ни на вампира, корчившегося на полу, я, перепрыгивая через две ступеньки, выбежал из дома и помчался к дороге.

26

Не знаю, как долго я бежал. Ночь была холодной и ясной, я чувствовал биение своего сердца в горле, в мозгу, в ногах. Время от времени я прижимал руку к ране на шее, которая все еще кровоточила, и каждый раз меня охватывал приступ тошноты от ощущения теплой крови.

С каждым шагом в голове рождались новые образы: Катерина с кровавой пеной на губах, отец, стоящий над ней с колом в руке... Воспоминания были туманными, и я уже не мог с уверенностью сказать, было ли чудовище с налитыми кровью глазами, визжавшее на полу спальни, той же девушкой, что устремлялась ко мне с алчущими зубами, что ласкала меня в пруду, что заполонила мои сны и явь. Тело мое тряслось, я споткнулся о срубленную ветку и упал на четвереньки в грязь. Меня долго рвало, пока не исчез железный привкус во рту.

Катерины скоро не станет. Отец меня ненавидит. Я не знал, кто я, не знал, что мне делать. Мир словно перевернулся, я чувствовал слабость и тошноту, зная лишь одно — что бы я ни сделал, это приведет лишь к разрушениям. Я один был виноват. Во всем. Если бы я не лгал отцу, храня тайну Катерины...

Я заставил себя перевести дух, затем встал и снова бросился бежать.

Пока я бежал, запах лежащей в кармане вербены проник мне в ноздри. Сладкий, грубоватый, он пронесся по всему телу и, казалось, прочистил мозг, наполнив все тело живой энергией. Я свернул налево, на грунтовую дорогу, удивляясь, что выбрал именно этот

путь, но впервые за несколько недель я был уверен в своих действиях.

Ворвавшись в офис, я увидел, что шериф Форбс спал сидя, положив ноги на стол. В камере громко храпел Иеремия Блэк, городской пьяница, по-видимому отсыпаясь после тяжелой ночи в салуне. Ноа, молодой полицейский, тоже клевал носом, сидя на деревянном стуле возле камеры.

— Вампиры! Вампиры в Веритас! — завопил я, привлекая к себе внимание шерифа Форбса и Иеремии.

— За мной! — приказал шериф, прихватывая дубинку и мушкет. — Ноа! — добавил он. — Бери фургон и следуй за нами.

— Есть, сэр, — сказал Ноа, вскакивая на ноги. Он снял с крючка дубинку и передал ее мне. В этот момент я услышал пронзительный звук и понял, что шериф Форбс снаружи бьет в тревожный колокол. Колокол звонил и звонил.

— Я хочу помочь. Пожалуйста, — заплетаящимся языком попросил Иеремия, обеими руками держась за решетку. Ноа отрицательно покачал головой и побежал по коридору, стуча башмаками по бревенчатому полу. Я последовал за ним, а затем остановился, наблюдая, как он торопливо запрягает двух лошадей в длинный железный фургон.

— Поехали, — взяв кнут, нетерпеливо позвал Ноа.

Я запрыгнул на сиденье рядом с ним и смотрел, как он щелкает кнутом, заставляя лошадей с головокружительной скоростью галопом мчаться вниз по холму. На полном ходу мы въехали в город. Люди стояли возле своих домов в ночных одеяниях и спросонья терли глаза, некоторые уже запрягали лошадей в повозки и экипажи.

— Нападение на поместье Сальваторе! — снова и снова выкрикивал Ноа, пока не охрип. Я понимал, что должен ему помогать, но не мог. Ветер дул мне в лицо, а сердце терзал страх. Я слышал вдали конский топот, видел, как распахиваются двери, и все новые люди в ночных рубашках хватаются за ружья, штыки и любое другое подвернувшееся под руку оружие. Проезжая мимо аптеки, я заметил, что она закрыта. Возможно ли, что Анна с Перл сейчас дома? Если да, то я должен как-то предупредить их.

— Нет.

Это слово так убедительно прозвучало в моем мозгу, будто отец сам прошептал мне его на ухо. Я должен делать то, что правильно для меня и для всего рода Сальваторе. Единственными людьми, чьи судьбы меня заботят, были отец и Дамон, и если с ними что-нибудь случится...

— Нападение на поместье Сальваторе! — срывая голос, закричал я.

— Нападение на поместье Сальваторе! — вторил мне Ноа, и его слова звучали как призыв. Я взглянул на небо. Луна выглядела тонким серпом, а облака не пропускали света звезд. И вдруг, как только мы поднялись на холм, я увидел ярко освещенный Веритас. Дом окружала по меньшей мере сотня людей, они кричали и размахивали факелами на ступеньках крыльца.

Пастор Коллинз, стоя на качелях, выкрикивал слова молитвы, несколько человек молились, стоя на земле на коленях. Неподалеку Онория Фелл громко рассказывала всем, кто хотел слушать, о демонах и покаянии. Старик Робинсон так размахивал факелом, что рисковал сжечь все поместье.

— Стефан! — позвала Онория, когда я выпрыгнул из фургона, не дожидаясь, пока он остановится. — Вам для защиты, — она протянула мне ветку вербены.

— Прошу прощения, — хриплым голосом извинялся я, при помощи локтей пробираясь сквозь толпу. Поднявшись по лестнице гостевого домика, я услышал сердитые голоса, доносившиеся из спальни.

— Я заберу ее! Мы уедем, и ты больше никогда нас не увидишь! — Голос Дамона был низкий и злобный, как подступающий раскат грома.

— Неблагодарный! — взревел отец, и послышался отвратительный хруст. Я пролетел оставшиеся ступеньки и увидел Дамона, оседавшего на пол в дверном проеме. Из его виска сочилась струйка крови. Дверь треснула под тяжестью его тела.

— Дамон! — воскликнул я, падая рядом с братом на колени. Дамон попытался подняться на ноги. Я вздрогнул, увидев кровь, сочащуюся из его виска. Он повернулся ко мне, и в его глазах полыхнула злость.

Отец стоял с колом в руке.

— Спасибо, что привел шерифа, Стефан. Ты поступил правильно. В отличие от твоего брата.

Отец подошел к Дамону, и я затаил дыхание, ожидая нового удара. Но вместо этого он протянул Руку:

— Вставай, Дамон.

Дамон с силой оттолкнул протянутую руку, сам поднялся на ноги и тыльной стороной ладони вытер с головы кровь.

— Дамон, послушай меня, — продолжил отец, не обращая внимания на неприкрытую ненависть и отвращение, написанные на лице Дамона. — Вы были околдованы демоном... этой вашей Катериной. Но сейчас она исчезнет, и вы сможете стать на сторону добра. Я простил вас, но эти люди... — Отец жестом указал на бушующую под окном толпу.

— В таком случае, пусть меня лучше убьют, — прошипел Дамон и выбежал за дверь. Он больно задел меня плечом и побежал вниз по лестнице.

Из комнаты донесся страшный вопль.

— Шериф? — позвал отец, открывая дверь в спальню.

У меня перехватило дыхание. Там лежала Катерина, в кожаной маске на лице, со связанными руками и ногами.

— Она готова, — мрачно сказал шериф. — Мы унесем ее в фургон и внесем ее имя в список. Гилберт взял компас и сейчас обходит окрестности в поисках вампиров. До рассвета мы очистим город от этой напасти.

Катерина смотрела на меня отчаянными, умоляющими глазами. Но что я мог сделать? Она была потеряна для меня.

Я развернулся и побежал вниз по ступеням.

27

Я выбежал на лужайку. Повсюду горели огни, и я увидел, как дом прислуги охвачен пламенем. Пока что главная усадьба казалось безопасным местом, но кто знает, надолго ли? В лесу мелькали огни, а вокруг полицейского фургона собралась большая группа людей. Но мне нужно было найти Дамона. Наконец я увидел фигуру в синем жакете, быстро бегущую к пруду. Развернувшись, я побежал за ней через поле.

— Стефан!

Услышав свое имя, я остановился и огляделся вокруг.

— Сюда! Обернувшись, я увидел Джонатана Гилберта, с безумным видом стоящего на краю леса. В одной руке он держал лук со стрелами, а в другой — компас. Джонатан смотрел на свое изобретение и, казалось, не верил своим глазам.

— В лесу вампир. Мой компас показывает это, но мне нужны помощники, чтобы удостовериться.

— Джонатан! — крикнул я, задыхаясь. — Я не могу... я должен найти...

Внезапно я увидел, как в лесу мелькнуло что-то белое. Джонатан развернулся и натянул тетиву лука.

— Кто там? — громко спросил он голосом, звеневшим, как колокол, и тотчас выпустил стрелу. Я видел, как она полетела в темноту, а затем послышался короткий крик и глухой удар.

Джонатан побежал в лес, и я слышал долгий, низкий стон.

— Джонатан! — громко позвал я и замер на месте, увидев его стоящим на коленях перед расprostертым телом. Он повернулся ко мне, в его глазах блеснули слезы.

— Это Перл, — тусклым голосом сказал он.

Из плеча Перл торчала стрела. Она стонала, ее глаза трепетали под веками.

— Перл! — еще раз произнес Джонатан, уже со злостью, и резко выдернул стрелу. Я в ужасе отвенулся, не желая этого видеть, и что было мочи побежал к пруду в надежде, что Дамон все еще там.

— Дамон? — неуверенно позвал я, стараясь не споткнуться о корни деревьев. Уже через минуту, когда мои глаза привыкли к темноте и неподвижности леса, я увидел фигуру человека, сидящего на ветке срубленного дерева.

— Дамон? — тихо окликнул я.

Человек повернулся, и я ахнул. Лицо Дамона было мертвенно-бледным, темные волосы прилипли ко лбу. Кровь запеклась на виске вокруг раны, а белки глаз были затуманены.

— Трус, — прошипел он, доставая нож из кармана.

— Нет, — я поднял руки вверх и шагнул назад, — не делай этого.

— Не делай этого! — передразнил он высоким голосом. — Я так и знал, что в конце концов ты все расскажешь отцу. Не могу понять, как могла Катерина доверить тебе свою тайну, почему она верила, что ты ее не выдашь. Почему любила тебя.

На слове «любила» его голос дрогнул, и он выронил нож. Лицо его исказило страдание, и теперь он не выглядел опасным и полным ненависти. Он выглядел разбитым.

— Дамон, нет! Нет! Нет! — повторял я в смятении. Катерина любила меня? Я помнил, как она смотрела на меня, положив руки мне на плечи. «Ты должен любить меня, Стефан. Скажи, что мы всегда будем вместе. Ты владеешь моим сердцем». И каждый раз я испытывал одно и то же неясное, пьянящее чувство, переполняющее меня желание сделать для нее все что угодно. Но сейчас я с содроганием думал о ее истинной природе.

— Она не любила меня, — наконец сказал я. Она околдовала меня, заставила причинить боль всем, кого я любил. Я чувствовал, как из глубин моего естества поднимается ненависть и готов был стать на сторону обвинения.

До тех пор, пока не посмотрел на брата.

Он сидел, положив голову на руки, глядя в землю. Я понял: Дамон по-настоящему любит Катерину. Любит, несмотря на темную сторону ее натуры, а возможно, благодаря ей. Глядя на связанную Катерину, лежащую на полу с пеной на губах, я не испытывал ничего, кроме физического отвращения. А любовь Дамона к Катерине превосходила ее теперешнее состояние. Он любил так сильно, что принимал ее темную сторону, а не делал вид, что ее не существует. И для того, чтобы быть по-настоящему счастливым, Дамону нужна Катерина. Я должен был спасти ее, чтобы спасти Дамона.

Вдалеке были слышны крики и вопли, в воздухе пахло порохом.

— Дамон, Дамон, — я все настойчивее звал его. Он поднял голову, и я увидел, что из глаз его вот-вот польются слезы. С тех пор как умерла мама, я ни разу не видел брата плачущим.

— Я помогу тебе спасти ее. Я знаю, что ты ее любишь. Я помогу.

Я все повторял и повторял это, как заклинание. Пожалуйста, про себя умолял я, глядя в глаза Дамона. Наступила тишина. Наконец, он еле заметно кивнул.

— Хорошо, — коротко сказал он, потом схватил меня за руку и потащил прочь из леса.

28

— Настало время действовать, — сказал Дамон, когда мы добрались до границы между лесом и полем. Землю покрывал слой листьев, скрадывавший все звуки, даже те, что издают животные.

Уже несколько минут я напряженно думал, что можно предпринять, чтобы спасти Катерину, но тщетно. Мы могли только, помолившись за Анну и Перл, вступить в открытый бой и попытаться освободить Катерину. Это было невероятно опасно, но другого выхода не было.

— Да, — ответил я, стараясь придать голосу уверенность, которой я не чувствовал. —

Ты готов?

Не дожидаясь ответа, я проворно выбрался из леса и пополз на звук доносившихся издали сердитых криков. Я уже видел очертания поместья. Дамон полз рядом. Внезапно мы увидели, как из гостевого домика вырвался столб огня. Я вскрикнул, а Дамон просто молча глянул на меня.

В эту минуту раздался резкий возглас Джонатана Гилберта:

— Нашел еще одного!

Я подполз ближе к краю леса и увидел, как Джонатан швырнул в сторону полицейского фургона Генри из таверны. Ноа схватил его за одну руку, а незнакомый мне полицейский — за другую. Джонатан, нахмурившись, смотрел на свой компас.

— Проткните его колом! — сказал он. Полицейский замахнулся и всадил штык прямо в середину груди Генри. Хлынула кровь, ночной воздух пронзил страшный крик. Генри тяжело упал на колени, расширившимися глазами глядя на штык, торчавший из его тела. Я посмотрел на Дамона, и мы оба поняли, что нельзя терять ни минуты. Дамон закусил губу. Я знал, что в этом деле мы с ним заодно. Несмотря на то что каждый из нас часто поступал по-своему, в решающие моменты мы всегда думали одинаково. Может быть, эта способность понимать друг друга без слов спасет и нас, и Катерину..

— Вампиры! — закричал я из-за деревьев.

— Мы поймали одного! Сюда! — крикнул Дамон. Двое стражников тотчас же отпустили Генри и, вскинув ружья, бросились к нам.

— Туда! — выпалил Дамон, показывая вглубь леса, когда те подбежали поближе. — Там мужчина. Мы видели только его тень, но он пытался наброситься на моего брата.

В качестве иллюстрации Дамон показал им рану на моей шее, из которой лилась кровь, собираясь в лужицу над ключицей. Я совсем позабыл, что Катерина меня укусила, и теперь с удивлением нащупал ранку рукой. Казалось, это было в другой жизни.

Полицейские переглянулись и коротко кивнули.

— Вам, парни, не следует находиться здесь без оружия. У нас есть кое-что в фургоне, — крикнул Ноа перед тем, как углубиться в лес.

— Отлично, — еле слышно сказал Дамон, — пошли. И если ты подведешь меня, я тебя убью, — добавил он, бросаясь к фургону. Я не отставал от него, двигаясь лишь благодаря адреналину.

Добежав до неохраняемого фургона, мы услышали доносящиеся оттуда слабые стоны. Дамон ударом ноги распахнул дверь и запрыгнул внутрь. Я последовал за ним, и меня чуть не вырвало от едкого запаха. Внутри пахло кровью, дымом и вербеной. У стен извивались тела, но из-за непроглядной тьмы невозможно было определить, были ли это вампиры, люди или и те и другие.

— Катерина! — шепотом позвал Дамон, опускаясь на колени и грубо касаясь всех тел по очереди, пытаясь отыскать ее.

— Стефан? — позвал из угла слабый голос, и я заставил себя не броситься туда, не плюнуть в сторону этого голоса, не смотреть в подлые глаза, не сказать ей, что она получает то, что заслужила.

— Дамон? — голос затих.

— Катерина! Я здесь, — прошептал Дамон, пробираясь в дальний угол фургона. Я продолжал стоять как приклеенный. Когда глаза привыкли к темноте, я начал видеть то, чего не видел и в самых кошмарных из своих снов. На полу лежала почти дюжина тел, и в некоторых из них я узнавал жителей нашего города: Генри, еще нескольких завсегдатаев салуна, и даже доктора Джейнса. Из некоторых тел торчали колья, на лица других были надеты маски, руки и ноги третьих оказались связаны, а на губах застыл немой крик ужаса. Некоторые лежали так, как будто уже умерли. Это зрелище изменило меня, изменило все. Сорвав с головы шляпу, я рухнул на колени и стал молиться — Богу или любому, кто меня услышит, — чтобы их спасли. Я вспомнил плач Анны, похожий на писк маленького котенка, вспомнил унылый страх в глазах Перл... Согласен, им нельзя жить здесь, но как мог отец

допустить такое безжалостное обращение? Никто не заслуживает такой смерти, даже чудовища. Почему им показалось недостаточным просто выгнать их из города?

Дамон опустился на колени, и я поспешно последовал его примеру. Катерина лежала на спине со связанными руками и ногами. Вероятно, веревку обработали вербеной, потому что на тех местах, где она соприкасалась с кожей, виднелись ужасные ожоги. Лицо ее покрывала кожаная маска, а волосы были перепачканы засохшей кровью.

Не желая прикоснуться к ней и даже смотреть на нее, я отпрянул, а Дамон стал отвязывать маску. Она была снята, и я не мог отвести взгляда от зубов Катерины, от ее клыков, не мог не замечать ее истинной природы, очевидной, как никогда прежде. Но Дамон глядел на нее будто в трансе. Нежно убрав волосы с ее лица, он медленно наклонился и поцеловал ее в губы.

— Спасибо, — просто сказала Катерина. Вот и все. Глядя на них, на то, как ее пальцы гладят его волосы, на то, как он плачет у нее на груди, я понял, что это настоящая любовь. Они все смотрели друг другу в глаза, а я, вынув из кармана нож, постарался осторожно перерезать опутывающие ее веревки. Я действовал медленно и аккуратно, понимая, что любой дополнительный контакт с ядом вызовет еще большую боль.

— Быстрее! — прошептал Дамон, сидя на корточках и наблюдая за моей работой.

Я освободил одну руку, затем другую. Катерина прерывисто вздохнула и подвигала плечами вверх-вниз, будто желая убедиться, что они еще могут шевелиться.

— Помогите! — воскликнула худая бледная женщина, которую я не узнал. Ее затолкали в самый конец фургона.

— Мы вернемся, — сквозь зубы солгал я. Мы не вернемся. Дамону с Катериной нужно бежать, а мне... Я должен был помочь им.

— Стефан? — тихим голосом позвала Катерина, пытаясь подняться на ноги. Дамон кинулся к ней, чтобы поддержать слабое тело.

Вдруг я услышал возле фургона звук шагов.

— Побег! — крикнул один из охранников. — Нужно вызвать подкрепление. Фургон взломан!

— Бегите! — Я подтолкнул Дамона с Катериной в противоположном охраннику направлении.

— Никакого побега! Все чисто! — выпрыгивая из фургона, крикнул я в темноту в надежде, что мне поверят.

Прежде чем услышать звук выстрела, я увидел пороховой взрыв. Громкий вопль разорвал ночной воздух, за ним последовал еще один гулкий выстрел. С сердцем, бьющимся в горле, я побежал во-круг фургона, заранее зная, что я там увижу.

— Дамон! — закричал я. Он лежал на земле, и кровь текла из его живота. Сорвав с себя рубашку, я приложил ее к ране, чтобы остановить кровотечение. Я знал, что это было бесполезно, но продолжать прижимать ткань.

— Не закрывай глаза, брат. Побудь со мной.

— Нет... Катерина... спаси ее... — прохрипел Дамон, и его голова упала на влажную землю. Я дикими глазами посмотрел в сторону леса. Оттуда бежали двое охранников, а за ними Джонатан Гилберт.

Я встал, и тотчас же мое тело наткнулось на острый, рвущий, мучительный удар пули. Я почувствовал, как разрывается на куски грудная клетка, как в ней свистит холодный воздух, и упал на спину прямо на тело брата. В последний раз я открыл глаза и посмотрел вверх, на луну, а потом все погрузилось во тьму.

Когда я вновь открыл глаза, я уже знал, что мертв. Но эта смерть не была похожа на черную пустоту из моих ночных кошмаров. Напротив, я чувствовал запах далекого костра, неровность земли под своим телом, свои руки, разбросанные по сторонам. Я не чувствовал

только боли. Чернота, окутывающая меня, была почти умиротворяющей. Это был ад? Если так, то он не имел ничего общего с увечьями и ужасом прошедшей ночи. Он был спокойным, мирным. Я неуверенно пошевелил рукой и удивился, нащупав солому. Потом я сел, поражаясь тому, что у меня все еще есть тело, и что оно не болит. Оглядевшись, я понял, что не пребываю в небытии. Слева от меня находились грубо оструганные доски — стена какой-то темной хижины. Если скосить глаза, можно было увидеть через щели кусочки неба. Где-то я был, но где? Я потрогал грудь. Я помнил выстрел, помнил звук, с которым мое тело упало на землю, помнил, как меня пинали сапогами и били палками. Помню, как перестало биться мое сердце, как меня наполнило чувство радости, а потом все стихло. Я умер. В таком случае...

— Эй! — хрипло крикнул я.

— Стефан, — ответил женский голос. Я почувствовал на спине чью-то руку и увидел, что одет в простую полинявшую рубашку из хлопка и холщовые штаны, одежду, которой у меня никогда раньше не было. Она была чистой, хоть и старой. Я попытался встать, но маленькая и удивительно сильная рука удержала меня за плечо.

— У вас была длинная ночь.

Я прищурился, и, когда глаза привыкли к темноте, я понял, что голос принадлежит Эмили.

Ты жива, — изумился я.

— Она засмеялась низким, ленивым, довольным смехом.

— Я должна бы сказать то же самое и вам. Как вы себя чувствуете? — спросила она, поднося к моим губам жестяную банку с водой. Я начал пить, вниз по горлу полилась прохладная жидкость. Никогда прежде я не пробовал ничего настолько чистого, настолько приятного. Я коснулся шеи в том месте, куда Катерина укусила меня. Она была чистой и гладкой. Тогда я в нетерпении рванул на себе рубашку, оторвав несколько пуговиц, и увидел, что и на груди нет никакого намека на пулевые ранения.

— Пейте, пейте, — как заботливая мать кудachtала надо мной Эмили.

— Дамон? — хрипло спросил я.

— Он снаружи. — Эмили подбородком указала на дверь. Проследив за ее взглядом, я заметил темную тень, сидевшую у воды. — Он выздоравливает, как и вы.

— Но как...

— Посмотрите на кольцо. — Эмили взяла меня за руку. На безымянном пальце мерцал синий лазурит, оправленный в серебро. — Это для исцеления и защиты. Катерина сделала его для вас в ту ночь, когда отметила вас.

— Отметила меня, — беззвучно повторил я, снова прикоснувшись к шее, а затем к гладкой поверхности камня.

— Отметила вас, чтобы вы стали таким же, как она. Вы почти вампир, Стефан. Вы в процессе трансформации, — говорила Эмили, как если бы она была врачом, ставящим диагноз пациенту с неизлечимой болезнью. Я кивал, делая вид, что понимаю, о чем она говорит, хоть мне и казалось, что это был какой-то совершенно незнакомый язык. Трансформация? Превращение?

— Кто меня нашел? — начал я с вопроса, заботившего меня меньше всего.

— Я. После того как вас с братом застрелили, все разбежались. Дом сгорел. Погибли люди, и не только вампиры, — с выражением глубокого сожаления на лице покачала головой Эмили. — Всех вампиров заперли в церкви и сожгли. И ее тоже, — сказала Эмили тоном, который невозможно было понять.

— Но это она сделала меня вампиром? — спросил я, касаясь шеи.

— Да. Но чтобы завершить переход, вы должны начать питаться как вампир. Это будет ваш выбор. Катерина обладала большой силой разрушения и смерти, но даже она должна была оставлять своим жертвам этот выбор.

— Она убила Розалин.

Я знал это так же точно, как и то, что Дамон любил Катерину. Как будто туман в моей

голове вдруг рассеялся, но только для того чтобы обнаружилось, что там царит непроглядная чернота.

— Она, — с непроницаемым лицом подтвердила Эмили. — Но того, что случилось, уже не исправить. Если вы изберете этот путь, то сможете питаться как они и завершить переход. Или...

— Умереть?

Эмили кивнула.

Я не хотел питаться как они. Я не хотел чужой крови внутри себя. Все, чего я хотел, это вернуться на несколько месяцев назад, в то время, когда я не слышал даже имени Катерины Пирс. Сердце мое сжалось от сильной боли при мысли о тех, кого я потерял. Но это были не последние потери.

Будто читая мои мысли, Эмили помогла мне встать на ноги. Она была миниатюрной, но очень сильной. Я поднялся и на нетвердых ногах вышел на улицу.

— Брат! — позвал я. Дамон обернулся, его глаза светились. В воде отражалось восходящее солнце, деревья вдали были окутаны дымкой. Но несмотря на это, на поляне было неестественно тихо и спокойно, как в давние, простые времена.

Дамон не отвечал. Не осознавая, что я делаю, я подошел к кромке воды, без колебаний стащил с себя одежду и нырнул. Вынырнув на поверхность, я с силой выдохнул, но мрак и грязь никуда не делись из моей головы.

Дамон смотрел на меня с берега.

— Церковь сгорела. Катерина была там, — глухо сказал он.

— Знаю.

Я не чувствовал ни грусти, ни удовлетворения, только глубокую скорбь — о себе, о Дамоне, о Розалин, обо всех, кто попал в эту разрушительную ловушку. Отец был прав. Демоны ходят по земле, и если ты не борешься с ними, то становишься одним из них.

— Ты знаешь, кто мы теперь? — с горечью спросил Дамон.

Наши глаза встретились, и я тотчас понял, что не хочу жить так, как Катерина. Я не хочу видеть солнечный свет, только надев кольцо на палец. Я не хочу смотреть на человеческие шеи, предвкушая следующую кормежку. Я не хочу жить вечно.

Нырнув под воду, я открыл глаза. Пруд таким же был темным и холодным, как хижина. Если так выглядит смерть, то это неплохо. Спокойно. Тихо. В ней нет страстей, но нет и опасности.

Я вынырнул на поверхность и убрал с лица волосы. Чужая одежда прилипла к мокрому телу. Даже зная о своей дальнейшей участи, я чувствовал себя замечательно живым.

— Тогда я умру.

Дамон кивнул, глаза пустые и безразличные.

— Без Катерины мне нет жизни.

Я выбрался из воды и обнял брата. Его тело было теплым, живым. Коротко обняв меня в ответ, он снова обхватил колени и уставился вдаль.

— Я готов, — Дамон поднялся и пошел прочь, к каменоломне. Глядя на его удаляющуюся спину, я вспоминал, как, когда мне было восемь или девять лет, мы с отцом ходили на охоту. Это было как раз после смерти мамы, и, пока Дамон был поглощен школьными забавами вроде азартных игр и верховой езды, я льнул к отцу. Однажды, желая меня подбодрить, он, велев мне прихватить ружье, взял меня с собой в лес.

Больше часа мы преследовали оленя, заходя все глубже в лес, не упуская ни одного движения животного. Наконец, олень остановился и стал объедать ягоды с куста.

— Стреляй, — прошептал отец, направляя ружье у меня на плече. Я весь дрожал, когда целился, положив палец на курок. И в тот момент, когда я выстрелил, на поляну выпрыгнул маленький олененок. Олень отскочил, и пуля попала малышу в живот. Его тоненькие ножки подкосились, и он упал на землю.

Я хотел побежать на помощь, но отец удержал меня за плечо.

— Животные знают, когда приходит время умирать. Давай просто оставим его в

покое, — сказал отец, уводя меня прочь. Я плакал и кричал, но он был неумолим. Сейчас, глядя на Дамона, я все понял. Дамон был таким же.

— Прощай, брат, — прошептал я.

30

Дамон собирался умереть в одиночестве, а у меня еще оставалось одно незаконченное дело. Покинув каменоломню, я направился обратно в поместье. В лесу пахло дымом, и листья уже начали опадать. Они хрустели под моими поношенными башмаками, а я вспоминал, как мы с Дамоном в детстве играли в прятки. Хотел бы я знать, остались ли у него какие-нибудь сожаления или он, как и я, чувствовал только опустошение. Еще я думал о том, можем ли мы, учитывая нашу новую сущность, встретиться с ним в раю.

Я пошел к дому. Обуглившиеся бревна гостевого домика напоминали обгоревший скелет. Несколько статуй вокруг лабиринта были разбиты, на некогда пышной лужайке валялись обломки факелов и другой мусор. Но на крыльце главной усадьбы горел свет, а внизу стояла запряженная коляска.

Обойдя дом сзади, я услышал доносящиеся с веранды голоса и мгновенно нырнул под живую изгородь. Под прикрытием листвы я на четвереньках полз вдоль стены, пока не добрался до ниши с окном, выходящим на веранду. Присмотревшись, я разглядел силуэт отца. Единственная свеча едва освещала помещение, но я увидел, что Альфреда нет на привычном месте у двери, где он всегда сидел, встречая гостей. Я подумал о том, не убит ли кто-нибудь из слуг.

— Еще бренди, Джонатан? С вербеной. Не то чтобы нам было о чем беспокоиться, — донесся из-за дверей голос отца.

— Спасибо, Джузеппе. И спасибо, что пригласили меня. Я так понимаю, что вам есть что сказать, — мрачно ответил Джонатан, принимая стакан. Я сопереживал ему всем сердцем, глядя на его обеспокоенное лицо, ведь ему пришлось узнать правду о Перл.

— Да, благодарю вас, — сказал отец, отмахиваясь от этой мысли. — Я считаю чрезвычайно важным закрыть эту печальную главу в истории города. Есть одна вещь, которую я хочу сделать для своих сыновей. После всего, что произошло, я не допущу, чтобы о Сальваторе говорили как о сторонниках демонов, — отец откашлялся. — Итак, группа приверженцев Союза атаковала военный лагерь Конфедерации, и произошла битва под Виллоу Крик, — звучно начал он, будто рассказывал историю.

— А Стефан и Дамон укрылись в лесу, пытаясь оказать помощь в поимке дезертиров, и... — подхватил Джонатан.

— И были убиты так же, как трагически погибли двадцать три мирных жителя, отдавшие жизнь за свою страну и свои убеждения. Конфедерация одержала победу, но заплатила за нее жизнями ни в чем не повинных людей, — закончил отец, повысив голос, будто убеждая себя в правдивости своей истории.

— Хорошо. Я поговорю с Хагерти о создании монумента, который увековечит эту ужасную страницу в нашей истории, — пробормотал Джонатан.

Я приподнялся на коленях, заглядывая в окно. Я видел, как отец удовлетворенно закивал, и холод сковал мои жилы. Так вот какой была официальная версия моей смерти: я был убит шайкой обезумевших солдат. Теперь я понимал, что просто обязан поговорить с отцом. Он должен узнать всю правду, узнать, что мы с Дамоном не были сторонниками демонов, узнать, что проблему можно было решить и без кровопролития и жестокости.

— Но, Джузеппе?... — вновь заговорил Джонатан, сделав большой глоток из стакана.

— Слушаю, Джонатан.

— Это был миг триумфа. Вампиры уничтожены, их тела обратились в прах. Мы сожгли нечисть в церкви, избавив город от проклятия, и оно никогда не вернется. Был трудный выбор, был героизм, и мы победили. И этим город во многом обязан вам, — уверенно и безапелляционно провозгласил Джонатан.

Отец снова кивнул и, осушив стакан, поднялся.

— Спасибо, — сказал он, протягивая руку. Я наблюдал, как двое мужчин пожимают друг другу руки, а затем Джонатан растворился в темноте. Через минуту я услышал звук отъезжающей коляски. Ползком выбравшись из-под живой изгороди, я встал, услышав хруст в коленях, и вошел в дверь дома, который когда-то был моим.

31

Я пробирался через дом, съезживаясь каждый раз, когда случайно наступал на плохо подогнанную или скрипучую половицу. По свету, горевшему в дальней части дома, я определил, что отец уже ушел из гостиной и сидит в своем кабинете, наверняка записывая в личный дневник историю, которую состряпали они с Джонатаном. Остановившись в дверном проеме, я с минуту наблюдал за ним. Он стал совсем седой, со старческими пятнышками на руках. Несмотря на всю услышанную ложь, мое сердце рвалось к нему. Передо мной сидел мужчина, никогда не знавший легкой жизни, потерявший сначала жену, а теперь и двоих сыновей.

Я шагнул к нему, и он резко поднял голову.

— Боже мой! — воскликнул он, роняя ручку на пол.

— Отец! — Я протянул к нему руки. Он вскочил, его глаза бешено заметались. — Все в порядке, — мягко сказал я, — я просто пришел поговорить с тобой.

— Ты умер, Стефан, — медленно проговорил отец, не сводя с меня изумленного взгляда.

Я покачал головой.

— Что бы ты ни думал о нас с Дамоном, ты должен знать, что мы не предавали тебя.

Страх на его лице внезапно сменился яростью.

— Вы предали меня. И не только меня, вы предали весь город. После того как вы опозорили меня, вы должны были умереть.

Я смотрел на него, и во мне закипала злость.

— Даже в нашей смерти ты видишь только позор? — спросил я. Так сказал бы Дамон, я словно чувствовал его присутствие рядом с собой. Я делал это ради него. Я делал это ради нас обоих, чтобы оправдать нас хотя бы после смерти.

Но едва ли отец меня слушал. Он только смотрел на меня.

— Ты теперь один из них. Разве я не прав, Стефан? — спросил он, медленно поворачиваясь ко мне спиной, как будто ожидая, что я прыгну и нападу на него.

— Нет, нет, я никогда не стану одним из них. — Я потряс головой, из последних сил надеясь, что отец мне поверит.

— Уже стал. Я видел, как ты истек кровью, я принял твой последний вздох, я ушел, оставив тебя мертвым. А сейчас вижу тебя здесь. Ты один из них, — повторил отец, прислонившись спиной к кирпичной стене.

— Ты видел, как меня застрелили? — спросил я в замешательстве. Я помнил голоса. Хаос. Вампиров, которые все кричали и кричали в темноте. Чувствовал, как Ноа стаскивает меня с тела Дамона. А потом все стало черным.

— Я собственноручно нажал на курок. Я стрелял в тебя, и я стрелял в Дамона. Очевидно, этого оказалось недостаточно, — сказал отец ледяным голосом. — Я должен закончить начатую работу.

— Ты убил своих сыновей? — в ярости спросил я.

Отец угрожающе шагнул в мою сторону, и я понял, что по-прежнему боюсь его, несмотря на то что он видел во мне монстра.

— Вы оба умерли, как только связались с вампирами. А теперь ты приходишь сюда и просишь прощения, как будто то, что ты сделал, может быть исправлено одним твоим «я сожалею».

— Нет. Нет! — Выйдя из-за стола, отец двинулся на меня. Его глаза продолжали

метаться по сторонам, только сейчас он больше напоминал охотника, чем его жертву. — Я благодарю Бога за то, что ваша мать умерла и не увидела вашего бесчестия.

— Я еще не превратился. И не хочу. Я пришел попроситься. Я решил умереть, отец. Ты сделал все, что наметил. Ты убил меня, — со слезами на глазах сказал я. — Все должно было быть иначе, вот что вам с Джонатаном Гилбертом следует записать в вашей фальшивой летописи. Все должно было произойти иначе.

— Все должно было произойти именно так, — возразил отец и ринулся за тростью, которую всегда держал в большой напольной вазе в углу кабинета. Молниеносно переломив ее на две части, он направил большую из них, зазубренную, в мою сторону.

В ответ я, не раздумывая, прыгнул отцу за спину и, рванув вверх его свободную руку, опрокинул его у кирпичной стены на бок.

Упав, отец закричал от боли. И тогда я увидел это — из его живота торчал кол, кровь хлестала во все стороны. Я побледнел, чувствуя, как поднимается вверх желудок, и горло наполняется желчью.

— Отец! — подбежав, я склонился над ним. — Я не хотел. Отец... — вздохнул я. Схватив кол, я выдернул его из живота отца. Он закричал, и в ту же минуту кровь хлынула из раны, подобно гейзеру. Я смотрел на нее с ужасом и восторгом. Кровь была такой алой, густой, прекрасной. Она как будто звала меня. Казалось, я умру в ту же секунду, если не получу ее. И против своей воли я зачерпнул ладонью кровь из раны и, поднеся руку к губам, почувствовал, как желанная жидкость коснулась моих десен, моего языка, моего горла.

— Пошел прочь от меня! — хрипло прошептал отец. Он пытался отползти, пока его спина не уперлась в стену. Он царапал мою руку, отодвигая ее от раны, а затем тяжело упал у стены, закрыв глаза.

— Я... — заговорил я, но внезапно почувствовал во рту острую, колющую боль. Это было даже больнее, чем когда меня подстрелили. Это было ощущение тесноты, ощущение миллиона игл, вонзившихся в плоть.

— Прочь... — выдохнул отец, закрывая лицо руками. Он боролся за каждый вдох. Сделав последний глоток, я пробежал пальцами по своим зубам, ставшим теперь отточенными и заостренными. И я понял, что стал одним из них.

— Отец, выпей моей крови. Я могу спасти тебя! — крикнул я, и, быстро приподнявшись, усадил его, прислонив к стене. Я поднес запястье ко рту и острыми зубами с легкостью разорвал кожу. Вздвигнув от боли, я поднес раненую руку к губам отца. Он отстранился; его рана все еще фонтанировала кровью.

— Я могу вылечить тебя. Если ты выпьешь крови, я исцелю твои раны. Пожалуйста, — умолял я, глядя в его глаза.

— Я лучше умру, — вымолвил отец. Через минуту его глаза закрылись, он снова сполз на пол, и вокруг его тела натекла лужа крови. Я положил руку ему на грудь, чувствуя, как замедляется, а затем и совсем останавливается биение сердца.

32

Покидая поместье, я сначала шел, потом бежал по грунтовой дороге к городу. Ноги едва касались земли. Я бежал все быстрее, но дыхание оставалось таким же ровным. Я чувствовал, что мог бы бежать бесконечно, и мне этого хотелось, потому что каждый шаг уносил меня все дальше и дальше от кошмара, свидетелем которого я стал.

Я пытался не думать, пытался заблокировать все воспоминания. Я сосредоточился на том, как мои ноги легко касаются земли, когда я их переставляю. Я заметил, что даже в темноте мог разглядеть слабый след тумана на нескольких оставшихся на деревьях листьях. Я мог слышать дыхание белок и кроликов, носящихся по лесу. И повсюду мне чудился запах железа. Когда я добрался до города, грунтовое покрытие сменил булыжник. Казалось, мне совсем не потребовалось времени, чтобы попасть в город, хотя обычно подобный путь занимал у меня не меньше часа. Я замедлили бег и остановился. Глазам было больно

смотреть по сторонам. Городская площадь выглядела не так, как обычно. В грязи, между булыжниками, копошились насекомые. Со стен особняка Локвуда осыпалась краска, хоть он и был построен всего несколько лет назад. Во всем чувствовались ветхость и упадок.

Надо всем этим царил запах вербены. Он был везде. Но он уже не казался мне приятным, он был удушливым, и от него меня тошнило, и кружилась голова. Единственным запахом, который можно было противопоставить надоедливому аромату, был крепкий запах железа.

— Я глубоко вдохнул, откуда-то зная, что этот запах — единственное лечение от слабости, вызванной вербеной. Каждая клеточка моего тела кричала о том, что я должен найти его источник и подпитаться им. Я хищно огляделся, глазами просканировав пространство от салуна до рынка в конце квартала. Ничего.

Я снова понюхал воздух и понял, что запах — восхитительный, ужасный, убийственный запах — доносится откуда-то поблизости. Оглядевшись, я увидел Элис, хорошенькую молодую барменшу из таверны, и затаил дыхание. Она нетвердым шагом шла по улице, что-то напевая себе под нос, очевидно попробовав виски, который всю ночь подавала клиентам. Ее волосы полыхали рыжим пламенем, оттеняя бледную кожу. От нее пахло чем-то теплым и сладким, смесью железа с деревом и табаком.

Она станет моим лекарством.

Я укрылся в тени деревьев, окаймлявших улицу. Меня поражало обилие громких звуков, издаваемых Элис. Ее пение, ее дыхание, каждый ее шаг — мои уши отмечали все, и я не мог понять, как она умудрялась не перебудить всех в этом городе.

Наконец она подошла так близко, что я мог коснуться ее волос. Я схватил ее за бедра, она ахнула от неожиданности.

— Элис, — собственный голос гулким эхом отдавался в моих ушах. — Это я, Стефан.

— Стефан Сальваторе? — Ее изумление на глазах сменилось страхом. — Но вы умерли.

Я чувствовал запах виски в ее дыхании, видел ее белую шею с голубыми венами и едва не терял сознания. Но я не коснулся ее зубами. Не сейчас. Я наслаждался тем, что чувствую ее в своих объятиях; сладостное облегчение, которого я страстно желал, было у меня в руках.

— Ш-ш, — прошептал я, — все будет хорошо. Я позволил своим губам коснуться белой кожи, восхищаясь ее сладостью и ароматом. Предвкушение было столь острым, что скоро я уже не мог сдерживаться: оскалившись, я вонзил зубы в ее шею. Ее кровь промчалась по моим зубам, по моим деснам, хлынула в мое тело, неся вместе с теплом жизненную силу. Я не мог насытиться и остановился, лишь когда Элис безвольно обмякла в моих руках, и ее сердце стало биться медленно и глухо. Я вытер губы и посмотрел на бесчувственное тело, восхищаясь своей работой: две аккуратные дырочки в шее, не больше нескольких миллиметров в диаметре.

Она еще не умерла, но я знал, что теперь это дело времени.

Перекинув Элис через плечо и не чувствуя ее веса, как до этого не чувствовал, что мои ноги касаются земли, я побежал через город в лес, возвращаясь к каменоломне.

33

Я несся к хижине, бледный свет луны плясал на ярких локонах Элис. Желая освежить воспоминание о том, как мои зубы вонзались в ее податливую, мягкую шею, я провел языком по все еще острым клыкам.

— «Ты чудовище», — прошептал голос где-то внутри меня. Но под покровом темноты, с кровью Элис, курсирующей по моим венам, эти слова не имели никакого смысла, и я не испытывал ни малейшего чувства вины.

Я ворвался в хижину. Там было пусто, но кто-то поддерживал огонь, и сейчас он ярко горел. Я смотрел на пламя, замороженный его отблесками — фиолетовыми, черными, голубыми и даже зелеными. Внезапно из угла донеслось еле слышное дыхание.

— Дамон? — позвал я, и мой голос отразился от грубо сколоченных балок таким громким эхом, что я вздрогнул. Тело все еще было настроено на охоту.

— Брат?

Я увидел фигуру, скрючившуюся под одеялом, и, не сходя с места, стал рассматривать Дамона, будто видел его впервые. Его мокрые темные волосы прилипли к шее, а на лице виднелись полосы вьевшейся грязи. Губы его потрескались, глаза воспалились, а воздух вокруг него был пропитан едким запахом. Это был запах смерти.

— Поднимайся! — грубо сказал я, бросая Элис на землю.

Ее почти неживое тело упало с тяжелым стуком. Рыжие волосы были перепачканы кровью, глаза полуоткрыты. Кровь еще сочилась из ранок, которые я ей нанес, но, облизав губы, я заставил себя сберечь эти остатки для Дамона.

— Что? Что ты... — Дамон переводил взгляд с меня на Элис и обратно. — Ты пил кровь? — спросил он, забиваясь поглубже в угол и закрывая глаза руками, будто это могло помочь избавиться от очевидного.

— Я принес ее тебе. Дамон, тебе это необходимо, — уговаривал я брата, опускаясь на колени рядом с ним.

Дамон потряс головой.

— Нет, нет, — хрипло, с усилием проговорил он, теряя силы.

— Просто приложи губы к ее шее. Это просто, — упрашивал я.

— Я не стану этого делать, братишка. Забери ее, — сказал он, прислоняясь к стене и закрывая глаза.

Я покачал головой, чувствуя, как голод разъедает мой желудок.

— Дамон, послушай меня. Катерины больше нет, но ты жив. Посмотри на меня. Смотри, как это просто, — я осторожно отыскал ранки, сделанные мной на шее Элис, вонзил в них зубы и начал пить. Кровь была уже холодной, но все равно насыщала меня. Я поднял глаза на Дамона, не позаботившись стереть кровь со рта.

— Пей, — попросил я и подтащил тело Элис поближе к Дамону, а потом подтолкнул брата в спину. Вначале он пытался сопротивляться, но затем перестал, и его взгляд сфокусировался на ране. Я улыбнулся, зная, как сильно он этого хочет, каким всепобеждающим бывает желанный запах.

— Не борись с этим, — я подтолкнул брата в спину и держал так, чтобы его губы оказались всего в нескольких дюймах от крови. Я почувствовал, как он глубоко вдохнул, и понял, что его силы уже восстанавливаются от одного вида этой алой роскоши, от одной только возможности, которую дает кровь.

— Только ты и я. Навсегда. Братья. У нас впереди вечность и будут другие Катерины. Такими, как мы есть, мы сможем, завоевать весь мир.

Я замолчал, следя за взглядом Дамона. Он смотрел на шею Элис, а затем стремительно наклонился и сделал долгий, глубокий глоток.

34

Я удовлетворенно наблюдал, с каким вожделием пьет Дамон, как первые неуверенные глотки становятся все более жадными, как он все глубже зарывается лицом в шею Элис. И чем белее становилось почти безжизненное тело жертвы, тем ярче расцветал здоровый румянец на щеках Дамона.

Когда Дамон допил последние капли, я вышел из хижины и с удивлением осмотрелся. Еще прошлой ночью местность казалась мне необитаемой, но теперь я понимал, что она наполнена жизнью: запахами живущих в лесу зверей, хлопаньем птичьих крыльев над головой, биением наших с Дамоном сердец. Это место, как и весь мир, было полно возможностей. Заметив, как сияет в лунном свете мое кольцо, я поднес его к губам. Катерина подарила мне вечную жизнь. Отец всегда хотел, чтобы мы поняли, в чем наша сила, и нашли свое место в мире. Я сделал это, хоть он так и не смог этого принять.

Я глубоко вдохнул и почувствовал, как ноздри заполняет медный запах крови. Оглянувшись, я увидел, что Дамон вышел из хижины. Он стал как будто выше и сильнее, чем был несколько минут назад. На его среднем пальце я заметил такое же кольцо.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я, ожидая, что он увидит все, что видел я.

Дамон отвернулся от меня и направился к пруду. Встав на колени, он зачерпнул воду и поднес ее ко рту, смывая с губ остатки крови.

Я присел на краю пруда рядом с ним.

— Разве это не поразительно? — воскликнул я. — Огромный новый мир, и он весь наш, навсегда!

Голова шла кругом. Мы с Дамоном никогда не постареем. Никогда не умрем.

— Твоя правда, — Дамон говорил медленно, как будто на незнакомом языке.

— Мы будем познавать его вместе. Только подумай! Мы можем поехать в Европу, исследовать весь мир, мы уедем прочь из Виргинии, подальше от воспоминаний... — Я взял его за плечо.

Дамон дико посмотрел на меня. Внезапно испугавшись, я сделал шаг назад. В нем что-то изменилось, что-то чужое появилось в его темных глазах.

— Теперь ты счастлив, братишка? — насмешливо фыркнул Дамон.

Я шагнул к нему.

— Неужели ты предпочел бы умереть вместо того чтобы иметь в своем распоряжении целый мир? Ты должен быть мне благодарен!

Ярость сверкнула в его глазах.

— Благодарен тебе? Я никогда не просил превращать свою жизнь в ад, из которого я не смогу вырваться, — выкрикнул он, и каждое его слово звучало как плевок. Внезапно он так сильно прижал меня к себе, что я задохнулся. — Послушай меня, братишка, — прошептал он прямо мне в ухо. — Раз уж мы будем вместе целую вечность, я постараюсь, чтобы она превратилась для тебя в пытку, — с этими словами он отпустил меня и помчался в сторону темного леса.

Как только его силуэт растворился в черной тени деревьев, над лесом поднялась одинокая ворона. Испустив жалобный крик, она улетела прочь. И я внезапно остался совсем один в мире, еще недавно сулившем бесчисленные возможности.

Пытаясь воссоздать тот миг, когда я поддался Силе и разрушил отношения с Дамоном, я представляю себе одну лишь секунду тишины. В эту секунду Дамон поворачивается, наши глаза встречаются, и мы обретаем взаимопонимание.

Но тишины не было, и никогда больше не будет. Теперь меня постоянно преследует шорох лесных зверей, учащенное дыхание живых существ, почуявших опасность, трепет останавливающегося сердца. Еще я слышу свои мысли, которые ворочаются и сталкиваются, друг с другом, как океанские волны.

И я жалею о том, что был так слаб, когда Катерина смотрела мне в глаза. О том, что вернулся, чтобы поговорить с отцом. О том, что заставил Дамона пить кровь.

Но я сделал это. Отголоски всех моих ошибочных решений волочатся за мной, словно мантия, которая с годами становится все более темной, приобретая множество разных оттенков. И я должен жить и расплачиваться за свои проступки вечно.

Интересно, что было дальше?

Переверните страницу и узнайте, чем начинается второй том «Дневников Стефана», который называется «Жажда крови».

коричневыми, и по Виргинии со свистом носился холодный ветер, вытеснивший душную летнюю жару. Но я этого чувствовать не мог. Мое тело, тело вампира, отмечало только температуру горячей крови, курсировавшей по венам.

Я стоял под сенью большого дуба, по щиколотку в рыхлом тумане; рубашка моя и руки были липкими от крови девушки, которую я принес сюда. Мой брат Дамон лежал распростертый у основания дерева, и взгляд его черных глаз был абсолютно безучастен. С тех пор, как я в последний раз заставил его покормиться, прошел не один день. Его тело покрыла меловая бледность, и под кожей темными трещинами извивались кровеносные сосуды. Но даже сейчас, когда я бросил едва живую девушку у его ног, мне пришлось удерживать его правую руку на ее животе, чтобы он снова не перевернулся на спину. Если бы не кровь, обагрявшая ее платье, они бы выглядели обнявшимися любовниками.

— Я ненавижу тебя всем своим существом, — шептал он ей в ухо, но я знал, что эти слова предназначаются мне. Она пошевелилась, но не открыла глаза.

— Тебе нужна сила, — сказал я. — Пей.

Он вздохнул, и плечи его безвольно поникли. В воздухе висел тяжелый металлический запах крови.

— Это не сила, — ответил он, закрывая глаза, — это слабость.

— Стефан...

Девушка потянулась ко мне дрожащей рукой, ее собственная сладкая кровь сверкала на пальцах, как шелковая перчатка. Это была Клементин Хейверфорд. Мы целовались с ней прошлым летом в тени моста Викери после того, как переиграли во все игры, придуманные Дамоном, и она даже позволила мне коснуться корсета своего голубого платья из муслина. Опустившись на колени, я заправил ей за ухо несколько выбившихся прядей. Голос из глубины сознания говорил, что мне следовало бы чувствовать сожаление, ведь я отбираю у нее жизнь, но я вообще ничего не чувствовал.

— Ты чудовище, — проговорил Дамон, стараясь держать губы как можно дальше от двух отметин на шее Клементин, все еще сочившихся кровью.

— Вечность — это слишком долго, чтобы отречься от своей сущности, — сказал я ему.

С того места, где мы скрывались в зарослях болиголова, было видно, как наши старые соседи собираются возле каменной мемориальной доски в центре кладбища. Время от времени один из них рукой обнимал другого, и в тумане они казались единой темно-серой глыбой.

Я всматривался издали, обостренные чувства вампира давали мне возможность незримо присутствовать в толпе горожан. Вот Онория Фелл сморкается в кружевной платок. Шериф Форбс не снимает руки с кобуры. Джонатан Гилберт прочищает горло и щелчком открывает карманные часы. Каждый звук пульсацией отзывался в моей голове, будто бы весь мир шептал свои секреты мне прямо в уши. Барнетт Локвуд, встав чуть поодаль от остальных, произносил хвалебную речь нашему отцу, Джузеппе Сальваторе, человеку, хладнокровно убившему нас с Дамоном, своих единственных сыновей. Отец свято верил, что вампиры — абсолютное, непоправимое зло, и приговорил нас к смерти за то, что мы пытались спасти Катерину Пирс, девушку-вампира, которую мы оба полюбили и которая превратила нас в таких же, как она.

Голос Барнетта доносился сквозь пелену начинавшегося дождя:

— Мы собрались здесь, чтобы сказать последнее «прощай» одному из величайших сынов Мистик-Фоллз — Джузеппе Сальваторе, человеку, всегда ставившему интересы семьи и города выше своих собственных.

Они стояли перед зияющей ямой. Отца одели в черный парадный костюм, в котором он ходил в церковь по воскресеньям. Широкие лацканы сходились точно на том месте, куда я случайно ранил его, когда он напал на меня, вооружившись колом. Над ним возвышалась крылатая фигура — статуя ангела на месте последнего приюта моей матери. Два участка рядом с ним пустовали — там должны были похоронить нас с Дамоном.

— И невозможно живописать героическую жизнь этого человека, — продолжал Локвуд, — отдельно от жизни двоих его сыновей, героев битвы у Ивового Ручья.

— Невозможно живописать его героическую жизнь без выстрелов его героического ружья, — с сарказмом пробормотал Дамон низким, рокочущим голосом и потер место на груди, куда попала отцовская пуля всего неделю назад.

Мэр Локвуд окинул взглядом всех собравшихся.

— Когда в Мистик-Фоллз пришла беда, лишь несколько храбрецов отважились принять вызов, чтобы защитить то, что нам дорого. Джонатан, Джузеппе и я плечом к плечу противостояли страшной угрозе. И мы должны навсегда запомнить последние слова Джузеппе как призыв к действию.

Голос Локвуда навевал воспоминания о запахе дымящейся почерневшей древесины, исходившем от сгоревшей церкви на противоположном конце кладбища. Он как будто бы говорил о группах дезертиров из армий Союза и Конфедерации, месяцами слонявшихся по нашей местности, но не было сомнений, что на самом деле он имел в виду вампиров. Вампиров вроде тех, кого мы с Дамоном пытались освободить, когда нас застрелили, вроде тех, кем мы с Дамоном стали. Вроде моей Катерины. Я все еще чувствовал на губах вкус ее крови, крови, вернувшей нас к жизни — или как еще называется существование вампиров, — прежде чем ее вместе с другими вампирами сожгли в городской церкви.

— А я смог бы, — сказал я Дамону, — смог бы выбежать и разорвать им всем глотки прежде, чем они опомнятся.

— И что же тебя останавливает, братишка? — прошипел он.

Я понимал, что он меня подстрекает исключительно в надежде, что меня убьют.

— То, что с каждым разом, выпив чьей-то крови, я все меньше чувствую на своих губах вкус поцелуев Катерины.

Дамон бросился на меня с прытью, удивившей, по-видимому, и его самого. Он схватил меня за воротник, и, хоть его хватка и не была такой уж сильной, взгляд был по-настоящему диким.

— Она никогда не была твоей, — прорычал он.

Переведя дух, я слушал его тяжелое дыхание, слушал монотонную ложь, доносившуюся с могилы отца, и мое внимание привлекло легкое пощелкивание, похожее на звук часов или выстукивание ногтем по стене склепа. Мое новое восприятие мира было еще непривычным; как вампиру мир предлагал мне гораздо больше, чем как человеку.

— Осторожно, — предупредил я, — они тебя услышат.

Он сник, слегка качнувшись, и я понял, что он мог удерживаться в вертикальном положении, только держась за мою куртку.

— Пойдем, — сказал я, обхватывая его рукой. — Бросим прощальный взгляд на лучших граждан Мистик-Фоллз.

Он не ответил, лишь прислонился ко мне, позволяя увести себя прочь от истекающего кровью тела Клементин к могиле отца. Мы уже подошли к склепу в сотне ярдов от ямы, когда мэр Локвуд дал слово Гилберту, чтобы тот прочел молитву.

Гилберт облизал губы со звуком, с каким змея заглатывает свою жертву. Пока он вслух читал одну молитву за другой, я услышал, что щелканье возобновилось и стало учащаться по мере нашего приближения к толпе. И словно в такт ему, увеличивалась скорость, с которой читал молитвы Джонатан.

Я обхватил голову руками. Теперь это щелканье казалось мне ровным, настойчивым грохотом, исходившим прямо из руки Джонатана. Джонатан Гилберт, стоя под широко простирающимися крыльями ангела, взглянул на источник звука в своей ладони.

Кровь застыла в моих жилах. Компас. Джонатан Гилберт изобрел компас, который, вместо того, чтобы указывать на север, распознавал вампиров.

Внезапно Джонатан поднял глаза и увидел нас с Дамоном.

— Демоны! — злобно завизжал он, указывая в нашу сторону.

Толпа, как один человек, развернулась к нам, и их взгляды штыками пронзали туман.

— Кажется, это про нас, братишка, — с коротким смешком заметил Дамон...